1905 ГОД В СИБИРИ

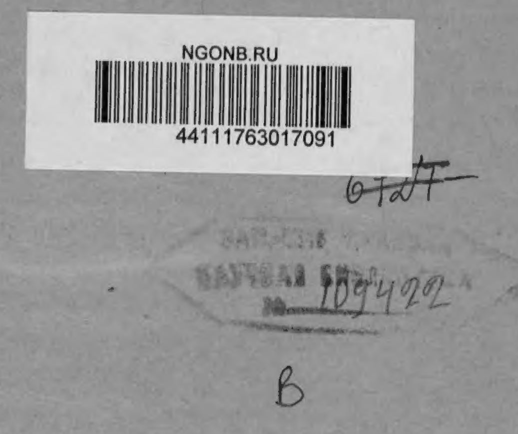
СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВОСПОМИНАНИЙ

1925

КОМИССИЯ ПРИ СИБКРАЙИСПОЛКОМЕ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА
ИСТПАРТОТДЕЛ СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП (б)
(СИБИСТПАРТ)

1905 ГОД
В СИБИРИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВОСПОМИНАНИЙ

СИБКРАЙИЗДАТ
НОВОНИКОЛАЕВСК
1925

Отпечатано в тип. Сибкрайсоюза, Советская ул., № 6. г. Новониколаевск. Заказ № 682. Тираж 2030 экз. Окрлит № 808 от 4/XII-25 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Главная цель сборника «1905 г. в Сибири»—дать массовому читателю в кратком и сжатом виде более или менее полное и исторически верное изложение того, как в Сибири подготовлялось и протекало революционное движение в 1905 году. Если принять во внимание, что в 1905 году в Сибири, как говорит один из авторов сборника, была только «революционная рябь» и что только пролетариат Красноярска высоко держал знамя пролетарской революции, то станет понятным, почему сборник главное внимание уделяет Красноярску.

Материал, опубликованный в настоящем сборнике, собран Сибистпартом которому Красноярский, Томский и Барнаульский губернские истпартотделы оказывали всемерную поддержку. Чтобы сделать сборник разнообразным и не слишком громоздким, составители сборника при выборе статей руководствовались тем, чтобы не было повторений. Эти же соображения, а равно стремление выявить в сборнике только фактическую сторону революционных событий 1905 г., побудили составителей по возможности избегать в сборнике таких статей, которые, главным образом, носят автобиографический характер.

Само собой понятно, что сборник страдает некоторыми недостатками. Однако, нужно помнить, что он—первая попытка собрать возможно полно такой материал, который дал бы представление о том, что именно происходило в Сибири в 1905 году.

На издание этого сборника Сибистпарт получил 1000 рублей от «Комиссии ВЦИК по организации празднования 20-летней годовщины революции 1905 г.» и 700 рублей от Сибирского Революционного Комитета.

Редактированием этого сборника занималась избранная Сибирским Краевым Комитетом коллегия в составе: В. Д. Вегмана—заведывающего Сибистпартом, М. В. Зайцева—заведывающего Агитпропом и И. И. Новохатного—заведывающего подотделом печати.

Выработка плана и общая редакция сборника принадлежат В. Вегману.

Сибирь на пути к 1905 году.

В то время, когда за Уралом, особенно в Питере и Москве, революционные волны клокотали в 1905 г. во-всю, в Сибири, в сущности гововоря, была только революционная рябь. На всей необ'ятной территории Сибири только два города—Красноярск и Чита—настоящим образом участвовали в революции. Правда, некоторое революционное брожение, порой принимавшее бурные формы, заметно было и в ряде других городов, но Сибирь в целом почти безмолвствовала в 1905 г.

Это об'ясняется экономической отсталостью Сибири, характером ее хозяйственного уклада, составом населения, малочисленностью пролетариата и той почти полной оторванностью от центральной России, которая прекратилась лишь в 1896 г., когда Сибирь прорезал сквозной железнодорожный путь.

И сейчас еще крестьянство составляет 90 проц. всего населения Сибири, и сейчас еще в Сибири промышленность слабо развита. Тогда же, до проведения железной дороги, в сибирских городах все хозяйство находилось в руках необычайно хищного торгового капитала, заканчивавшего период своего первоначального накопления и жадно сосавшего соки городского мещанства и крестьянского населения. Что касается сибирского крестьянства, то оно, не знавшее крепостного права, было в достатке обеспечено землей и жило безбедно. По укладу жизни этого крестьянства, как и по характеру его интересов и запросов, от него мало чем разнилось и мещанское население большинства городов, которые были ни чем иным, как большими деревнями. Только в таких крупных центрах, как Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, куда стягивались торговые нити, где находилась более или менее солидная царская военно-чиновничья администрация и где имелись учебные заведения, била некоторая жизнь. Кругом же царила «тишь да гладь». Все, казалось, погружено в непробудный сон.

С проведением железной дороги, Сибирь стала пробуждаться от этого векового сна. Железная дорога начала втягивать Сибирь в сферу капиталистического развития. Она же пустила в Сибирь струю бойкого железнодорожного пролетариата, который принес из России свои запросы и требования, немедленно начал влиять на общий ход жизни и быстро стал подтачивать мещанско-обывательские устои.

Если примем во внимание общий ход капиталистическо-промышленного развития России того времени, то должны будем признать, что за один только десяток лет, протекший с момента проведения железной дороги до 1905 года, руссий финансово-промышленный капитал, вообще недостаточный по своим размерам, фактически и не мог быстро охватить такую необ'ятную по своим размерам и по количеству ископаемых богатств область, как Сибирь. Этот капитал в состоянии был втянуть в

сферу первоначального капиталистического развития лишь ту узкую полосу Сибири, которая примыкала к железной дороге. И мы, действительно, видим, как в городах, расположенных по железнодорожной магистрали, начинают возникать фабрики и заводы, усиливаться и расширяться ремесленные производства, разрабатываться Черемховские копи. Приступают даже к разведкам богатого углем Кузнецкого бассейна. Как бы то ни было, но пока что промышленное развитие Сибири шло крайне медленным темпом. В 1905 году Сибирь (речь идет только о той части Сибири, которая в настоящее время составляет территорию Сибирского Краевого Исполкома, т.-е. губернии: Омская, Новониколаевская, Томская, Барнаульская, Енисейская и Иркутская), по статистическим данным, все еще насчитывала не более 26607 рабочих, в том числе 7926 рабочих, занятых в железнодорожных мастерских и депо.

Только железнодорожные рабочие жили более или менее компактными массами. Так, например, Красноярское депо насчитывало около 3000 рабочих, Омское—около 2000 рабочих.

Все же остальные 18780 рабочих были рассеяны по 714 промышленным заведениям. В среднем, каждое промышленное заведение об'единяло от 25 до 30 рабочих. Конечно, на многих предприятиях, понятно, ремесленных, работало от 2-х до 5 рабочих. Были и такие заводы и фабрики, как, например, завод Рандрупа в Омске, на которых работало до 100 рабочих и больше, но такие заводы в тогдашней Сибири были явлением редким—их можно было по пальцам перечесть. Большинство рабочих работало на мельницах, в пимокатных мастерских, на пивоваренных заводах, в типографиях и тому подобных предприятиях. Промышленность в большей своей части все еще носила ремесленный характер. Все это об'ясняет, почему революция 1905-го года нашла дружный отклик только в городах, расположенных на магистрали. Понятно также, почему стержнем всего пролетарского революционного движения, так сказать, его душой, были только железнодорожные рабочие. И мы, действительно, видим, что, например, в Барнауле, тогда еще не связанном с магистралью железнодорожной веткой, следовательно, не имевшем еще ядра железнодорожных рабочих, революционные волны еле-еле поднимались в 1905 году, а в отдаленном мещански-обывательском Семипалатинске вся революция 1905 года выразилась лишь в крайне ничтожном под'еме, охватившем незначительные, радикально настроенные культурные круги города.

Тот факт, что в Томске и Барнауле, как и в некоторых других городах, революционная волна схлынула, как только на защиту самодержавия поднялась, вдохновляемая попами и царскими опричниками, черная сотня, об'ясняется, в первую очередь, малочисленностью пролетарского населения в этих городах, а затем слабостью до некоторой степени даже растерянностью мало опытного социал-демократического аппарата, взявшего в свои руки руководство революционным движением. Этими же причинами и об'ясняется, почему количественно более сильному омскому пролетариату, в октябрьские дни взявшему или, по крайней мере, только наметившему правильную пролетарскую линию, не удалось углубить и расширить революцию до того, чтобы заставить и Омск вписать в историю революционного движения в Сибири такие же яркие страницы, какие вписал Красноярск.

На революционный под'ем, охвативший красноярский пролетариат, несомненно, оказывал влияние еще тот факт, что Красноярск лежал близко к театру военных действий. Непопулярная русско-японская война, закончившаяся полнейшим поражением русского оружия, восстановила против

самодержавия стремившуюся домой серую солдатскую массу. Озлобленная тем, что ее оторвали от сохи и плуга и погнали на край света бесславно сражаться во имя чуждых ей интересов с врагом, о котором она до того и понятия не имела,—эта серая масса на лету ловила каждую идущую из центра благую освободительную весть и жадно проглатывала каждую прокламацию и листовку, указывавшую, что самодержавие губит Россию, звавшую на борьбу с ним. Вся территория, прилегавшая к театру военных действий, была насыщена революционной энергией. Надо было использовать эту энергию и разрядить ее в определенном направлении. Красноярску, который взял на себя руководство и задавал тон революционному движению по всей Сибири, казалось, что он сумеет выполнить эту трудную и сложную задачу.

Наличие революционной энергии на востоке Сибири, а также решительность, с которой революционный пролетариат всей России, особенно Москвы и Питера, наступал на самодержавие, чтобы окончательно сокрушить его устои, окрыляли красноярский пролетариат уверенностью, что пролетарское дело будет доведено до конца, вдохновляли его к борьбе и звали на героические подвиги и лишения.

Утверждают, что трудно надолго удерживать на точке кипения революционное настроение и возбуждение масс. Это верно только в тех случаях, когда массы зажигаются к революционному подвигу беспочвенной революционной фразой. Это верно также по отношению к массам недисциплинированным, неорганизованным и малосознательным. Но не таков был красноярский пролетариат. Он знал, во имя чего он борется, недаром он подготовлялся к этой борьбе предварительной длительной агитационной, пропагандистской работой, которая велась и направлялась Сибирским социал-демократическим союзом.

Вообще говоря, восточная Сибирь подверглась лучшей революционной обработке, чем западная, да и революционная пропаганда велась здесь издавна. Занесли же революционные идеи в Сибирь политические ссыльные, которых царизм, опасаясь за судьбы своего трона и капиталистического строя, предусмотрительно ссылал—в наказание и на исправление в далекую холодную и суровую во всех отношениях окраину. Уже первые политические ссыльные—декабристы и польские повстанцы—начали заражать Сибирь оппозиционными и противосамодержавными идеями.

Пионерами же современной революционной мысли и подлинного революционного рабочего движения в Сибири были те «политики», которых царское правительство начало высылать из России со второй половины 90-х годов. В эти годы по ново-проложенной магистрали отправлялись в Сибирь первые социал-демократы. Отправлялись эти ссыльные в Енисейскую, Иркутскую и Якутскую губернии. Здесь они и заложили первые в Сибири социал-демократические кружки, о чем свидетельствует и отчет царского охранника*). Отметив, что до июля 1897 г. в восточной Сибири, а также в Томске

> «не наблюдалось деятельности организованных сообществ, поставивших себе целью борьбу с существующим государственным и общественным строем»,

отчет указывает, что и позднее

> «количество возникавших дознаний... было крайне незначительно: со второй половины 1897 г. всех дознаний поступило 20, в 1898—59, в 1899 г. (без Томска)—49.

*) См. секретно изданный «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 г.г.» С.-Петербург, Сенатская типография, 1908. Стр. 3 и последующая.

в 1900 г.—42, в 1901 г.—41 и только с 1902 года количество дознаний стало увеличиваться».

Утешившись тем, что

«предметом большинства упомянутых политических расследований было произнесение, по невежеству и в пьянстве, дерзких выражений по отношению к царю,

отчет отмечает, что

«почти все остальные дознания производились по поводу хранения сочинений противоправительственного содержания, виновными в котором по преимуществу оказывались лица, сосланные в Сибирь за государственные преступления, как в административном порядке, так и по судебным приговорам. Лица эти, проживавшие по селениям и городам губерний Енисейской и Иркутской и в Якутской области, принимали все зависящие от них меры к приобретению указанных сочинений, а отчасти и сами занимались составлением таковых и размножением их на гектографе, и направляли свою деятельность к их распространению, как путем личной передачи для прочтения местным жителям, так и рассылкой по почте».

«Расследования показали,—читаем мы в том же отчете,—что политические ссыльные делали также попытки к устной пропаганде противоправительственных идей среди крестьян тех селений, в которых они были поселены».

«В городах Иркутске и Красноярске, под влиянием и при участии политических ссыльных, образовалось несколько тайных кружков. Первый из них, по времени, сложился в Иркутске в начале 1899 г. Число его членов не превосходило десяти и главнейшие его занятия сводились к совместному чтению нелегальной литературы и к разговорам по поводу прочитанного».

«Такие же незначительные и обособленные кружки действовали: в Красноярске, в 1899 г. среди рабочих железнодорожных мастерских, в 1900 г. среди политических ссыльных, а в Иркутске, в том же году—среди служащих в техническом бюро по постройке Забайкальской железной дороги. В следующем году в Иркутске сложился тайный кружок, присвоивший себе название «противоправительственного» (!?) Комитета», и в 1902 г.—кружок, во главе которого встал приехавший из Европейской России булочник Чуприн».

Сообщая все это, отчет казенным языком отмечает также, что с началом эксплоатации Сибирской железной дороги... благодаря громадному количеству рабочих, вызванных из Европейской России» условия для революционной пропаганды стали более благоприятны.

«Так, уже в феврале 1899 г.,—отмечает отчет,—была сделана попытка организовать всеобщую забастовку, с целью воспрепятствовать понижению платы агентам службы тяги. С этой целью на железнодорожных станциях, между городами Иркутском и Красноярском, были распространены рукописные прокламации, в которых говорится не только о необходимости организовать данную стачку, но и заключен призыв к борьбе с общим врагом—капиталистами и правительством».

Чтобы рельефнее подчеркнуть взгляд эсдеков на роль Сибирской железной дороги, отчет приводит из одной прокламации строки, которые говорят, что

«правительство, построив Сибирскую железную дорогу, само водворило в Сибири революционное движение».

Хотя отчет старается ослабить революционную значимость кружков, организованных политическими ссыльными, но тем не менее он подчеркивает, что

«благодаря этой подготовительной работе, в 1901 году возникла социал-демократическая организация, присвоившая себе название «Сибирского социал-демократического союза».

Надо, однако, заметить, что эта «подготовительная работа» велась не только политическими ссыльными. Некоторую роль в этом отношении, по общему утверждению товарищей, участвовавших в ту пору в подпольных кружках, главным образом, Западной Сибири—сыграли и коренные

сибиряки, особенно сибиряки-студенты. Возвращаясь домой на каникулы, они, распропагандированные в столичных и других университетских городах, заносили в Сибирь революционные идеи, привозили с собой литературу, устанавливали связи. Само собой понятно, что студенчество, обучавшееся в Томском университете, также выдвигало из своей среды пропагандистов и агитаторов. Что касается самого Томска, то революционная работа в этом городе велась исключительно студентами.

Как бы то ни было, но уже в 1901 г. вся Сибирь была покрыта сетью подпольных организаций и пропагандистских кружков. В кружки втягивались: рабочие, ремесленники, железнодорожники, учащаяся молодежь, приказчики типографы, низшие почтово-телеграфные служащие, учителя, учительницы, крестьяне. Все эти кружки были социал-демократические*). Надо было эти кружки об'единить, дабы согласованнее и планомернее протекала революционная деятельность. Выполнение этой задачи взял на себя Сибирский социал-демократический союз, возникший, как выше сказано, в 1901 г. В том же году Союз обратился к сибирским рабочим с воззванием, в котором рабочие призывались к организации 8 апреля (1 мая нового стиля) забастовки и уличной демонстрации. Рабочие приглашались «смело и дружно итти на борьбу с самодержавием».

Свою деятельность в широком масштабе Союз, однако, начал развивать лишь с 1903 г. В своей прокламации, выпущенной в январе того же года, Союз с полной определенностью высказался за большевистскую платформу и сообщил, что в своей деятельности он будет руководиться большевистской тактикой. Свои задачи Союз формулировал в этой прокламации следующим образом:

«Поднятие стихийного рабочего движения с узкого русла тред'юнионистской политики и направление его на широкий путь социал-демократической политической борьбы против всего существующего строя, против «всех форм национального и политического убеждения», соединение в одно неразрывное целое: и натиска на «правительство от имени всего народа», и революционного воспитания пролетариата наряду с охраной его идейной и политической самостоятельности, и руководства экономической борьбой пролетариата, и утилизации тех стихийных его столкновений с эксплоататорами, которые поднимают и привлекают в лагерь социал-демократии новые и новые слои пролетариата».

«Только под руководством такой прочно организованной партии,— говорит эта прокламация далее,— рабочий класс, встав во главе революционного народного движения в России, осуществит выпавшую на его долю историческую задачу освобождения России от азиатского правительства и завоюет себе необходимые условия для революционной борьбы за конечную цель международного движения пролетариата — освобождения путем захвата власти от оков капитала — за социализм».

Как видим, задачи, которые Союз поставил себе 22 года тому назад, теперь осуществились и продолжают осуществляться.

В конце июля 1903 года в Иркутске состоялась первая конференция Союза.

---

*) В Сибири имелись и эсеры, но в ту пору, и даже значительно позднее, их влияние и роль были ничтожны. Лишь с средины 1905 г. стали возникать в Сибири эсеровские организации, в которые, главным образом, втягивались почтово-телеграфные служащие, учителя и вообще революционно настроенная интеллигенция.

«Дух этой конференции, — говорит участвовавший на ней Н. Баранский,— был ультра-искровский» *).

Жандармерия зорко следила за Союзом и постепенно вылавливала его членов. Через какие-нибудь три месяца, протекшие с первой конференции, из членов Союза никто не оставался на свободе.

«Каково же было мое изумление,— рассказывает Н. Баранский,— когда зимой, кажется, в ноябре 1903 г., я был экстренно вызван в Иркутск, где мне было об'явлено «секретарем» Гутовского М. Г. Лавровой, что Гутовский арестован, а так как он был последним и единственным членом Союза, то с его арестом нет и Союза, и что Гутовский «завещал» мне восстановить организацию по связям, которые тут же были переданы в мое распоряжение».

Союз немедленно был восстановлен в составе: Н. Баранского, Сухорукова, Феденева, Охацимского и Броннера.

Возникшая вскоре русско-японская война не застигла врасплох Союза.

«Союз,— рассказывает Н. Баранский,— благодаря прекрасно поставленным типографиям, смог открыть поистине бешеную агитацию против войны: в первую же неделю с об'явления войны в одних только томских типографиях было выпущено пять листовок, в числе около 100.000 экземпляров».

Этот факт показывает, как энергично работал новый состав Союза и насколько крепок был сам Союз.

Несмотря на многочисленные провалы, происшедшие в 1904 г., влияние Союза крепло, а состав его ширился. И в прокламации, выпущенной в 1905 г., Союз с гордостью мог отметить, что он «из кучки социал-демократических интеллигентов превратился в значительную рабочую организацию, которая об'единяет в себе по всей Сибири не менее 500 социал демократических работников».

Таков был состав Союза, когда он в 1905 г. вступил в открытую борьбу с самодержавием. Уже на 9-е января Союз откликнулся тремя прокламациями, а затем количество листовок и прокламаций выпускалось все чаще и выпускались они по каждому мало-мальски важному обстоятельству. Прокламации выпускались и «к населению» вообще, и к рабочим, и к солдатам.

Поддерживая тесную связь со всеми организациями Сибири, информируя их о ходе дел, давая инструкции, снабжая листовками и литературой, а также пропагандистами, агитаторами и организаторами, Союз, тем не менее, главное свое внимание уделял Красноярску, куда и сконцентрировал свои лучшие силы.

Изложение дальнейших событий и того, как развертывалось революционное движение в Сибири в 1905 г., не входит в задачу настоящей статьи, в которой мы хотели только указать, как подготовлялась революция 1905 г. в Сибири и кто ее фактически делал **).

В заключение мы хотим только отметить, что хотя Союз был большевистским, но фактически в состав каждой Сибирской организации вхо-

*) См. изданную Сибистпартом книгу Н. Баранского — «В рядах Сибирского соц.-демократ. союза». Сибкрайиздат. Новониколаевск. 1923 г. Цена 1 р. В этой книге изложена история Союза.

**) Либерально-буржуазные и мещанские слои населения Сибири, конечно, тоже откликнулись на революционное событие 1905 г. И в Сибири пронеслась полоса митингов, протестов и петиций. Но как только оправившееся правительство пригрозило своим кулаком, все эти либералы и радикалы попрятались по своим норам.

дили и меньшевики, но эти меньшевики силой обстоятельств вынуждены были вести большевистскую линию и проводить директивы Союза. Для примера укажем хотя бы на А. Мельникова, стоявшего даже во главе «Красноярской республики» в 1905 г. Лишь в Иркутске было нечто вроде меньшевистского засилья.

«В Красноярске же,— рассказывал пишущему эти строки один из активных работников того времени,— большевизм был до того прочен и крепок, что не боялись даже посылать меньшевиков с поручениями в рабочие районы. Красноярский комитет был уверен, что если меньшевик начнет пороть ересь, рабочие немедленно заткнут ему рот».

И в 1905 г. этот большевистский пролетариат стоял в Сибири на своем пролетарском посту.

В. Вегман.

Пятый год на Сибирской магистрали.

Велика роль, которую железнодорожники сыграли в революции 1905-го года. Своего наивысшего напряжения революция 1905-го года достигла именно в те октябрьские дни, когда забастовали рабочие и служащие на железных дорогах. Именно всеобщая железнодорожная забастовка расстроила весь государственный аппарат, именно она навела панический ужас на царских сатрапов и слуг, именно она заставила дрогнуть царя на троне.

Если даже в пролетарских центрах России заметно выделялось участие железнодорожных рабочих в революционном движении 1905 г., то в революционных событиях, разыгравшихся в 1905 г. в крестьянской Сибири, железнодорожный пролетариат играл главенствующую роль. На своих плечах сибирский железнодорожник вынес всю тяжесть революционного движения в Сибири в 1905 году. И недаром железнодорожников вообще считают пионерами пролетарского революционного движения в Сибири.

Ведь лишь с появлением железнодорожного пролетариата в Сибири революционная жизнь начала здесь бить ключом. Царизм, прокладывая, по стратегическим соображениям и в угоду торгово-промышленному капиталу, великий Сибирский железнодорожный путь, имел в виду прочнее закрепить свое положение и еще более усилить свою мощь. В действительности же все вышло иначе. Царизм вовсе не учел того обстоятельства, что компактные массы железнодорожного пролетариата превратят великий Сибирский путь в очаг революции. Об этом напомнил царизму Сибирский соц.-дем. союз. В прокламации, выпущенной в 1903-м году, Союз писал, что «правительство, построив Сибирскую железную дорогу, само водворило в Сибири революционное движение», что вдоль по линии ее «водружено красное знамя революционной социал-демократии».

Особые условия выдвинули сибирский железнодорожный пролетариат в 1905-м году на передовые революционные позиции, и эти же условия сделали его и фактическим застрельщиком, и фактическим носителем всего революционного движения в Сибири. Одним из этих условий был тот факт, что в 1905-м году железнодорожный пролетариат составлял в Сибири 43 проц. всего остального пролетариата: в 1905 г. в Сибири насчитывалось 18.683 промышленных и ремесленных рабочих и 7.926 железнодорожных рабочих. Другое условие заключалось в том, что железнодорожный пролетариат жил компактными массами на нескольких пунктах магистрали (в 1905 г. Сибирская магистраль насчитывала только 25 железнодорожных мастерских и депо, при чем в Красноярском депо работало около 3000 рабочих, в Омском—около 2000, на ст. Тайга—около

1000) и имел в своем распоряжении железную дорогу и телеграф. Железнодорожники могли сноситься с товарищами, работавшими в других депо. Все они были в курсе хода революционного движения и своевременно осведомлялись о тех событиях, которые назревали в центре и вообще за Уралом.

Что касается остального сибирского пролетариата, то он находится в менее выгодных условиях. Этот пролетариат, помимо своей малочисленности, был распылен между 714 промышленными и ремесленными предприятиями, разбросанными по всей шири необ'ятной Сибири и почти совершенно не связанными между собой. Революционная пропаганда к тому времени успела охватить только пролетариат больших городов, главным образом, тех городов, которые лежали по магистрали. Пролетариат в дни революции не остался безучастным зрителем развертывавшихся событий. Его увлек за собой более революционный и лучше организованный железнодорожный пролетариат. Вообще говоря, железнодорожный пролетариат составлял в Сибири пришлый элемент. В России он успел уже изведать все прелести царско-капиталистического гнета. В Сибирь явился он уже немного подготовленным для дальнейшей революционной обработки, и вполне понятно, если на железнодорожный пролетариат Сибирский соц.-дем. союз и обратил свое особое внимание, тем более, что в руках этого пролетариата находился главный и единственный нерв, связывающий Сибирь с Россией.

Кроме рабочих, железная дорога об'единяла большой штат мелких служащих—конторщиков, телеграфистов, чертежников, списчиков и т. д. Их особенно давили и угнетали дисциплина и чинопочитание, установленные на дороге, и зависимость от капризов каждого высшего чиновника. Недовольны были эти служащие и крайне низкими окладами. Мимо этих служащих, конечно, не могли пройти социал-демократические организации. И при первых проблесках революционной весны эти служащие также заговорили о своих человеческих правах. И они начали пред'являть экономические и политические требования.

Когда в начале весны 1905 г. всю Россию охватила полоса забастовок и стачек, царское правительство сразу забеспокоилось о судьбе Сибирской магистрали. Уже в начале марта жандармы, как это видно из ряда циркуляров и донесений, обратили внимание на то, что чинами «дороги за последнее время получены в местах их службы в значительном количестве экземпляров гектографированные воззвания преступного противоправительственного содержания». Узнав об этом, жандармский полковник Романов спешит довести до сведения начальника Сибирской железной дороги,

«что в отделах вверенного вам управления и лично у вас в последнее время стали получаться в большом количестве разные воззвания преступного и возмутительного характера, заключающие в себе указания на злоумышления с признаками преступного деяния».

Получив это уведомление, начальник дороги обратился к начальникам мастерских и участков тяги со специальным наставлением, в котором говорил:

«В виду распространившихся в последнее время забастовок рабочих и мастеровых на фабриках и заводах и на железных дорогах, необходимо обратить особое внимание ваше на то, не существует ли и не появляется ли какое-либо брожение среди мастеровых, не являются ли среди них неизвестные лица и агитаторы, нет ли совещаний и прочих предварительных подготовок к забастовке и стачкам. Если что либо подобное будет замечено вами, то, немедленно донеся мне, принимайте экстренные меры, действуя на мастеровых убеждением, указывая на тяжелое время, пережи-

ваемое в настоящий момент Россией, указывая рабочим на то, что, в случае прекращения движения, прежде всего пострадают находящиеся на Востоке войска, вследствие прекращения перевозки харчей и предметов первой необходимости».

Как видим, царское правительство забеспокоилось и встревожилось не на шутку, когда заметило, что революционное брожение начинает охватывать и Сибирскую дорогу, связывающую центр с Дальним Востоком, где сконцентрирован был—в лице полумиллионной озлобленной армии—сгусток революционной энергии, способный разразиться самым анархическим образом. Напрасно только верные царские слуги рассчитывали, что им удастся увещеваниями и наставлениями удержать распропагандированный пролетариат от революционного наступления на самодержавие. «Освободительная волна», начавшись, сразу вывела не только рабочих, но и служащих из слепого и беспрекословного подчинения приказам и распоряжениям начальства. И если в апреле 1905 года начальник дороги запретил служащим дороги устроить в Томске общее собрание для обсуждения ряда насущных, главным образом, экономических вопросов, как-то: о рабочем времени о заработной плате, о школьно-библиотечном деле, о штрафах, о суде чести и т. п., то служащие устроили это собрание явочным порядком.

Революционное движение, расширяясь по всей России, постепенно, но уверенно, захватывало и Сибирскую железную дорогу, пролетариат которой тысячами прокламаций и листовок, а также многочисленными собраниями заблаговременно подготовлялся к штурму самодержавия. В течение весны и лета подпольные социал-демократические организации Сибири проявили изумительную энергию. И октябрьские дни не застигли врасплох железнодорожный пролетариат Сибири.

Застрельщиком забастовочного и всего революционного движения в Сибири был красноярский железнодорожный пролетариат. 13-го октября забастовали рабочие Красноярской станции. Забастовка быстро распространилась по всей линии. Через два дня начальник дороги телеграфировал министру путей сообщения:

«Распространившаяся на многие пункты дороги забастовка, делающая не безопасным производить движение при таких условиях, вынудила управление дороги прекратить с сего 16-го октября отправление всяких поездов».

Забастовка, вызвавшая многочисленные осложнения и значительные столкновения бастующих с чинами охраны и пассажиров с администрацией, привела в большое замешательство управление дороги и администрацию Края. Вследствие перерыва телеграфного сообщения, манифест 17-го октября получился в Сибири с запозданием, а до его получения сибирские власти находились в совершенном неведении о том, что творится в центре.

Для борьбы с революцией, с забастовщиками, они начали прибегать к давно испытанному методу—к черносотенному погрому. Первый по времени, погром начал бушевать в Томске. Он начался 20-го октября. Предусмотрительные лица сознательно направили этот погром против железнодорожников. Погромщики окружили железнодорожное управление, подожгли его и начали избивать спасавшихся от огня. Много было убитых, раненых, пропавших без вести и сгоревших. «Найденные обгорелые мясо и кости», отмечает официальный отчет,—«свезены пожарною командой на кладбище».

Вследствие этого погрома революционное движение притихло только в отдаленном от магистрали Томске. На магистрали же этот погром, несомненно, вызвал бы более усиленный революционный напор, если бы не заминка в связи с манифестом 17-го октября.

21-го октября управление Сибирской дороги разослало по линии телеграмму, в которой железнодорожникам указывалось, что после издания манифеста 17-го октября «большинство железных дорог Европейской сети уже открыло непрерывное движение, поэтому продолжение забастовки в пределах Сибирской дороги нельзя оправдать никакими разумными соображениями». Указав, что перерыв движения по дороге «угрожает совершенно истощить экономическую жизнь Сибири» и что этот перерыв «задерживает также возвращение на родину наших братьев-воинов, жаждущих вернуться к семьям и мирному труду», управление дороги просило рабочих и служащих приступить «к исполнению своих обязанностей по службе и тем оправдать репутацию стойких и верных своему делу работников».

Одновременно была по линии разослана телеграмма от имени министра, который уверял, что «правительством будут приняты решительные меры к улучшению быта низших железнодорожных служащих».

В манифест и телеграмму министра, несмотря на всю очевидную иллюзорность их широковещательных обещаний, поверили низшие служащие и часть рабочих, главным образом, те рабочие, которые обслуживали незначительные мастерские на промежуточных станциях. И дня через два начальник дороги мог порадовать министра вестью, что «24-го октября открылось сквозное движение пассажирских поездов по дороге».

А еще через два дня тот же начальник уже извещал министра, что «хотя с 24-го октября возобновилось сквозное движение по Сибирской дороге, но открытие правильного воинского и грузового движения еще продолжает встречать затруднения со стороны забастовавших в некоторых пунктах, именно: Омске, Красноярске и Иланском, и, весьма возможно, может отразиться в других местах».

Как видим, самые крупные и наиболее влиятельные железнодорожные пункты не попались на удочку манифеста и не поддались заверениям министра. Начальник дорог указывал министру на необходимость «немедленно уволить от службы рабочих и служащих» бастующих пунктов и для охраны этих пунктов выслать воинские команды, и «в первую очередь,—указывал начальник,—необходимо применить это к станциям Омск, Каинск, Красноярск, Иланская, где депо и мастерские обусловливают приступ к полной и правильной работе непременным и немедленным удовлетворением их чрезмерных экономических требований».

Все требования экономического характера разрабатывались комитетом служащих и рабочих Сибирской железной дороги, а также делегатским с'ездом.

Администрация зорко следила за этим с'ездом. Делались даже попытки заарестовать делегатов до того, как они отправятся на с'езд. Сорвать с'езд, однако, не удалось.

В ноябре делегаты с'ехались на станцию Тайга, которая была назначена местом для совещания. Так как начальник дороги отказался выехать в Тайгу, с'езд перекочевал в Томск.

В Томске начальник дороги заявил, что согласится принять участие в работах с'езда лишь в том случае, если будет председателем с'езда. Это требование начальника с'езд отклонил, ссылаясь на то, что у него уже есть председатель.

В конце-концов пришли к соглашению, что с'езд выработает требования, а Совет управления дороги рассмотрит эти требования, даст по каждому пункту ответ, а затем разошлет по линии для сведения служащим.

Само собой понятно, что такой компромисс ни к чему не обязывал начальника дороги. Став на путь такого компромисса, с‘езд сразу умалил значение своего совещания. Вместо того, чтобы заставить начальника проводить в жизнь выработанные требования, а в случае его отказа самому это сделать, с‘езд фактически содействовал начальнику выиграть время, иначе говоря, в более или менее безболезненном виде сохранить дорогу до того момента, когда удобно будет совершенно аннулировать все постановления с‘езда. Так и было в действительности: постановления не были ни напечатаны, ни разосланы, ибо все это предупредила реакция, наступившая после проезда по магистрали карателя Меллер-Закомельского.

Здесь не место входить в подробный разбор вопросов, обсуждавшихся на с‘езде. Заметим только, что на с‘езде поднимались вопросы: о введении восьмичасового рабочего дня, об отмене сверхурочных работ, разрешив их только в исключительных случаях; об уравнении женщин в правах по службе с окладом содержания с мужчинами; об отмене ограничения в приеме на службу дороги по различию вероисповедания и национальности; об отмене детского труда до 16-ти лет; об устройстве яслей для грудных и малолетних детей в тех местах, где применяется женский труд; об освобождении на срок от 4-х до 6-ти недель рожениц, с сохранением содержания, и об освобождении женщин, кормящих детей, через каждые три часа на полчаса; об отмене на дороге военной и полицейской охраны; о невмешательстве жандармерии в вопросы об увольнении и приеме на службу и об уничтожении секретных снимков лиц, не подлежащих к приему на службу дороги; о полной отмене штрафов. Разбирались также вопросы санитарные, кооперативные и научно-просветительные.

Пока с‘езд мирно вырабатывал требования, рабочие продолжали быть воинственно настроенными, стараясь, вопреки желанию администрации, явочным порядом ввести в жизнь то, что считали необходимым.

Особенно упорную борьбу с администрацией рабочие вели по вопросу о введении восьмичасового рабочего дня. Администрация ни за что не хотела удовлетворить это требование. Рабочие ввели 8-ми часовой рабочий день явочным порядком. Администрация начала угрожать увольнением со службы, при чем рабочих Иланского депо предупредили, что, если уволенные начнут проявлять какое-либо насилие «с целью захвата депо, или порчи паровозов, станков и прочего казенного имущества, а равно насилие в отношении к несочувствующим им и оставшимся на службе товарищам и их семействам, то для подавления такого насилия, а равно для защиты имущества дороги и мастерских будет употреблена военная охрана».

Но и такая угроза не помогла: восьмичасовой рабочий день еще долго держался в некоторых железнодорожных мастерских.

Администрация вообще делала неоднократные попытки стравить рвавшиеся домой военные части с рабочими. Агенты администрации и другие темные личности шныряли по станциям и внушали застрявшим солдатам, что во всем виноваты одни рабочие-бунтовщики. В связи с этим находившийся в Томске комитет служащих и рабочих обратился 26-го ноября к солдатам с воззванием, которое разослано было по линии и во все проходящие эшелоны. Ввиду того, что этот исторический документ интересен и по своему содержанию, не лишним считаем привести его здесь полностью:

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ!

Вас обманывают, внушая, что мы, рабочие и служащие, ваши враги, что мы будто бы не желаем везти вас на родину, для этого будто бы делаем забастовки. Не верьте этим обманным речам. Мы боремся только против насилий правительства, которое сейчас распоряжается Россией, нами и вами самими, против тех, которые вас послали в Манчжурию на убой, которые довели народ до нищеты и голода, а теперь занимаются тем, что устраивают погромы, вешают и расстреливают вас, солдат, ваших товарищей матросов, ваших братьев рабочих, крестьян и всех, кто желает добра народу, без суда и следствия и только, чтобы навести страх, уничтожить людей, мешающих разбою, казнокрадству и раскрывающих все правительственные плутни.

Мы желаем как можно скорее доставить вас на родину, а если бы и случилась забастовка, то верьте, не будем задерживать ваших поездов и даже все поезда отдадим вам, но мы не виноваты, что начальство не отпускает вас домой и отпускает вас через час по ложке.

Большие чиновники—Алексеевы, Безобразовы и т. п. разграбили Россию, сделали казну пустой. Теперь у них нет денег на вашу перевозку, чтобы дать вам на дорогу продовольствие, одеть вас и уплатить жалованье. Они боятся пустить вас домой после всего, что вы вынесли, и после того, что видели на войне—весь этот грабеж, распутство, беспорядок. Начальство боится, что вы вернетесь домой, увидите разоренные голодные семьи и, вспомнив ваши манчжурские мучения, пойдете бунтом против всех ваших притеснителей. Вот почему вас не пускают на родину.

Вы видите, что мы не виноваты в вашей беде. Начальство старается свалить вину на нас—такой же рабочий народ, как и вы. Требуйте вашего возвращения на родину. Требуйте поездов,—мы поможем вам всем, чем можем, и повезем вас быстро к вашим семьям. А на родине не громите и не убивайте, а требуйте суда над вашими разорителями, установите так, чтобы всем в государстве управлял сам же народ через своих выборных, чтобы ни одна народная копейка, ни одна капля народной крови не растрачивалась зря без ведома и согласия ваших выборных, которым вы сами доверитесь.

Запомните твердо эти слова. Требуйте Учредительного Собрания, оно все устроит.

Рабочие и служащие сибирской железной дороги.

Как сибирская администрация ни старалась, но она была не в состоянии утихомирить революционную бурю, бушевавшую на дороге, и никак не могла наладить правильного и нормального движения. Вследствие беспрерывных забастовок ремонтные мастерские не подавали необходимого подвижного состава, а поезда поэтому застаивались на промежуточных станциях. Возвращавшиеся же домой солдаты вышли из подчинения. Дорога находилась фактически в руках Красноярского пролетариата.

На помощь сибирской администрации Петербург решил послать карателя Меллер-Закомельского.

Вступив на сибирскую территорию, каратель немедленно начал жестоко расправляться с забастовщиками. И, тем не менее, ему не скоро удалось наладить нормальное движение по дороге. Даже его собственный поезд подолгу задерживался в пути.

«Я уже обращал ваше внимание,—писал каратель в письме к начальнику дороги от 10-го января 1906 года,—на полное отсутствие обратного движения поездов на Восток. Вагоны-теплушки, нагруженные необходимыми для армии предметами продовольствия, задерживаются на всех станциях и этим самым причиняют большой вред.

Теперь же замечаю, что и мой поезд задерживается без всяких уважительных причин. Мне необходимо скорее доехать до Иркутска, а между тем, поезд мой, движение которого замедляется неудовлетворительным состоянием пути, еще задерживается совершенно зря на каждой станции».

Как бы то ни было, но каратели—Меллер-Закомельский с запада и Ренненкампф с востока—навели в Сибири «порядок», за что получили от царя сердечную благодарность.

Ошибочно, однако, будет утверждение, что революционное движение прекратилось на Сибирской дороге только потому, что по ней про-

неслись два кровавых карателя. К моменту выступления обоих карателей революционное движение в Сибири начало идти на убыль естественным путем. В тот день, когда в Москве пресненское восстание было «усмирено», и в Петербурге был водворен порядок, судьба революции 1905 г. уже была решена. Только по инерции революционное движение еще продолжалось на Сибирской дороге. Сибирский пролетариат был слишком малочислен для того, чтобы продолжать самостоятельно борьбу с царизмом, а социал-демократические организации Сибири не имели еще боевого опыта, необходимого для ведения революционной, гражданской войны.

На исход борьбы также повлияла недостаточная связь Сибири с центром и отсутствие единого—во всероссийском масштабе—оперативного плана движения. Это обстоятельство именно и облегчило царизму по частям задушить революцию 1905 г.

В. Н. Ямин.

Карательные экспедиции в Сибири в 1906 году.

«Арестованных не иметь».
(Из приказа по карательному отряду полковника Римана).

Цель моей небольшой статьи — восстановить в памяти читателей кровавое «усмирение» сибирских рабочих и солдат в 1906 году царскими генералами, частью по материалам уже опубликованным (но мало известным сибирскому читателю и молодежи) и частью по тем, которые еще не были в легальной печати.

I. Назначение карателей.

Положение в Сибири с декабря месяца 1905-го года начинает крайне беспокоить петербургские правящие сферы. Их собственная растерянность к тому времени уже прошла, под ногами вновь почувствовалась твердая почва, массовое революционное движение было задушено, пора было приниматься за Сибирь и действующую армию, откуда приходили все более и более неутешительные для самодержавия вести.

Министр внутренних дел Дурново «всеподданнейше» докладывал царю, по полученным от командующих войсками Сибири сведениям, следующее:

«По донесению военных властей из гор. Красноярска... в названном городе господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный баталион... Местности по линиям Забайкальской и Манчжурской жел. дор. тоже находятся в состоянии мятежа... Управления дорог в руках забастовочных комитетов»...*).

Граф Витте, в письме на имя военного министра от 16-го декабря, сообщает:

«Меня Сибирь крайне беспокоит: ведь уже несколько недель оттуда нет сведений и странно, что вместе с тем оттуда приходят поезда»...**).

В Сибири происходило то же, что было почти во всей России, но здесь революционное движение несколько затянулось, и в то время, когда в Петербурге начальство воспрянуло духом, в Сибири начальство всех рангов находилось еще в состоянии полной атрофии и, не имея «инструкций», а главное—физической возможности, не могло круто повернуть курса на «усмирение».

Кроме того, в Сибири была армия, которая выходила из повиновения, стихийно рвалась с фронта домой и частично принимала участие в революционном движении. Боязнь за настроение в армии была особенно

*) «Красный архив», т. 1, 1922 г., стр. 336.

**) «Красный Архив», стр. 331.

сильна. Ведь на смену удушенным в России могла появиться полумиллионная революционная армия. Недаром тов. Баранский в своих воспоминаниях пишет:

«Правильно поставленная систематическая агитация, проведенная по всему шеститысячному маршруту их следования, могла бы сплотить эту глубоко недовольную и раздраженную массу в неопредолимую лавину, под которой рухнули бы последние бастионы самодержавия. Достаточно было бы явиться в Москву—в противовес семеновцам из Питера—хотя бы десятку эшелонов демобилизованных из Манчжурии, чтобы вся картина изменилась самым резким образом.

И мне казалось тогда несомненным, что наша Сибирская организация и партия в целом «проморгали» эту революционную возможность»...*).

Точного представления о настроении армии руководящие верхи в Петербурге не имели. Они считали ее более революционной, чем она была на самом деле. Витте вспоминает:

«Я не знаю, найдется ли между военными, бывшими в действующей армии, лицо, которое правдиво и точно отметит то революционное настроение, в котором после 17-го октября пребывала действующая армия. Мне известно то настроение, в котором она находилась со стороны. Но на довольно высокой позиции премьера министерства, я вынес то глубокое впечатление, что армия после 17-го октября находилась в весьма революционном настроении, и что *многие военноначальники струсили и спасовали не менее, нежели некоторые военные и гражданские* начальники в России (в том числе, понятно, и сам граф Витте. Прим. **А. А.**), что армия была нравственно дезорганизована и что шел поразительный дебош во многих частях, возвращающихся в Россию, до тех пор, *покуда ему не был положен по моей инициативе предел посредством карательной экспедиции генералов Ренненкампфа и Меллер—Закомельского*...**).

Здесь интересно представление о настроении армии, как крайне революционном, чего на самом деле в большинстве частей не было. Не менее ценно и признание «либерального» графа в том, что карательные экспедиции в Сибирь были посланы по его инициативе. Тут не только мемуарное признание бывшего сановника, в своих воспоминаниях упорно старающегося доказать, что он, чуть-ли не в единственном числе из всего сановного мира, был «тверд и решителен» во время «смуты». Доклады и телеграммы Витте (см. «Былое» № 3, 1918 г.) указывают, что он настойчиво осуществлял свою идею о возможности искоренить крамолу только карательными экспедициями.

II. Подготовка экспедиций.

13 го декабря 1905 г. Николай Романов через Нагасаки (прямого сообщения не было) шлет шифрованную телеграмму главнокомандующему ген. Линевичу:

«Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение и задерживают эвакуацию войск.

В устранение столь чрезвычайных обстоятельств повелеваю: безотлагательно возложить на ген.-лейт. Ренненкампфа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской жел. дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей.

Для достижения этого применить все меры, которые генерал Ренненкампф найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности... Всякое вмешательство посторонних и законом не установленного влияния на железнодорожных служащих и телеграфистов *должно быть устраняемо быстро и с беспощадной строгостью, всяческими мерами*»...***).

---

*) Н. Баранский (Николай Большой)—«В рядах Сибирского соц.-дем. союза». Сибгосиздат, 1925 г.

**) Гр. С. Ю. Витте—«Воспоминания», т. II-й, стр. 129—130.

***) «Красн. Архив». т. 1. 1922 г.

Однако, судьба посланной телеграммы слишком долгое время оставалась неизвестной. Но телеграмма эта дошла. 2-го января Линевич заносит в свой дневник:

«Приезжал генерал Ренненкампф ко мне откланяться; он уезжает в командировку усмирять железнодорожников в Забайкалье и на Сибирской дороге»*).

А вести из Сибири шли неутешительные. Поезда как будто бы приходили, но сибирское начальство упорно молчало, и это в особенности удивляло Витте и иже с ним. Не было никаких сведений и из армии.

Вот почему в совершенном секрете начала организовываться вторая карательная экспедиция, после того, как было подавлено вооруженное восстание в Москве и власти облегченно вздохнули.

«20 сего декабря высочайше повелено командировать командира XII армейского корпуса (*Меллер-Закомельского. Прим.* **А. А.**) в Москву и далее на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую жел. дороги для восстановления на них законного порядка и подчинения властям и уничтожения сопротивления ж.-д. служащих»**).

Меллер-Закомельский срочно вызывается из Варшавы, причем ему выдаются «двойные прогонные», формируется отряд, каратель снабжается неограниченными полномочиями.

Об этой экспедиции даже некоторые министры узнают уже после того, как все подготовительные шаги сделаны.

Необходимо отметить, что в ноябре—декабре 1905 г. движение по сибирским жел. дорогам происходило гораздо лучше, чем в период господства «законных» властей. Все усилия комитетов (где они только находились) были направлены к тому, чтобы возможно быстрее и с наибольшими удобствами направлять эшелоны с войсками, следующими из действующей армии. Взяточничество в деле отправки всякого рода грузов, пышным цветом расцветшее среди «героев» тыла и жел.-дор. управленческих аппаратов, было прекращено самыми решительными мерами.

Даже сами «законные власти» чувствовали свое бессилие справиться с отправкой войск и снабжением их продовольствием.

Для голодного населения, казаков и крестьян по 500 нарядам с августа месяца получено лишь 50 вагонов. Население волнуется: можно ожидать больших беспорядков на почве исключительной голодовки»,—телеграфирует осенью 1905 года губернатор Забайкальской области, Холщевников, министру внутренних дел».

...«И в то же время спирта, например, для монополии проходит по 70 вагонов, шляпы и модные товары также, а хлеба нет, как нет»,—с возмущением констатирует на заседании Читинского продовольственного комитета его председатель***).

8 декабря 1905 года в Чите продовольственный комитет (учреждение «законное») даже обратился к смешанному комитету рабочих и служащих Забайкальской жел. дороги «за содействием», заявляя, что он (комитет рабочих и служащих) «пользуется громадным фактическим влиянием». «Забастовщики» сумели пропускать по дороге до 40 поездов в сутки, тогда как «законное» начальство пропускало их не больше 6—8.

Это было не только на Забайкальской жел. дороге. В конце 1905 г. рабочие и служащие жел. дорог и их организации впервые непосредственно втянулись в работу управления и контроля и доказали, что они

*) «Русско-японская война». Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Стр. 126.

**) «Кр. Архив», т. 1. 1922 г.

***) См. «Былое». 1907 г., апрель.

могут сделать. Но на этих «забастовщиков» же в первую очередь обрушилась карающая десница царских генералов.

Следует совершенно определенно подчеркнуть, что к тому времени, когда оба генерал-гастролера начали свою карательную деятельность по «усмирению», усмирять, собственно говоря, было уже нечего.

В декабре месяце революционное движение в Сибири быстрыми шагами пошло на убыль.

Либеральная буржуазия, в первое время также «делавшая революцию», была вполне удовлетворена добытыми «свободами» и повела бешеную кампанию в газетах и на собраниях против тех рабочих организаций, которые своими руками добывали им «свободы». Мелкая буржуазия предпочла «Марсельезе», которую она недавно напевала, другие песни. Развернулась работа черносотенных организаций, усердно поддерживаемых всякого рода начальством, которое, узнав о «новом курсе», вдруг вспомнило о «присяге».

По ту сторону баррикады оставались только рабочие и примкнувшие к ним воинские части, но и среди них чувствовалась усталость и неуверенность в собственных силах.

Революционное движение в Центральной России было подавлено, ожидать поддержки было неоткуда.

В первых числах января 1906 года, после шестидневной осады, сдаются рабочие и солдаты, засевшие в красноярских железнодорожных мастерских.

18-го января в Чите на заседании высших чинов области указывается, что «в Чите за последнее время митинги совершенно не имеют места», и город «успокоился».

Красноярск и Чита были теми городами, в которых революционное движение в 1905 году достигло наивысшего развития, эти же города были последними цитаделями революции. В остальных городах «законный» порядок восстановлен был еще ранее «местными средствами», с помощью «верных» войсковых частей.

Тюрьмы были заполнены арестованными, усердно заработали жандармские и следственные органы, были ликвидированы профессиональные союзы, комитеты и другие «незаконные сообщества». Тысячи рабочих и служащих на железной дороге, почте и телеграфе были лишены своей службы и работы.

Социал-демократические организации, почти во всей Сибири стоявшие во главе движения, вновь ушли в подполье. Среди рабочих масс чувствовалась растерянность. Усмирять было уже нечего. Но надо было показать и «раз'яснить» истинное значение «свобод» манифеста 17-го октября. Надо было показать и доказать силу самодержавия, дабы «впредь не повадно было» заниматься революциями.

Эти задачи отлично разрешили царские генералы расстрелами, избиениями, порками и стяжали себе «громадную известность» в официальных реляциях, как «усмирители».

III. «Подвиги» генералов.

В ночь на 1-ое января Меллер-Закомельский выезжает из Москвы с отрядом, состоящим из 1 генерала, 13 офицеров и 184 «нижних чинов» при 2-х орудиях и 2-х пулеметах... Оказывается, что «завоевать» Сибирь можно было двумя ротами. Этот отряд в Сибири был увеличен на 200 человек отрядом под'есаула Алексеева, уже успевшего «навести порядок»

до приезда генерала с неограниченными полномочиями, и в Верхнеудинске еще на 300 человек специально «для взятия Читы».

Как сообщал Меллер-Закомельский в своем обширном рапорте царю, после возвращения из Сибири*), «подвиги» его начались на следующий же день после выезда отряда из Москвы.

«1-го января на ст. Узловой был встречен нами первый поезд с запасными, шумевшими и безобразничавшими... Пришлось пустить в ход приклады и штыки.

На ст. Пенза один отставленный от эшелона запасный ослушался и удари часового, схватив его за ружье, за что и был пристрелен...

Нижние чины, ехавшие в пассажирских поездах, нередко занимали места і первом и втором классах... таких пересаживали на места, а упорствующих водворя ли прикладами, а потом нагайками, ввиду того, что действие прикладом выходило слишком энергичным»...

Такие способы «водворения порядка» храбрый генерал считает не только нормальными, но его генеральский ум не может переварить даже каких-либо сомнений в нормальности этих способов.

«Не могу умолчать, что начальник эшелона № 232 капитан второго ранга Скороходов, после того, как чины вверенного мне отряда приняли необходимые меры для водворения порядка среди нижних чинов упомянутого эшелона на ст. Боготол, позволил себе совершенно ложно обвинить моих офицеров и нижних чинов в истязании матросов»...

Стрелял, порол, бил прикладами, и вдруг генерала «совершенно ложно» обвиняют в каких-то неведомых ему истязаниях.

О том, что главными виновниками всех «беспорядков» в Сибири были «агитаторы» и «поляки», сомнений быть, конечно, не могло. Генералу об этом известно доподлинно. Слушайте.

«Почти в каждом поезде запасных ехали агитаторы революционеры, раздававшие нижним чинам деньги (деньги «японские». Прим. **А. А.**) и спаивавшие их»...

«Стремясь привлечь на свою сторону войска или только иметь возможность убедить общество в соучастии армии революционному движению, вожаки последнего не останавливались ни перед чем: так, например, в городе Иркутске солдатские шинели скупались жидами по 15-25 руб. за штуку, в них одевали разных лиц и устраивали из переодетых антиправительственные демонстрации, митинги и тому подобное, и после этого по всей России рассылали телеграммы о том, что войска перешли на сторону революции»...

Оказывается, что «переодетые чекисты», которыми так любят козырять наши белогвардейцы, описывая массовые выступления рабочих на улицах городов Советской России, вовсе не новы. «Переодетых жидов» открыл еще Меллер-Закомельский в 1906 году.

Храброму вояке нужно во что бы то ни стало доказать, что «нижние чины» все «верноподданные», что ни о каких революциях они и не мечтали. Если бы не «агитаторы», «жиды» и пр. инородцы, а также японские происки,—не было бы и никаких «беспорядков». Правда, в своем докладе генерал часто срывается, приводит ряд случаев неповиновения этих самых «нижних чинов», мельком упоминает даже об участии в Красноярском восстании целого второго железнодорожного баталиона (уже не «переодетые»), но на сцену опять выплывает спасительный «агитатор», и дело становится для генерала совершенно ясным.

«Пленные моряки, порт-артурцы, все время в Японии усиленно развращались прокламациями революционных комитетов и жидами-врачами... Японцы, отделив пленных нижних чинов от офицеров, никого из этих последних не допускали к ним, врачам же жидам разрешалось беспрепятственное общежитие с нижними чинами. Их

*) Рапорт этот был нелегально отпечатан в приложении к № 1 «Военного Союза» (время издания нам неизвестно).

старались убедить, что в России правительства и власти нет, а всем орудуют революционные комитеты»...

«Мне пришлось (?) в Челябинске арестовать двух врачей-жидов Франка и Клейна... Эти врачи всю дорогу подбивали нижних чинов против офицеров»...

Что делают с «агитатором?» об этом также «всеподданнейше» докладывается.

«Агитаторы в своей дерзости дошли до того, что на ст. Омск один из них стал раздавать прокламации нижним чинам вверенного мне отряда, за что и был сильно избит ими.

Другой около ст. Иланской вскочил на ходу в мой поезд, начал пропаганду среди нижних чинов, но был выброшен находу и вряд ли когда нибудь возобновит свою преступную деятельность...

Два такие агитатора... на ст. Мысовой... вполне уличенные в их преступной деятельности по найденным у них прокламациям и собственному признанию, были расстрелены»...

Суд, как видите, «скорый и милостивый», без всяких правовых вывертов, которые были так близки правоверному сердцу «либералов».

И так ясно: войска рвутся в бой за «царя-батюшку», правда, изредка они пошаливают, но тут виноват «агитатор», и стоит немного поработать нагайкой и прикладом, как полный порядок среди воинских эшелонов восстановится.

Так обстоит дело с военными, их генерал знает достаточно хорошо, ему и книги в руки.

Но карательная экспедиция ехала не только водворять порядок среди эшелонов: Это второстепенная и сравнительно легкая задача заслонялась другой, неизмеримо более крупной. Надо было усмирять рабочий класс. Эта «работа» несколько тяжелее.

«Вред, причиненный правильности движения на Сибирской и Забайкальской железных дорогах беспорядками запасных и пленных, является ничтожным сравнительно с тем злом, которое в этом отношении причинила деятельность разных революционных комитетов, образовавшихся на этих дорогах. Масса служащих на этих дорогах жидов, поляков и административных ссыльных образовали всевозможные революционные комитеты. Увлеченные примером старших, примкнули к ним мастеровые депо и телеграфисты. Верные своему долгу остались, за редким исключением, кондуктора и низшие служащие»...

Генерал решает легко. Опять найден виновник и, увлеченные примером старших (?), как мухи на мед, лезут «мастеровые» и «телеграфисты».

Такое «прекрасное» об'яснение массового революционного движения 1905 года не требует никаких комментариев.

Демонстрации, митинги с участием десятков тысяч рабочих (их генерал не видел, но слышал о том, что все это «переодетые жиды»), комитеты, советы, профессиональные союзы, вооруженные рабочие—все это пустяки, этим генерала не проведешь.

В своем докладе Меллер-Закомельский упорно замалчивает о том, что еще до его приезда, от Томска до Иркутска проехали карательные экспедиции под'есаула Алексеева и начальника железной дороги Ивановского. Эти экспедиции производили массовые аресты, увольнения, заполняли все тюрьмы и каталажки, но эти экспедиции были «местные» и не обладали тем широким размахом, который был свойственен генералам-астролерам.

Карательный отряд Меллер-Закомельского ехал достаточно быстро, и 12-го января он был уже на ст. Иланской (в Енисейской губ., между городами Канском и Нижнеудинском). О каких-либо крупных «подвигах» отряда за проезд до ст. Иланской мы не знаем; об этом нет никаких указаний ни в докладе самого генерала, ни в имеющихся у нас материалах.

Даже проезд мимо Красноярска не оставил никаких воспоминаний у рабочих. Правда, там царил уже «законный порядок», но о «Красноярской республике» генерал был достаточно хорошо осведомлен и в своем докладе он указывает:

«Я совершенно разделяю мнение ген. Сухотина, сожалевшего о том, что Красноярск сдался без боя. Если ген. Сухотин и не расправился сурово с мятежниками, то это об'ясняется отсутствием у него в то время достаточной вооруженной силы».

Но никто же не мог помешать ему наверстать потерянное. Около тысячи «мятежников» сидело в тюрьме, кругом станции был расположен рабочий поселок, но... пути генеральские неисповедимы и... отряд несется дальше, к ст. Иланской.

IV. Иланская бойня.

На «подвигах» Меллер-Закомельского на ст. Иланской необходимо остановиться подробнее, так как нигде разнузданность и жестокость его по отношению к рабочим не проявилась так сильно, как там.

В Иланской уже не искали «агитатора», здесь об'ектом генерала были рабочие в целом.

Если Меллер-Закомельского некоторые даже крупные станции в Сибири не знают или знают понаслышке, то иланские рабочие помнят о нем до сих пор. Ряд могил ежедневно напоминает иланским рабочим о «порядке» при самодержавии.

Иланская—деповская станция. Небольшой поселок вокруг нее населен исключительно рабочими и служащими. Здесь революцию делал сам рабочий.

Уже 8-го января через Иланскую проехал начальник жел. дороги. Он «подробно осматривал депо» и «лично» наблюдал за передачей паровозов, арестовал 15 мастеровых и машинистов и 3-х телеграфистов. Казалось бы, и делать больше было нечего, тем более, что «никаких вооруженных восстаний» на ст. Иланской не было, но, фактически, жел.-дор. движение находилось в руках выборных рабочих органов, как и по всей Сибирской железной дороге. Но предоставим слово Меллер-Закомельскому:

«Насколько революционеры чувствовали себя безнаказанными, до какой степени рабочие рассчитывали на бездеятельность начальства, видно из того, что, несмотря на присутствие военной охраны, они взяли экстренный поезд на ст. Иланской и отправились в числе 300 человек в Канск требовать освобождения арестованных. К сожалению, командир Томского полка полк. Борисов не только не задержал их в Канске, а защитил их от местного населения, собиравшегося их бить, и уговорил их вернуться. Мне доложили, что рабочие собирались в депо на сходку. На станции стоял эшелон Терско-Кубанского (?) полка и с частью этого отряда и ротой охраны станции Иланской послал оцепить депо, где была сходка. Когда нижние чины вошли в депо, по ним открыли огонь. Им ответили на огонь тем же, и в один миг всех разогнали, при чем, как оказалось впоследствии, из числа застигнутых в депо было убито 19, ранено 70 и арестованных 70».

Такова официальная реляция полководца о той бойне, которую он устроил среди рабочих 12-го января (по старому стилю) 1906 г.

Читая ее, чувствуешь, какими белыми нитками она сшита. Добрый полковник, мешающий верноподданным избить «бунтовщиков»! На станцию подходят эшелоны, а рабочие сидят в депо и в нем защищаются уже после того, как в него беспрепятственно вошли солдаты и т. д. и т. д.

Несколько иначе говорят об этой бойне другие документы и свидетельские показания, которым мы доверяем больше, чем Меллер-Закомельскому.

В запросе, сделанном в 1-й Государственной Думе членом ее от Енисейской губ. Николаевским*), в прокламации того времени**) и по воспоминаниям очевидцев, рассказанным мне, «усмирение» рисуется так.

12-го января, утром, состоялось общее собрание рабочих и служащих станции Иланской. Было ли оно созвано со специальной целью высказаться по поводу бывших арестов, или нет, неизвестно, но на этом собрании было принято постановление о поездке в Канск с просьбой об освобождении арестованных. Рабочие забыли о 9-м января, и просительные настроения снова восторжествовали. Действительно, в Канск (30 верст) поехало до 400 рабочих, но никто из них вооружен не был. Не надо забывать, что это было 12-го января, когда «законный» порядок уже был восстановлен, проехали карательные экспедиции, на ст. Иланской стояла охрана. Добившись приема у начальника гарнизона, рабочие узнали, что вопрос об освобождении зависит «от начальника, который скоро прибудет» (о Меллер-Закомельском уже знали). Трудно вообразить, чтобы в маленьком мещанском городишке были настолько храбрые черносотенцы, чтобы иметь смелость побить 400 человек рабочих, хотя бы безоружных поэтому «защита» их начальником гарнизона может быть отнесена исключительно к фантазии карателя. О результатах поездки в Канск было доложено на общем собрании, созванном вечером, и на нем было решено ждать приезда «начальника». Были выбраны делегаты для переговоров с ним по поводу освобождения арестованных.

В 10 часов вечера к станции подошел поезд с карательным отрядом На платформе толпилось много народу.

Послышалась команда: «разогнать эту сволочь». В ход пошли приклады и нагайки.

Избранные делегаты пытались поговорить с генералом, но он их не принял и приказал расстрелять.

В депо ожидали результатов переговоров человек 700-800, среди них много женщин и детей. Узнав о том, что к депо идут солдаты, часть их поспешила уйти, и в депо, в момент его окружения, оставалось чел. 400.

Солдаты, ворвавшись в помещение, открыли стрельбу. Началась паника, послышался крик женщин и плач детей. Кто старался спрятаться, кто бросился к выходам. Выбегающих убивали или избивали. Кто-то догадался потушить электрическое освещение и выпустить пар. Это на некоторое время внесло замешательство в ряды нападающих и дало возможность скрыться нескольким «счастливцам». Но затем были принесены фонари и избиение продолжалось. Не щадили никого; очевидцы рассказывают, как на их глазах офицеры из наганов стреляли в детей.

У генерала «потерь не было», и это служит лучшим доказательством того, что никакой стрельбы и даже сопротивления избиваемые не оказывали.

В результате усмирения, или, выражаясь языком Меллер-Закомельского, «как оказалось впоследствии»,—было убито не 19, а не менее 50 человек. Сколько было раненых и избитых, в данный момент установить точно не представляется возможным. Раны и следы избиения приходилось тщательно скрывать, чтобы вновь не попасть в руки карателей в качестве «бунтовщика». Во всяком случае Меллер-Закомельский не преуве-

*) См. газету «Сибирские Вести» № 10, от 12 июля 1906 года. Газета не социалистическая.

**) «Иланская бойня» — прокламация Красноярского к-та ПСР от 19 января 1906 года.

личивает, указывая цифру раненых. В следующие дни трупы находили не только в депо, но и вокруг поселка*).

12-ое января (25-е по старому стилю) 1906 года должно занять в истории революционного движения в Сибири подобающее место. Этот день сейчас забыт. Необходимо восстановить в памяти фамилии погибших рабочих, испытавших на себе последствия всякого рода «просьб» к слугам самодержавия.

V. С Запада и Востока на Читу!

На каждой значительной станции, от Иланской до Иркутска (Нижнеудинск, Зима, Иннокентьевская), шли порки, расстрелы и избиения. В Нижнеудинске было окружено здание железнодорожного клуба, и бывшие в нем рабочие расстреливались сквозь тонкие барачные стены.

В Иркутске «законный порядок» был уже восстановлен.

Все стремления генерала были направлены к Забайкалью на так называемую «Даурскую республику». Там начинал действовать другой генерал, и его лавры не давали спать Меллер-Закомельскому.

«Мое появление на Забайкальской железной дороге сразу же подняло престиж власти и подорвало значение стачечного комитета»,—

с гордостью сообщает Меллер-Закомельский. Да и как этому «престижу» было не подняться, если,

«...подвигаясь по Забайкальской железной дороге к Чите, я по пути производил аресты виновных в сопротивлении властям. Главные виновники—телеграфисты и чины (члены?) стачечного комитета, взятые с оружием в руках, после точного выяснения их виновности и собственного их признания, были мною растреляны—на ст. Мысовой—5 человек и на ст. Мозгон—7 человек.

Другие телеграфисты, менее виновные и несовершеннолетние, были наказаны плетями. Такой образ действия дал должные результаты... Рабочие начали сами сдавать оружие... Телеграфисты прекратили передачу всяких стачечных депеш, железнодорожный элемент служащих приободрился и введенный раньше 8-ми часовой рабочий день заменился десятичасовым»...

Все выражения об оружии в руках и о сдаче оружия генерал подпускает для красного словца. Оружие у рабочих было, оно служило для охраны грузов, станции, а иногда и для самозащиты, но никто на карательный отряд не нападал, никаких боев у него с «мятежниками» не было, ибо, еще раз повторяем, «мятеж» ко времени приезда карателей уже закончился. Но неудобно, конечно, писать о подавлении несуществующего уже «мятежа», и на сцену выступает оружие, которое склоняется во всех падежах.

Одним словом, после проезда Меллер-Закомельского, на Забайкальской жел. дороге наступило «райское житие», и 8-ми часовой день (заменяется» (как заменяется, об этом не говорят) десятичасовым, при общем ликовании (!) всех железнодорожников.

Говоря о таком «райском житии», генерал не может не подпустить шпильки по адресу своего коллеги по усмирению, шедшего с востока:

«Такой реакции (т. е. возвращения к «законному положению»—(прим. **А. А.**) не было замечено... на участках от Манчжурии до Читы»...

*) В своем дневнике Куропаткин пишет: «Рассказы про Меллер-Закомельского просто невероятны. Сычевский мне рассказывал, что Меллер-Закомельский засекал шомполами чуть не на-смерть. Одновременно били 4 солдата шомполами, и это считалось за один удар. По словам Сычевского, буквально срывали мягкие части тела. Но главное зверство произведено на ст. Иланской. Там манифестантов с красными флагами, 400 человек почти, окружили солдаты и начали расстреливать. Только 60 человек оказались ранеными. Остальные были убиты». («Красн. Архив» № 8 за 1925 год). Тут в отношении ст. Иланской явное преувеличение.

Правда, Меллер-Закомельский там не был, и он не знал о кровавых расправах Ренненкампфа на «участках от Манчжурии до Читы», нисколько не уступающих, а иногда и превосходящих расправу на ст. Иланской, однако, «смазать» сбивающего лавры генерала было необходимо.

На станции Слюдянка Меллер-Закомельский арестовал т. Бабушкина, ехавшего с 5-ю товарищами в Иркутск для восстановления организации. Тов. И. В. Бабушкин, этот, по словам тов. Ленина, «крупный партийный работник, гордость партии»*), только в конце 1905 года вырвался из далекого Верхоянска, где он находился в ссылке. Из Иркутска он был направлен Сибирским с.-д. союзом для работы в Читу. Вместе с г. А. А. Костюшко-Валюжаничем он был одним из активнейших работников читинской с.-д. организации. Без всякого суда т. Бабушкин вместе с товарищами был немедленно расстрелян на краю вырытой на скорую руку ямы. Бабушкин не назвал своей фамилии и умер «неизвестным». Только в 1910 г. стало известно о его смерти.

В Верхнеудинске, по словам доклада, было произведено только несколько арестов (так ли это?), но зато отряд увеличивается на 300 человек.

Чита!.. Вот где можно будет показать себя, вот где Меллер-Закомельский рассчитывает дать генеральный бой и... кстати, опередить в «усмирении» Ренненкампфа.

В Чите, по точным сведениям Меллер-Закомельского, существует какое-то «временное правительство», там «жители захватили 13 вагонов с 3-х линейными винтовками, массу патронов и берданок», у Ренненкампфа сил недостаточно, нужно «ему помочь» и «перехватить беглецов из Читы» с запада.

Войска Меллер-Закомельского, конечно, «рвутся в бой».

«Не доезжая 3-х верст, я приказал отряду высадиться, построиться в боевой порядок, поставить орудия на позиции, а под'есаула Алексеева с его отрядом послал осмотреть мастерские, в которых, по слухам, революционеры заперлись и собирались оказать вооруженное сопротивление».

Но увы! Слухи оказались «несколько преувеличенными». Сражаться было не с кем.

И генерал меланхолически продолжает:

«Оказалось, что читинцы сложили бывшее у них оружие и боевые припасы около 30.000 винтовок, ручные гранаты, динамит, пироксилин и патроны. Произошло это оттого, что назначенные ген. Ренненкампфом вр. ген.-губернатор генерал Полковников и вр. губернатор ген. Сычевский вступили в переговоры с революционерами и убедили их сдаться.

Эта была крупная ошибка.. Я нахожу, что для дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры. Разгром Читы послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революции. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления».

Можно себе представить разочарование «храброго» генерала, который уже совершенно приготовился к бою.

Никаких «переговоров» с революционерами генералы не вели, ибо эти революционеры с ними вовсе не разговаривали, и тем более они не могли «убедить» их сдаться. Уже 18-го января (Меллер-Закомельский «завоевал» Читу 22 января) все положенные по штату власти были в

*) В собр. соч. Н. Ленина, т. XI, ч. 2, помещен некролог Бабушкина. Имеется интересная книга «Воспоминания И. В. Бабушкина». Изд. «Прибой», 1925 г.

Чите и исполняли свои функции, рабочие сами еще 19-го января постановили никакого вооруженного сопротивления не оказывать. Никаких «временных правительств» в Чите не было, и старое начальство во главе с губернатором все время продолжало пребывать в городе в полуатрофированном состоянии.

«30.000 винтовок» и прочее оружие спокойно лежали в вагонах на железнодорожных путях, и никто эти оружия «не слагал» *).

22-го января летит телеграмма царю:

«Чита сдалась без боя. Еду обратно. Генерал Меллер-Закомельский».

Хотя и без боя, но все же «сдалась», недаром же орудия были поставлены на позиции против того города, где уже несколько дней жили и «действовали» всякие губернаторы и генерал-губернаторы, и... в котором с 21-го января находился Ренненкампф.

Ренненкампф двигался не так быстро, как его соперник. 9-го января он прибывает из Харбина на ст. Манчжурию и, конечно, жестоко расправляется с жел.-дорож. рабочими, вздумавшими отметить годовщину «Кровавого воскресенья» демонстрацией. Здесь, среди других работников, он арестовывает и по приговору военно-полевого суда расстреливает т. А. И. Попова (Коновалова),—руководителя социал-дем. организации, одного из активнейших сибирских работников. На суде Попов отказался давать показания.

Что делал Ренненкампф на остальных станциях до Читы, можно и не рассказывать.

Оба карателя поладить, естественно, не могли, и Меллер-Закомельский быстрым аллюром помчался в Петербург, чтобы иметь возможность раньше другого «представить свой отряд» его величеству.

На Забайкальской жел. дороге и в Чите остался искоренять крамольный дух Ренненкампф. «Дело» оказалось достаточно сложным и потребовало 4-х месяцев «упорной работы».

Способы «усмирения» генералов мало чем отличались один от другого, поэтому, чтобы не повторяться, мы приведем только несколько примеров ренненкампфовой юстиции.

В кадетском журнале «Право»**) приведена выдержка из письма Окунцова, осужденного вместе с врачом Шинкманом и крестьянином Мирским к смертной казни:

«Пишу из арестантского вагона при поезде ген. Ренненкампфа... В Верхнеудинске за неделю арестовали 60 человек и посадили в тюрьму. 25-го февраля суд (строевые офицеры) вынес нам смертный приговор через повешение. И это, несмотря на то, что из 36 свидетелей 30 показывали в наше оправдание... Нас обвиняли в издании «Верхнеудинского Листка», в каком-то вооруженном восстании (о нем в Верхнеудинске никто не слыхал). Положа руку на сердце, заявляю, что все жертвы ген. Ренненкампфа и его суда казнены без законного следствия и суда»...

Это пишет интеллигент (Окунцов—инспектор народных училищ)—в его черезчур небольшой революционности мы не сомневаемся.

В «Былом» (№ 5-6, 1917 г.) мы можем прочесть обвинительные акты по целому ряду «процессов» и описание казней Костюшко-Валюжанича, Столярова, Вайнштейна, Гольдсоболя, Шульца, Медведникова, Гордеева и многих, многих других.

Из казненных наиболее крупной фигурой был т. А. А. Костюшко-Валюжанич, соц.-дем. Он в 1904 году принимал участие в «Якутской истории» («романовской»), был осужден за нее на каторгу и в 1905 г.

*) См. «Былое» за 1917 г., № 5-6.
**) «Право» за 1906 г., № 13.

бежал из Иркутской тюрьмы. В Чите он работал под именем Григоровича в мастерских жел. дороги. В революционные дни 1905 г. в Чите он был главным деятелем движения среди солдат и казаков.

Ренненкампфу и его судьям не удалось установить ни истинной роли, ни значения этого выдающегося революционера, и он фигурировал на суде, как член какой-то «революционной партии» (какой—в этом судьи разбираться не умели) под именем Григоровича.

Он, вместе с Цуксманом, Столяровым и Вайнштейном, был приговорен к повешению, которое «милостиво» было заменено расстрелом.

3-го марта 1906 г. (по ст. ст.) состоялась казнь. Привязанный к столбу, Костюшко перед залпом успел обратиться к солдатам с несколькими словами, указав, что «дети скажут вам, что я умер за вас».

По своей циничности Ренненкампф превзошел даже других карателей и устраивал публичные казни через повешение. Сам генерал и его свита стояли у окон и в бинокли любовались на кровавые «обряды».

Только в апреле месяце миссия Ренненкампфа была признана оконченной. Издав прощальный приказ, в котором он льстил себя надеждой, что заслужил благодарность населения, Ренненкампф уехал в Иркутск. В империалистической войне 1914-1917 г.г. фигура этого «храброго» генерала, так удачно «усмирившего» рабочих в Забайкальи, снова выдвигается на вид. О его грабежах в Восточной Пруссии, о целых караванах драгоценностей, которые он вывозил «для себя», говорила вся армия.

VI. Задушить не удалось.

«Благодаря военному положению, революционное движение удалось временно подавить, но нельзя считать его окончившимся. Есть данные предполагать, что, со снятием военного положения, мятежники примутся снова за свою работу. Такие города, как Иркутск и Чита, и такие центры ж.-д. линии, как Каинск (?), Канск (?) Иннокентьевская, Обь, Зима, Тайга, требуют серьезного и постоянного наблюдения и решительных мер со стороны администрации»...

Так заканчивает свой доклад Меллер-Закомельский. И он не на много ошибся.

Несмотря на неистовства генералов, пытавшихся расстрелами и избиениями искоренить крамольный дух среди железнодорожного пролетариата Сибири, и во время военного положения не остановилась деятельная работа соц.-демократической организации.

Тов. Баранский (стр. 44-46 указанной книги) рассказывает о том, как, во время пребывания Ренненкампфа в Чите, соц.-дем. организация выпускала свою газету.

В официальном отчете мы читаем о Красноярске:

«Местная соц.-дем. организация за время мятежнических дней в г. Красноярске настолько окрепла, что, несмотря на аресты, произведенные в январе 1906 г., и на то, что 15-го марта было вновь заключено под стражу 5 видных членов партии и взята хорошо оборудованная типография, издание прокламаций и тайная деятельность оц.-демократов продолжалась*).

Осознанной необходимости классовой борьбы нельзя было уничтожить карательными экспедициями.

Но нужно было еще 11 лет тяжелой, упорной работы с неизбежными неудачами и провалами, с неизбежными шатаниями мысли у рабочих, чтобы вплотную подойти к диктатуре пролетариата.

А. Ансон (А. Абов).

*) Из книги «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 г.г.». Сенатская типография. СПБ. 1908 г. Изд. секретное.

Красноярск.

Красноярск на пути к 1905 году.

В 1905 году Красноярск оказался одним из немногих пунктов Сибири, где движение приняло бурный, ярко революционный характер. А между тем какой-нибудь пяток лет назад, в особенности еще в конце 90-х годов, здесь, как и во всей Сибири, жизнь текла «мирно и тихо». Местная жандармерия в своих политических обзорах Енисейской губернии за эти годы с безмятежным спокойствием пишет:

«В народонаселении никаких волнений не было, никакой праздной проповеди и пропаганды замечено не было», «между рабочим народом никаких волнений не происходило».

Снедаемые тоской бездействия, эти охранители с усердием, достойным лучшей участи, занимались выслеживанием нарушителей нравственности: «выпивавших учителей гимназии или чиновников, вводящих в соблазн окружающее население незаконным сожительством с чужими женами», и вдовых попов, возбуждающих сомнение в их «нравственной благонадежности», вследствие подозрительных отношений к своим экономкам. Из года в год по избитому трафарету губернская жандармерия доносит в Петербург, в департамент полиции, что более интеллигентные классы общества, разумеется, сибиряки, отличаются всегдашним своим либерализмом, проявляющимся преимущественно в сочувствии разного рода политическим ссыльным. Весьма несимпатично относятся эти интеллигенты к представителям администрации, юстиции и вообще служащим-чиновникам.

Но вот в 1896 году, 6-го декабря, прибыл в Красноярск первый пробный железнодорожный поезд, вызвавший большое оживление в городе. 1-го января началось правильное движение по Сибирской жел. дороге на участке Красноярск—Обь, а 1-го января 1899 года—между Красноярском и Иркутском. С этой поры Красноярск начинает довольно быстро развиваться в торгово-промышленном отношении, а вместе с этим в его жизни появляются новые факторы, создающие благоприятные условия для политического развития трудовых масс городского населения.

Крупно-капиталистическая форма производства с ее непременным спутником—промышленным пролетариатом, властно вторгается по стальным рельсам в местную хозяйственную жизнь, быстро преобразуя общественные отношения. Местные революционные силы, в лице политических ссыльных, получили точку для своего приложения. В 1899 г. среди рабочих Красноярских мастерских ими были организованы тайные кружки. В начале своего образования эти кружки не носили еще ярко выраженной партийной окраски и ставили своей задачей предварительную подготовку почвы для дальнейшей революционной работы.

В том же году по линии железной дороги от Красноярска до Иркутска, в целях организации крупной стачки, распространяются рукописные прокламации. Эта первая попытка оказалась неудачной. Но уже в политическом обзоре за 1900 год, «в котором губернская жандармерия уведомляет центр о всеобщем благополучии», имеется и такое сообщение:

«Случаев волнения среди населения не было, но между рабочими был случай, а именно: в мае месяце отчетного года в Красноярских ж.-д. мастерских было волнение между рабочими, закончившееся стачкой и забастовкой. Причиной к этому было нежелание подчиниться циркулярным распоряжениям Управления казенных железных дорог работать в праздник 9-го мая. Вследствие этого мастерские на несколько дней были закрыты. Затем было произведено дознание, и по рассмотрении в особом совещании, образованном согласно 31 ст. положения о государственной охране, обстоятельств дела, господин управляющий министерством внутренних дел постановил: воспретить мещанам Плотникову, Циркунову, Иванову, Андросову и Бекетову жительство в Красноярском и Иркутском уездах на один год. Рабочие с 15-го мая принялись за обычные свои занятия, в мастерских все успокоилось, и в будущем ожидать подобных явлений возможности, повидимому, не представляется»*).

По своей наивности и неопытности, губернская жандармерия глубоко ошибалась в своем благополучном заключении. Майская забастовка 1900 г. была первой ласточкой, которая, хотя весны и не делает, но таковую предвещает непременно. Эта забастовка показала, что как раз теперь была налицо полнейшая «возможность» и также неизбежная необходимость «подобных явлений». Зрелая форма крупно-капиталистической эксплоатации с особым сибирским размахом, вклинившаяся в местную хозяйственную жизнь, привлечение сюда рабочих, уже видавших виды на фабриках и заводах Европейской России, открыли широкий простор для социал-демократической пропаганды, содействовали быстрому росту организованности и революционной сознательности Красноярского пролетариата.

Отвечая назревшим требованиям, в 1901 году образовался Сибирский социал-демократический союз, поставивший своей задачей об'единение существующих организаций, ведущих революционную пропаганду на местах разрозненно, в узких рамках местности, где они возникли. Цель союза: развитие классового самосознания сибирских рабочих, пропаганда идей борьбы за политическую свободу и за социализм, об'единение в прочную социал-демократическую организацию и слияние сибирского рабочего движения с обще-русским. Уже 17-го апреля в том же году Сибирским союзом было распространено в г. Красноярске большое количество печатных прокламаций, призывавших сибирских рабочих к организации и устройству 18 апреля первомайских (по новому стилю) забастовок и уличных демонстраций за восьмичасовой рабочий день и изменение политического строя. Сибирский союз приглашал рабочих «смело и дружно идти на борьбу с самодержавием».

Красноярский Комитет Сиб. с.-д. союза свою первую прокламацию выпустил в ночь на 29-ое января 1902 года. Обращаясь «к рабочим Красноярских мастерских», он пропагандирует в ней идею социализма, зовет к политической борьбе и к международной пролетарской солидарности. Путем выпуска прокламаций, которые обсуждали местные экономические условия и критиковали распоряжения железнодорожной администрации, а равно таких прокламаций, которые давали оценку общего политического положения, Комитет ведет свою социал-демократическую работу как среди железнодорожных рабочих, так и среди красноярских рабочих и работниц вообще.

*) «Дело Енисейского Губ. Жанд. Упр.» № 2, за 1901 год.

Эта работа скоро дала свои результаты. В своей прокламации от 23-го сентября 1902 года Иркутский Комитет спешит поделиться с иркутскими рабочими радостной вестью об одной из сознательных побед нашего сибирского рабочего над хозяевами и начальством.

«13-го сентября,—сообщает прокламация,—наши товарищи—рабочие Красноярских железнодорожных мастерских,—выведенные из себя постоянными прижимками и несправедливостями начальства и возбужденные горячей агитацией Красноярского Комитета Сиб. социал-демокр. союза, дружно бросили работу и забастовали. Тех рабочих, которые из трусости или подлости отказались следовать за ними, они силой заставили побросать работу. Сплотившись в огромную толпу из 1500 человек, забастовавшие рабочие двинулись по главной улице для об'яснения с губернатором».

Далее прокламация говорит о растерянности и испуге администрации мастерских и местного губернатора, который, опасаясь беспорядков, заставил начальника мастерских сделать заем в Русско-Китайском банке для уплаты рабочим их заработка. По требованию рабочих, за день забастовки была выдана плата.

Пример красноярских рабочих заразительно подействовал на рабочих Иркутского железнодорожного депо: они в октябре 1902 года также прекратили работу и для выявления своих претензий пошли по главной улице к губернатору.

В том же 1902 году красноярские рабочие ответили забастовкой 1-го ноября в ответ на циркулярное распоряжение начальника Сибирской жел. дороги о прекращении выдачи нарядов и билетов на бесплатный проезд. Когда было получено об'явление министра путей сообщения, что возбужденный вопрос им будет рассмотрен, стачка прекратилась. Но, когда после этого часть рабочих, не приступивших к работам в предложенный срок, была рассчитана, а один из них даже арестован, рабочие снова заволновались. Опасаясь новой забастовки, власти вынуждены были уступить перед дружным напором рабочих, и на стенах мастерских появилось об'явление об отмене вызвавшего ноябрьскую забастовку циркуляра.

В январской прокламации в 1903 году Сибирский с.-д. союз сообщает о своем об'единении с РСДРП и о своей солидарности с организацией «Искры» по вопросам организационным, тактическим и принципиальным. Красноярский Комитет союза тогда же преобразовался в Красноярский Комитет РСДРП, под его руководством в том же году проходит стачка в Красноярских железнодорожных мастерских, захватившая 2000 рабочих и окончившаяся полной победой над полицией и администрацией.

Работа партии обратила на себя серьезное внимание охранников, которые скоро усваивали испытанные меры борьбы с революционерами путем шпионажа и провокации.

Благодаря этому, жандармерии удалось осенью разгромить Красноярскую организацию настолько основательно, что только с лета 1904 года она снова стала собираться с силами, восстанавливать связь и налаживать работу. Еще до Рождества 1904 года раз'ездными агитаторами Сибирского союза устраивались собрания рабочих, на которых велась устная агитация, а сорганизовавшийся в конце 1904 года Комитет сразу же стал выпускать листки, отпечатанные в своей типографии.

Таким образом, красноярские рабочие выступали в 1905 году с достаточно революционной подготовкой и под надежным руководством местной соц.-дем. организации.

Я. Лесковский.

Из воспоминаний о красноярском рабочем движении в 1902-1904 г. г.

Каждая область в России имела свой центр рабочего движения северо-западный край—Питер, центральный район Иваново-Вознесенск. Украина—Харьков, Донская Область—Юзовку и Ростов, Польша—Лодзь, Латвия—Ригу, Кавказ—Баку, Сибирь во все времена—Красноярск и Читу. Я был еще 16-ти летним мальчиком, работал в мастерских, когда в 1902 г управление Сибирских жел. дорог об'явило всем мастеровым и рабочим об отмене выдачи бесплатных проездных билетов по железной дороге Это распоряжение начальника дороги всю мастеровщину ударило, как обухом по голове, ибо, с отменой проездных билетов, рабочий при увольнении лишался средств передвижения. Железнодорожник привык рассматривать бесплатные проездные билеты, как часть заработной платы. У Красноярского Комитета нашей партии были сильные связи с железнодорожниками. Работа здесь велась товарищем по кличке «Нос» (т. Пайкис).

Наиболее активными работниками были Иннокентий Княжев—токарь, Данилин—слесарь, Минин—слесарь, Никитин Федор (забыл—токарь или слесарь), Шеошун—медник, Даник—электротехник и Рогов Спиридон—токарь (мой брат). Красноярский Комитет Сиб. Соц.-Дем. Союза обратился к железнодорожникам с прокламацией, раз'ясняющей суть приказа начальника дороги, и какой ответ должны на это дать жел.-дорожные рабочие. Она кончалась призывом к стачке. Прокламациями были засыпаны все мастерские и депо. Удачно составленная, она имела большой успех. Настроение поднялось, чувствовалось, что рабочие ждут сигнала к стачке, готовые ее поддержать. Члены нашей партии становились центром, возле которого группировались недовольные рабочие, видевшие в них товарищей, наиболее правильно формулирующих их требования. Стачка началась в мастерских. Ее поддержали другие железнодорожники. Была выделена депутация во главе с Иннокентием Княжевым для переговоров. Эти переговоры велись между начальником управления и депутацией на площади у проходной будки в присутствии тысячной толпы стачечников. Четкость и ясность, которую вносил т. Княжев в формулировку требований рабочих, ставили часто втупик жандармского начальника и начальника мастерских и вливали все больше решимости в стачечников. Каждое утро рабочие собирались на площади, где представители Управления и депутация возобновляли переговоры.

Красноярский Комитет РСДРП каждый день выпускал прокламации, бюллетени о ходе стачки и переговоров борющихся сторон. Кроме того, депутация после каждых переговоров отчитывалась в присутствии жандармов перед стачечниками и спрашивала их,—правильно ли они, делегаты, формулируют и защищают требования. Получали единодушный ответ:

«правильно», и здесь же решался вопрос о продолжении стачки. На третий день жандармы охранного отделения открыли подпольную типографию РСДРП и арестовали ее. Это было их настоящее торжество. Они радовались, что из'яли могучее средство партии—печатное слово. Но они были поражены на другой день утром, когда увидели очередной нумер бюллетеня, отпечатанный еще лучшим шрифтом, чем старые. Красноярский Комитет РСДРП пустил в ход новую типографию. Стачка продолжалась. На площадь стали приходить, кроме стачечников, и городские рабочие послушать переговоры. Жандармский ротмистр приезжал сюда каждое утро на коне в сапогах со шпорами, мороз стоял от 40 до 42-43 градусов, ноги мерзли, рабочие отпускали по его адресу остроты. Особенно много спорсв вызвал восьмичасовой рабочий день. Эти споры тов. Княжев использовал как нельзя лучше, отвечая на возражения жандармского ротмистра против 8-ми часового рабочего дня. Он показал необходимость его введения, ссылаясь на пример западно-европейского рабочего законодательства. На пятый день было вывешено об'явление в мастерских, что проездные билеты железнодорожникам восстановляются на старых основаниях. Решено было приступить к работе. По выходе на работу в этот же день был арестован т. Княжев и посажен в тюрьму. Мастерские опять заволновались, ибо т. Княжев был любимым вождем стачки. Рабочие пред'явили требование об его освобождении. На третий день его выпустили, уволив без права поступления на жел. дорогу в порядке секретного циркуляра, с занесением в черные списки.

В апреле 1903 года была получена из Томска прокламация к 1 мая с изображением пирамиды: внизу стоят рабочие и крестьяне с согнутыми спинами, на их спинах сидят помещики и капиталисты, на капиталистах министры, на министрах царь. Прокламация красного цвета. Эта прокламация наглядно изображала положение рабочего класса при царском самодержавии и пользовалась громадной популярностью. Красноярский Комитет РСДРП с своей стороны также готовился к празднованию 1-го мая (по новому стилю) и к 18 апреля выпустил прокламацию с призывом к однодневной стачке и демонстрации с лозунгами: «Да здравствует 1 мая, международный праздник труда!», «Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!».

Поскольку готовились к стачке красноярские рабочие, постольку готовились к ней жандармы. Енисейское жел.-дорожное управление стянуло всех жандармов из уездов и двинуло их в главные мастерские, где они стали фланировать с утра 18-го по цехам мастерских.

В 11 часов дня мы, подростки, получили директиву рассыпаться по всем цехам и одновременно крикнуть из разных мест: «Бросай работу!».

Порядок сбора был назначен следующий: все цеха сходятся в токарный цех (вагонный, сборный, котельный), из токарного уже с поднятыми красными флагами идут к проходной будке через кузнечный цех, захватывая литейный и модельный. Ровно в 11 часов раздалось: «Бросай работу!». Токарный цех вышел на средину, сбился в кучу. Был выброшен красный флаг. Со всех сторон рабочих окружили жандармы. Сборный цех шел на соединение с токарным, часть прорвалась через цепь жандармов, часть не могла и остановилась недалеко от ядра. Ждали прихода рабочих вагонного цеха. Но оказалось, что рабочие вагонного цеха направились к токарной через кузнечный, где встретили сопротивление со стороны нескольких черносотенцев-кузнецов, стоявших под прикрытием жандармов в калитке цеха с раскаленным железом в клещах. Жандармов становилось все больше и больше. К ним на помощь стала подходить и

полиция. Когда выяснилась безнадежность демонстрации, пришлось свернуть флаг и спрятать. Постепенно рабочие стали расходиться, направляясь к проходной будке, где были выстроены в шеренгу жандармы и полиция, а за проходной на площади стояли казаки, отряд полиции и приглашенный хор из какой-то церкви с портретами царя. Рабочих при выходе из проходной будки полицейские и жандармы брали за шиворот и ставили в ряды сзади хора. Рабочие упирались, и часть их прорвалась и разошлась по домам, а часть выстроили и повели с пением хора «боже, царя храни» в город. Выйдя с площади в улицу, рабочие стали разбегаться из рядов вынужденной патриотической манифестации, и, когда процессия подошла к городу, то от нее ничего не осталось, за исключением полиции, жандармов и хора. Таким образом, демонстрация 1-го мая не удалась. Вечером были произведены массовые обыски у рабочих. В эту же ночь были арестованы следующие товарищи: Федор Никитин, Даник, Рябинин, Жариков, Фролов, Яковлев Константин. Кроме того, были уволены без права поступления на жел. дорогу следующие: Рогов Спиридон, Шершун, Данилин, Скрыптин и целый ряд других. Арестованные сидели несколько месяцев в тюрьме, после чего одного, Афанасия Жарикова, освободили, а остальных отправили в ссылку в Якутскую област.. Красноярской организации был нанесен громадный удар. Лучшая часть была выхвачена, но все же остались еще товарищи, особенно из молодежи. С нами занимались от Красноярского Комитета РСДРП фельдшерица Полина Колина и Витя Шуваев, потом их заменил студент-техник Леонид Красин.

В августе 1903 г. нами был поставлен вопрос о заработной плате учеников. В течение года ни один из учеников не получал прибавки, которая должна была даваться через каждые шесть месяцев. Некоторые ученики имели по 20-21 г., работали по три года и по работе не отличались ничем от слесарей, столяров, взрослых рабочих, а жалованье получали не более 50 коп. в день. Учеников насчитывалось не менее 300 человек. Из молодежи инициативу взяли на себя Портнягин, Мардосевич, Сухонкин, Строганов, Старцеусов, Росляков, Петр Яковлев, Алексей Рогов и друг. В конце августа 1903 г. нами было устроено в мастерских собрание всех учеников разных цехов и решен вопрос о стачке. Была выбрана делегация, в которую вошли: пишущий эти строки, Портнягин и Сухонкин. Для того, чтобы не обострять внимания жандармов, прокламаций не было. Забастовка продолжалась три дня. В течение этих трех дней мы группой ходили по цехам, устраивая то в одном месте, то в другом собрания, жандармы всюду следовали по нашим стопам. После бесплодных попыток запугать нас расчетом со стороны начальника мастерских и угроз арестом со стороны жандармерии, требования наши были удовлетворены.

В начале 1904 года была об'явлена война с Японией. Красноярский Комитет РСДРП и Сибирский Союз РСДРП систематически стали выпускать прокламации, раз'ясняющие, кому нужна война, что она несет рабочим и крестьянам и как покончить с ней. Рабочие подростки были лучшими распространителями прокламаций. Однажды мы с приятелем Старцеусовым ухитрились наклеить прокламацию на дверях приемной енисейского губернатора и на дверях 1-й полицейской части. Война продолжалась. Эшелон за эшелоном проходили войска на Дальний Восток. Сибирский Союз РСДРП, Красноярский и Читинский Комитеты выпускали прокламацию за прокламацией к солдатам. По Сибири об'явили мобилизацию ратников ополчения. Прокламации читались открыто в эшелонах. Приближался 1905 г.

А. Рогов.

Десять дней в Красноярске в январе 1905 года.

В Красноярске я был в 1905 году с 7 по 17 января по ст. стилю, всего 10 дней. Но то были великие январские дни, дни «мирного шествия к Дворцу», ставшие днями великого гнева в миллионах пролетарских сердец.

В Красноярск от сибирского союза партии нас отправилось двое: я и Виктор Николаевич Охоцимский.

Ехали мы агитировать в пользу всеобщей стачки по Сибирской магистрали. Лозунги: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!», «Да здравствует Учредительное Собрание!»

Начиная с середины декабря 1904 г., горячо проводилась кампания со стороны Сибирского Союза. Особенно в Томске поработал Газ (Гутовский, Викентий Аницетович). Весь Комитет и подкомитет Томский был поставлен на ноги. Своей агитацией против войны и устной (летучки, массовки) и письменной мы довели сочувствующую нам студенческую молодежь до белого каленья. Газ в это время достиг кульминационной точки в своем искусстве писать листки, дождь прокламаций затопил обывателя. А писал, как известно, листки Газ мастерски: его прокламации—«8 лошадей—40 человек», «Царский слуга—значит, вор» или «Царская памятка»—это высокие образцы агитационного искусства, которые должны войти в хрестоматии по истории РКП (б).

В результате обработки, молодежь рвалась приложить к делу свой пыл. Союз использовал настроение и целыми пачками стал направлять ее агитировать в пользу всеобщей сибирской забастовки. Началось своеобразное «хождение в народ». Полетел Суслов Н. Н., Тюшевский (ему мной была дана кличка «Слеза», Маслов А. В., Франкфурт, Матренинский, Хаим Бронштейн (моя гордость: этот первоклассный агитатор с ярким, красочным словом вышел из моего Иркутского кружка 1902 г.) и много, много других.

В одном поезде с нами ехал Антон Фомич Сухоруков (кличка «Маленький»), а с ним—мой томский «ад'ютант», милейший юноша Гейман. У этого Геймана, несмотря на его молодость, были настоящие Добролюбовские баки. Мы его так и звали «Баки». Сколько я уговаривал его во имя конспирации побриться,—ни за что! Так вот, эти самые баки привлекли к себе в Томске и потащили за собой и по железной дороге шпиков. А. Сухоруков ехал с важным поручением от союза: он вез план освобождения романовцев из Александровского централа. У «Баки» же были с собой в корзине прокламашки. Фомич дал мне знать о шпиках. Мы условились с Виктором в Красноярске прежде, чем явиться на явку, по-

плутать и замести следы. В Красноярске я отправился «с корабля на бал»—в городской театр, надеясь кого-нибудь встретить из знакомых. Номер не прошел. Тогда я подошел к молоденькому незнакомому мне студентику (благо на мне была чья-то университетская тужурка) и спросил—не медик ли он. Он оказался юристом. Я ему пожаловался на судьбу свою: дескать, надеялся проездом в Иркутск встретить в Красноярске своего коллегу-медика, а он уехал; не знаю, где до завтрашнего дня перебиться до поезда. Студентик очень гостеприимно предложил мне свою комнату. И вот, первую ночь я провожу в квартире протоиерея кафедрального собора—у отца коллеги.

На следующий день утром отправился я на явку. Только что вышел из квартиры попа, тотчас же наткнулся на Додо Райхбаума. Он меня и привел на явочную квартиру. Помещалась она на Узенькой улице (едва ли не самой широкой в Красноярске). Очень скоро свиделся я с находившейся в то время в Красноярске женой Гутовского—Марией Савельевной, лучшей и преданнейшей профессионалкой-революционеркой в Сибири (ее знал я тоже по Иркутску в 1902 году).

Марья Савельевна в тот же день (7 января) устроила нам с Виктором свидание с головкой организации. Кроме Гутовской и Райхбаума, туда входили: Юдин, Перес, Байкалов, Анатолий (дни и ночи проводивший в крамольной фельдшерской школе), 2 брата Семененко, жена одного из них —Сусанна. После нашего с Виктором сообщения о цели нашей командировки, нам предложили прощупать революционное самочувствие наиболее авторитетной для масс рабочей верхушки.

Юдин уже 8 января устроил мне свидание с самыми влиятельными рабочими. Собрание происходило в трюме баржи на Енисее. Холод был адский, тем горячее лилась речь с призывами не давать везти братьев-солдат на бойню, устроить всеобщую забастовку. Если не ошибаюсь, среди рабочих были Чиркин и Галат, хорошие горячие ребята. Помню, рассказал я о великом исходе агитаторов из Томска. На завтра на 2-х летучках подбавил жару Виктор, чрезвычайно темпераментный оратор, и... в верхах без всякого учета низовых сил решили забастовочную кампанию утвердить. Это было 9-го января.

А 10-го, уже под вечер, ко мне в комнату влетает в сильном возбуждении Виктор и показывает телеграмму.

— Вот, восстание, Григорий, ведь революция, самая настоящая революция.

В телеграмме, сообщавшей о 9 января, ничего не было сказано о подавлении, о прекращении волнений.

Да, это была революция. Все было окутано дымкой романтики, о Гапоне очень неопределенные сведения, но факт восстания всего столичного пролетариата был налицо.

Было нестерпимо оставаться дома. Хотелось радость пережить среди самых близких друзей из организации, хотел бежать к Гутовской, но тут взмолился Виктор: напиши, да с огоньком, воззвание.

Что было делать?

Трепетные слова: «В России революция», казалось, заполнили не только слух, но и все поры существа. Писал, как в лихорадке. Надо ли говорить, что воззвание так и начиналось словами: «В России революция».

Прокламация была напечатана хорошим, четким шрифтом, на образцовой нашей технике, «на рельсиках».

Прокламация Виктору понравилась, и он ее в следующие дни не раз читал на рабочих собраниях. Эти последующие дни были днями непрерывных массовок, летучек и всяческих собраний. К лозунгу «долой военную авантюру», естественно, присоединился лозунг «поддержать питерцев»*).

Началась забастовка 17-го января в понедельник (по нов. ст. 30 янв.).

Размах этой забастовки вполне соответствовал ожиданиям. Масса в целом еще не готова была поддержать «всеобщую» забастовку, но прав был Баранский, когда он, явившись на смену мне в Красноярск, в своей прокламации «Стачка окончилась, да здравствует стачка!» говорил, что стачка все же удалась, как отклик, как поддержка Питера и как маневрирование и раскачка для дальнейшего. Упомянутая прокламация написана 21 или 22 января (по нов. ст. 3 или 4 февр.) в очень хорошем стиле.

«Мы поддержали Петербургских товарищей,—говорится в ней,—мы заявили протест против войны и царской монархии, мы срепетировали великую Сибирскую стачку».

Оканчивается листок бодрящим призывом:

«Красноярская стачка окончилась, да здравствует всеобщая политическая стачка по Сибирской и Забайкальской дороге!»**).

В промежутке между моим воззванием и прокламацией, написанной Николаем Николаевичем Баранским, Красноярским Комитетом было развешено, расклеено и разбросано своеобразное об'явление, адресованное «К Красноярскому губернатору»).

Написано оно Охоцимским. Совершенно так же, как бывало губернское начальство во время «беспорядков» призывало обывателя к тишине и спокойствию, а смутьянам грозило кутузкой и казнями египетскими, так же и наше об'явление обращается с предупреждением к губернатору***).

Сообщенные мной три листка представляют интерес для будущих историков эпохи первой революции.

Во-первых, в них четко выступает связь революции с войной, и этот переплет не прошел без следа для революции 17-го г., когда указанный переплет тоже имел место, но в более грандиозном масштабе.

Во-вторых, они являются документом, рисующим творчество форм борьбы—связь стачки с восстанием.

В третьих, для истории большевизма в Сибири приведенные воззвания интересны в том отношении, что наглядно показывают, *как фактически научились сибиряки связывать местную работу с общерусской* (через Сибирь, ведь, шли все войска на Дальний Восток и забастовка жел.-дорожных рабочих уже означала конкретные шаги против войны).

Кроме того, все три листка говорят о централизованном руководстве со стороны Областного Союза (главная база работы—железнодорожная магистраль—была естественной рамкой централизма).

О выступлении в Красноярске я упоминал и на III С'езде (в Лондоне) в 1905 году.

Г. Крамольников.

---

*) Прокламация полностью напечатана на стр. 42.

**) Полный текст прокламации напечатан на стр. 44.

***) Это «предупреждение губернатору» напечатано на стр. 46.

Три прокламации.

I.

Сибирский Союз-Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В России революция!

Русский народ, который в течение целых столетий сидел на скамье подсудимых, рвет цепи и подписывает смертный приговор царской монархии.

Столица восстала, рабочие Петербурга сражаются на баррикадах, захватывают оружейные склады и разносят в щепы ненавистные полицейские застенки.

В России революция!

Восстание не подавлено. Правительственная телеграмма, так подробно перечисляющая все места, где расстреливали народ, ни слова не упоминает о подавлении восстания, о прекращении «бунта».

В России революция!

Бойня на Дальнем Востоке—это последнее звено в непрерывной цепи разбоев и грабежей русского народа царским правительством—всколыхнула почву под ногами царизма и разбудила даже сонных русских обывателей.

Стон и проклятия перешли в глухое брожение, когда весть о позорном поражении русского флота и русской армии раскрыла всем глаза на неподготовленность царского правительства к войне, его продажность и полное растление.

Известие о сдаче японцам Порт-Артура переполнило чашу страдания, и все явно услышали набат нужды, горя и бедствий народных, услышали и поняли, кто истинный виновник этих бедствий.

Народное возмущение начинает все сильнее и сильнее выступать из подполья наружу.

Царское самодержавие сделало роковой шаг.

Заалелось зарево восстания, и нужен был только сигнал, чтобы началась революция.

И сигнал был дан.

Началось с демонстраций и многочисленных заявлений о необходимости прекратить войну.

Царское правительство, видя, что его бомбардируют извне и извнутри, начало торговаться с либералами, суля им различные свободы, на условии предать народ. Но либералы не успели сторговаться с правительством, как разразилась всеобщая стачка бакинских рабочих. Стачка эта заставила заметаться мракобесов и уступить рабочим: правительство поняло, что стачка бакинских рабочих, об'явивших ее, как протест против войны, может послужить сигналом к тому, чтобы разрозненные струйки народного недовольства слились в один мощный бурный поток всенародного восстания. Оно поняло это, но поняло поздно.

В России началась революция!

Всего год назад венценосный негодяй чувствовал себя в безопасности, миллионы штыков готовы были защищать его от мести народа.

Бойня на Дальнем Востоке вырывает из-под ног народного поработителя последнюю опору. Всюду запасные отказываются идти на войну, везде солдаты братаются с народом, когда тот зовет их остаться дома и не итти на ненужные страдания и смерть. А раз солдаты переходят от царя к народу, значит, настал час народного восстания.

Рабочие Петербурга, начав восстание, правильно оценили момент. Столичное население поддержало рабочих. Вслед за столичным пролетариатом поднимаются рабочие всей России, а с ними весь русский народ.

В России начата революция!

Ее поддержат сибирские рабочие.

В районе Сибирской железной дороги находится масса войск. Солдаты рвутся домой. Отказывайтесь же, товарищи рабочие, везти своих братьев на войну. Бросайте работу. Об'являйте стачку. Останавливайте поезда, братайтесь с солдатами, призывайте их отказываться итти на войну, зовите их на свои собрания, оказывайте отпор полиции, арестуйте жандармов!

И, когда весть о том, что началась стачка по всей Сибирской дороге, долетит до России, пробьет час русскому самодержавию.

Когда на Дальнем Востоке узнают, что весь народ против войны, что рабочие не дают везти на бойню своих братьев, тогда солдаты откажутся итти в бой, вернутся назад, и, соединившись с рабочими, отплатят тирану за вековое угнетение народа.

Восставший пролетариат, которому для борьбы за свое полное освобождение, для борьбы против всего буржуазного строя нужна демократическая республика (народное правление), камня на камне не оставит от царской монархии

И, когда народ призовет, помощью всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, своих представителей в Учредительное Собрание (народное представительство), только тогда свободный народ прекратит войну.

Примыкайте же к восстанию!

Об'являйте стачку! Останавливайте поезда!

Долой монархию! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика и мир с Японией!

Красноярский Комитет Российской Социал-Демократической Партии.

Январь, 1905 г.

Автор этой прокламации—Г. Крамольников. Прокламация написана 10 (23) янв. 1905 г.

II.

Сибирский Союз-Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Стачка окончилась.

Да здравствует стачка!

Окончилась стачка Красноярская, да здравствует всеобщая стачка по Сибирской и Забайкальской дороге!

«Обыватели» говорят, что наша стачка не удалась. И действительно, в понедельник началась забастовка, в четверг были уже на работе, ничего стачкой не выиграли, потеряли только плату за стачечные дни, да потеряли товарищей, арестованных жандармами. И зачем только было стачку начинать?—так думает обыватель. Ему простительно. *Вчера* еще он считал рабочих невежественной массой, которая должна быть им—либеральным обывателем—благодетельствована, *сегодня* он первый раз услыхал о всеобщей сибирской стачке, решил, что это такая же простая вещь, как его либеральные петиции и адреса, и уже приготовился на завтра быть облагодетельствованным этим же самым вчера еще «невежественным» рабочим, и вдруг это *завтра* приносит ему частичную стачку в Красноярске и только...

Караул.—кричит обыватель, меня обманули! По-своему, по-обывательски, он прав. Нам-так рассуждать не приходится.

Мы ничего не выиграли стачкой. Да, мы не выиграли пока ни сокращения рабочего дня, ни прибавки платы, никакого улучшения. Да, но мы ничего этого не требовали; *не требовали* потому, что мы прекрасно знаем, что пока будет существовать царская монархия, пока народ будет бесправен, эти улучшения могут быть лишь крайне ничтожны, а главное не прочны, сегодня дадут, завтра отберут; *не требовали* потому, что теперь, в настоящий момент, дело идет не об интересах одной или нескольких мастерских, а об интересах всего рабочего класса; *не требовали потому, что наша стачка была стачка политическая, а не экономическая**).

О чем мы думали, когда бросали работу? О прибавках платы, о сокращении рабочего дня? Нет, мы бросали работу для того, чтобы заявить свое согласие с петербургскими товарищами, восставшими против ненавистной царской монархии, мы бросали работу, чтобы своим примером разбудить товарищей, подготовить их ко всеобщей политической стачке по Сибирской и Забайкальской дороге.

Наша стачка была стачка политическая, стачка против войны и царской монархии, наша стачка была *репетицией* великой Сибирской стачки.

Обывателю понять это трудно. Он мерит всех на свой лавочный аршин. «Единение рабочего класса! Согласие с петербургскими рабочими!». Что это за штука? Как ее «ущупать?». На лавочных весах ее не взвесишь! Не потянет.

Ведь обыватель—и не только невежественный обыватель, но и обыватель интеллигентный, с профессорским дипломом—привык считать рабочего «грубым материалистом», человеком, способным понимать только свой личный *эгоистический* интерес, бороться только за непосредственную «осязательную» выгоду, обы-

*) Поэтому же нам незачем было и затягивать стачку.

ватель привык мерить всех на свой аршин. Обыватель никак не может понять, что растущий в своем единении рабочий класс—это и есть та великая сила, которая сначала избавит весь народ и его—обывателя—от оков полицейского самовластья, а потом, в конце-концов, совершит переустройство всего общества, которая возьмет всю политическую власть в свои руки и на развалинах мелочного, обывательского счастья, утвердит счастье всего человечества, счастье рабочего класса—социализм!

Этого обывателю не понять. Русский обыватель, русский буржуа состарился, не узнавши молодости, отцвел, не расцветши. У него нет того великого классового интереса, который мог бы сообщить ему нужное для борьбы воодушевление. Русский обыватель, русский буржуа отстал в своей политической сознательности от русского рабочего. поэтому он и не может понять, зачем мы начинали нашу стачку...

Оставим же его в покое. Пусть он говорит, что наша стачка не удалась, мы скажем, что она удалась, что мы достигли ею всего, что было нужно и возможно в данный момент. Мы поддержали петербургских товарищей, мы заявили протест против войны и царской монархии, мы срепетировали великую сибирскую стачку. Мы присоединили свой голос к голосу наших российских товарищей, мы показали свою политическую зрелость. И мы знаем, что для наших врагов, врагов рабочего класса, нет ничего страшнее нашей политической сознательности. И чем больше обнаружим мы этой сознательности, тем большего добьемся мы и для непосредственного улучшения в своем экономическом положении, добьемся того, чего не требуем. За примерами не далеко ходить. Бакинские рабочие устроили всеобщую политическую стачку, протестовали против войны и получили 8-ми часовой день и плату за все стачечные дни. Такого успеха не имела ни одна экономическая стачка. Петербургские товарищи устроили всеобщую политическую стачку и открыто восстали против царской монархии.

И вот, сам царь, тот самый царь, который с ног до головы выкупался в крови рабочего народа, этот царь стал заискивать у рабочих, стал уверять, «что интересы рабочих близки его сердцу», наобещал с перепугу «всяких» экономических улучшений, лишь бы только рабочие прекратили политическую борьбу! То же будет и у нас, когда мы устроим всеобщую политическую стачку по всей линии.

Красноярская стачка окончилась, да здравствует всеобщая политическая стачка по Сибирской и Забайкальской дороге.

Красноярский Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии.

Январь, 1905 г.

Архив Истпарта № 7226. Прокламация печатана в типографии Красноярского Комитета, написана Николаем Николаевичем Баранским (Николай Большой)

В конце прокламации приводился отчет стачечной кассы: поступлений было на стачку 524 р. 50 коп., израсходовано на помощь пострадавшим от стачки в Красноярске 210 р., **отослано в фонд** Сибирской стачки при Сибирском союзе 100 рублей; остаток на **22** января 214 р. 50 к. (ясно, что прокламация писана 21 января 1905 года ст. ст.).

III.

Сибирский Союз-Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К Красноярскому Губернатору.

Восстание пролетариата обеих столиц, направленное против войны и монархии, подхватывается рабочими всей России, неудержимо растет и переходит в грозную всенародную революцию. Сегодня, во имя Демократической Республики и мира с Японией, поднимается пролетариат, рабочие организуют политическую стачку по линии железной дороги, а в городах революцию будут приветствовать манифестациями. Так как движение в Сибири пойдет под руководством Сибирского Социал-Демократического Союза, то на Красноярском Комитете лежит обязанность: 1) *заранее призвать вас к порядку*, т.-е не нарушать течения стачки, не предпринимать преступных действий против свободы собраний, слова, печати и т. д. и 2) от имени рабочих об'явить вам, что в противном случае Комитет не остановится перед самыми решительными мерами и на насилие ответит насилием же.

Красноярский Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей Партии.

Январь, 1905 г.

Эта прокламация (печатная) писана в средних числах января 1905 г. (в конце января по нов. ст.) Виктором Николаевичем Охоцимским (кличка «Стихия», был от Сибири на 5-ом с'езде РСДРП).

Красноярская республика 1905 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В Сибири революционное движение 1905 г. получило особенно широкий размах в двух городах—Чите и Красноярске. Этому благоприятствовало, во-первых, скопление в этих городах войск, возвращавшихся из Манчжурии после Русско-Японской войны, во-вторых, наличие значительных кадров организованного пролетариата в лице рабочих железнодорожных мастерских.

Посвящая настоящую статью периоду, известному под именем «Красноярской республики», мы не могли совершенно обойти молчанием подготовительную эпоху—с января 1905 г. до октябрьской стачки. С другой стороны, нельзя было также ограничиться и моментом ликвидации Красноярского восстания. Жизнь заключенных в тюрьме после ликвидации восстания носила на себе яркий отпечаток бурных событий 1905 года.

Поэтому, останавливаясь более подробно на последних трех месяцах 1905 года, я кратко описываю и период с января до октябрьской стачки, а также касаюсь некоторых моментов пребывания повстанцев в тюрьме (так как далее массовое движение 1905 года в городе Красноярске проходило почти исключительно под руководством Красноярского комитета РСДРП, то, описывая революционные события того времени, я уделяю значительное место деятельности Комитета и вообще местной партийной организации).

Описание событий основано, главным образом, на моих личных воспоминаниях и документах, сохранившихся в Сибистпарте и Бюро сибирских подпольщиков при Истпарте ЦК РКП. Значительную помощь мне оказала статья А. Ансона «1905 год в Красноярске», помещенная в номерах 4, 5 и 6 журнала «Сибирские Огни» за 1923 год и № 1 за 1924 год. В ней широко использованы печатные источники, относящиеся к 1905 году. Статья эта помогла мне восстановить в памяти то, что стерлось, в особенности—хронологию событий. Кроме статьи А. Ансона, я пользовался также воспоминаниями П. К—ва, напечатанными в июльской книжке журнала «Былое» за 1907 год. В тех случаях, когда я не доверяю своей памяти или не был очевидцем описываемых событий, я делаю ссылки на источники или оговариваюсь. Возможно, что кое-где память все-таки обманула меня: через 20 лет трудно этого избежать. Думаю, однако, что грубых ошибок в моем изложении не будет.

В самом начале первой главы «Отклики 9-го января», отступая от темы, я считал полезным кратко описать, на основании личных наблюдений, как отразились события 9-го января на линии Сибирской жел. дороги. В это время

мне пришлось быть в Иркутске и в Чите, а также посетить Нижнеудинск на пути из Читы в Красноярск*).

I. Отклики 9 января.

События 9-го января 1905 года послужили толчком к развитию массового рабочего движения. По всей России прокатилась волна забастовок и протестов против расстрела петербургских рабочих, распространившаяся и на Сибирь.

Первые известия о событиях 9-го января застали меня в Иркутске. Как ни старалось скрыть царское правительство истинные размеры и значение движения, было ясно уже из правительственной телеграммы, что наступил перелом; начался 1905 год.

---

*) Из печатных источников, относящихся к революционному движению 1905 г. в гор. Красноярске, следует указать также статью Глумова (Гутовского) «К декабрьским событиям», напечатанную в № 2 журнала «Отклики Современности» за 1906 г. Тов. Ансон упоминает еще статью Романова в «Сибирских вопросах», но последней мне не приходилось читать.

Из воспоминаний о Красноярской Республике 1905 г., опубликованных за последнее время, я имел возможность ознакомиться лишь со статьей Б. Шумяцкого, помещенной в. № 5 журнала «Сибирские Огни» за 1921 год. К сожалению, эта статья содержит в себе много ошибок в изложении фактов и служит наглядным доказательством того, как иногда память может обмануть нас через 20 лет, если под руками нет каких-либо документов, которые помогли бы очистить наши воспоминания от позднейших наслоений. Будучи активным участником Красноярских событий 1917 года, тов. Шумяцкий невольно перенес в 1905 год то, что могло иметь место в 1917 г., уже после опыта революции 1905 г. На этой основной ошибке тов. Шумяцкого я останавливаюсь ниже, описывая конструкцию и деятельность Красноярского Совета. Других неточностей я решил не касаться, так как для этого пришлось бы написать самостоятельную статью. Приведу, однако, здесь несколько примеров, чтобы дать представление об их характере.

Пример 1. Тов. Шумяцкий категорически утверждает, что к 19 октября стачечный комитет прочно обосновался в губернской типографии и помимо официальных бюллетеней начал печатать там прокламации и т. д., и, как иллюстрацию к факту захвата типографии, описывает далее, как т. Урицкий 19-го октября врывается в губернскую типографию и наскоро пишет прокламацию, где, между прочим, говорится о черносотенном погроме в гор. Томске. Что же было в действительности? Губернская типография, как будет указано ниже, была захвачена лишь в декабре; на всех октябрьских бюллетенях стоит штамп подпольной типографии Красноярского комитета РСДРП. Погром Томского железно-дорожного Управления произошел 20-го октября и писать о нем 19-го октября было никак нельзя.

Пример 2. Красноярский совет, по словам т. Шумяцкого, в ноябре распустил жандармерию, полицию, городскую думу и управу. На самом деле разоружение полиции было произведено гораздо позже—в средине декабря. Городскую думу и управу не распускали; ее предполагалось распустить лишь после того, как будет сконструирована новая дума на революционных началах.

Пример 3. В перечне наиболее активных членов Совета, на стр. 109 у т. Шумяцкого указаны не только действительные члены Совета, но и лица, не входящие в его состав, а лишь так или иначе соприкасающиеся с деятельностью Совета. Е. Прейс, Е. Ежова, Калико (кстати сказать, и не бывший в то время в Красноярске), Хейсин, Монюшко, Байкалов и многие другие. Партийность в этом списке указана часто не на основании вхождения в ту или иную партию или фракцию в 1905 г., а на основании позднейших партийных группировок.

В рукописи я познакомился с воспоминаниями Мучника, предназначенными к опубликованию в журнале «Сибирские Огни» (кн. 3, 1925 г.) и сообщил завгубистпартом т. Вегману некоторые поправки. За недостатком времени пришлось ограничиться беглыми замечаниями, в значительной степени носящими случайный характер и не всегда оттенявшими самое существенное. Настоящая статья в целом восполняет этот пробел; перечислять отдельные случаи мелких расхождений с другими авторами было бы утомительно.

12-го января в обширном зале одной из первоклассных иркутских гостиниц должен был состояться политический банкет, приуроченный к Татьянину дню (университетский праздник). В день банкета правительственная телеграмма о событиях 9-го января была уже известна в Иркутске. Для социал-демократов она оказалась хорошим козырем, чтобы бить тех, кто еще сомневался в роли и значении пролетариата в Российской революции. В противовес либералам, которые в своих выступлениях не всегда решались в то время произносить даже слово «конституция», мы поставили открыто вопрос о свержении самодержавия. Настроение было настолько приподнято, что резолюция, предложенная мною от имени Иркутского комитета РСДРП и присутствовавших на митинге рабочих, содержащая, между прочим, пункт о превалирующей роли пролетариата в революционной борьбе, была, насколько помню, принята подавляющим большинством голосов.

После выступления на банкете меня стали усиленно разыскивать жандармы. Поводом к усиленным розыскам послужил также побег арестованных из Александровского централа, устроенный незадолго перед тем Иркутским комитетом. Сибирский социал-демократический союз решил отправить меня в Читу.

Здесь вскоре нелегальным путем были получены более подробные сведения о 9-ом января. Они послужили прекрасным материалом для агитации, и Читинский комитет РСДРП усиленно занялся перепечаткой на мимеографе полученных сообщений с освещением их с точки зрения партии.

Настроение рабочих Читинских железнодорожных мастерских становилось все более и более напряженным. Читинский комитет решил этим воспользоваться, чтобы провести однодневную политическую стачку—протест. Если мне не изменяет память, в резолюции, предложенной мною от имени Комитета на собрании, устроенном в здании мастерских, не было выставлено ни одного экономического требования местного характера, и читинскую январскую стачку можно считать чисто политической. В Красноярске, как мы увидим ниже, январская забастовка в железнодорожных мастерских носила иной характер.

Пробыв недели три в Чите, я должен был выехать в Красноярск, куда был вызван срочно Сибирским социал-демократическим союзом для работы в местной организации. На пути я заехал в Иркутск и был поражен той переменой, которая произошла за время моего отсутствия. Массовая работа Иркутского комитета сильно оживилась; мне как раз пришлось быть на одном партийном собрании, на котором присутствовало, вероятно, до шестидесяти человек. До января таких больших партийных собраний уже давно не устраивалось*).

Но всего более запечатлелось у меня в памяти из этого периода мое пребывание в течение нескольких дней в Нижнеудинске, куда я заехал на пути из Иркутска в Красноярск, чтобы завезти нелегальную литературу и завязать более тесные связи с местной социал-демократической организацией. Последняя в то время в отношении связей находилась в весьма неопределенном положении. Формально Нижнеудинск числился из Икрутским комитетом, кото-

*) Правда, в ночь на Новый 1905 год Иркутский комитет нелегально устроил платный доклад, слушать который собралось, вероятно, человек 70. Но на этом собрании присутствовали не только члены нашей партийной организации, но и посторонние; к тому же оно было исключительным по своей численности; в течение, по крайней мере, всего второго полугодия 1904 г. таких собраний не было. (Доклад был сделан мною и посвящен вопросу о нашем отношении к либералам и к эсерам).

рый, однако, уделял ему мало внимания, и Нижеудинская организация начала обнаруживать тяготение к Красноярску, находящемуся от Нижнеудинска почти на таком же расстоянии, как и Иркутск. Временами, через попутчиков, Нижнеудинск получал от Красноярска и раньше нелегальную партийную литературу.

Явки были на одного ссыльного и местную учительницу гимназии. Приезду моему очень обрадовались и предложили устроить в тот же день собрание, на которое предполагалось пригласить, главным образом, рабочих депо, Я, конечно, охотно согласился.

Вечером, довольно поздно (мастеровым приходилось работать на так называемых «вечеровках»), мы собрались в крохотной городской квартирке Собралось человек двадцать пять, комнатка была так мала, что часть участников собрания расположилась в прихожей. Темой беседы были: Русско-Японская война и события 9-го января; роль Гапона, отношение к этому движению Петербургской социал-демократической организации, требования петербургских рабочих, «ответ» царя и т. д. В конце собрания была выработана резолюция протеста против войны с призывом ко всеобщей стачке, как это обычно делалось в то время. Слушали с напряженным вниманием. По окончании собрания рабочие предложили устроить на следующий день новое собрание Оно было созвано в том же помещении; собралось человек до тридцати, большинство из них были и на предыдущей массовке. Темой было изложение основных пунктов программы партии. Собрание кончилось довольно поздно. Несмотря на это, рабочие, присутствовавшие на собрании и не успевшие даже отдохнуть, как следует, после вечеровки, настаивали на том, чтобы на следующий день снова собраться, но не в городе, а в районе депо в более просторном помещении и с более широким составом участников. Так и было сделано. На этот раз собралось уже человек сорок. Пришлось часть времени снова посвятить 9-му января, идее всеобщей стачки и принятию резолюции протеста против войны. Нижнеудинцы хотели задержать меня еще на несколько дней, но пришлось отказаться, чтобы поспешить в Красноярск, предварительно условившись с местной организацией, что отныне Нижнеудинск переходит в ведение Красноярского комитета.

Так отразились события 9-го января в захолустном уездном городке социал-демократическая организация которого была почти забыта даже партийным Комитетом, в ведении которого она находилась. Когда я уезжал из Нижнеудинска, мне невольно вспомнилось, с каким трудом Иркутский комитет налаживал после провала летом 1904 года связи с рабочими в самом городе, и как в конце 1904 года почти без всяких результатов, если не считать установления связи, я спутешествовал в Черемхово.

В Красноярск я приехал, примерно, в конце февралая, уже после январской забастовки. Началась она там 17-го января; бастовали железнодорожные мастерские. Забастовка не носила чисто политического характера, хотя толчком к ней послужили, несомненно, события 9-го января и частичная стачка на линии Сибирской железной дороги. В сознании передовых рабочих она являлась прелюдией ко всеобщей политической стачке; однако, были выставлены и экономические требования местного характера в целях вовлечения в нее более отсталых слоев рабочих.

Бросив работу, рабочие направились к губернаторскому дому для пред'явления своих требований. Шествие это удалось обратить в политическую демонстрацию; участники шествия пели революционные песни, во время остановок произносились политические речи. Тем не менее рабочие счи-

гали необходимым пред'явить свои требования губернатору. Подходя к губернаторскому дому, участники шествия, которых к этому времени, по воспоминаниям очевидцев, набралось свыше тысячи, встретили казаков и солдат; несмотря на предложение разойтись, часть демонстрантов все-таки дошла до губернского правления и заявила губернатору свои требования: восьмичасовой рабочий день, увеличение расценок, выдача квартирных денег и т. п.

Стачка окончилась не вполне организованно. 19-го января часть рабочих вышла на работу; вслед за ними прекратили стачку и остальные, более упорные.

Агитация за всеобщую стачку на линии железной дороги велась Сибирским социал-демократическим союзом с самого начала войны. Однако, январская стачка была, по существу, лишь первой репетицией такой стачки. Так ее с самого начала и рассматривал Читинский комитет, об'являя однодневную стачку-протест. Красноярский комитет шел дальше и, повидимому, надеялся, что январская стачка может послужить прологом ко всеобщей стачке и восстанию против самодержавия.

Ни того, ни другого не произошло, поэтому получилось некоторое впечатление неудачи стачки, хотя Красноярский комитет по окончании стачки и выпустил специальную прокламацию, раз'ясняющую значение январской стачки, как репетиции всеобщей сибирской стачки. О том, что январская стачка вызвала среди части рабочих некоторое разочарование, я сужу на основании первых впечатлений, которые на меня произвела после Читы Красноярская социал-демократическая организация в первые дни приезда в Красноярск. Чувствовалось какое-то временное ослабление связей с рабочими, хотя имелась хорошая головка из передовых рабочих депо и жел.-дорожных мастерских. Это обстоятельство вскоре же дало себя почувствовать. Когда мы попытались устроить небольшую массовку за городом в одно из воскресений около середины марта, нам это не удалось: на пути к назначенному месту раз'езжали патрули казаков. Та же история повторилась еще один или два раза при новых попытках устройства массовок. Да и рабочих собиралось немного. Очевидно, был доносчик среди близких к нам рабочих. Правда, наличие доносчика можно приписать случайности; но случайности подобного рода обычно получают более широкое распространение в моменты ослабления революционного движения.

Однако, такое состояние продолжалось недолго, а во второй половине апреля нам удалось уже выступить публично. 20-го апреля, с разрешения начальства, в Народном доме было устроено собрание интеллигенции. Выступали, главным образом, либералы. Выступал также какой-то эсер, говоривший, впрочем, применительно к условиям легального собрания, т. е. так же, как и либералы, с помощью намеков и таких выражений, как: «надо взять быка за рога», подразумевая под этим самодержавие. Поэтому выступление эсера обошлось без всяких инцидентов.

Но когда выступил представитель социал-демократического Комитета, председатель собрания начал волноваться: сначала даже последовал отказ, потом, после некоторых пререканий, разрешение говорить было дано; однако, как только оратор начал свою речь, председатель, сообразив уже по первым словам, что речь пойдет о насильственной борьбе с самодержавием, и, очевидно, опасаясь ответственности, поспешно закрыл собрание.

По поводу этого инцидента Комитетом была выпущена прокламация под заглавием «В народном доме, или невольное обнажение либеральной души». В прокламации подчеркивалась та мысль, что Учредительное Собрание, ко-

торое на словах защищали и либералы, может быть достигнуто лишь при полном низвержении самодержавия насильственным путем—вооруженным восстанием. Эту мысль представителю Комитета среди поднявшегося шума, когда председатель начал звонить, все-таки удалось бросить в толпу в нескольких отрывочных возгласах.

В прокламации проводилась и речь, которую «не удалось окончить нашему оратору». «Бросим же туманные экивоки, теперь долг каждого интеллигентного человека призывать к вооруженному восстанию... Итак, к оружию. граждане, к восстанию. В ряды революционного борящегося пролетариата. под красное знамя его боевого авангарда—Российской социал-демократии».

Нервное настроение председателя при выступлении оратора социал-демократа об'яснялось, вероятно, тем, что председатель имел уже представление о характере выступлений представителей местного Комитета РСДРП на основании прошлого опыта. Так, представитель Комитета (Охацимский) с резкой речью выступал на закрытом собрании интеллигенции в Татьянин день 12-го января. В другой раз, если не ошибаюсь, незадолго до собрания в Народном доме, на собрании общества врачей, уже без всякого разрешения председателя, было устроено выступление представителя Комитета тов. Ветошкина, в то время остановившегося на некоторое время в Красноярске. Выступление это по необходимости выразилось в провозглашении отдельных лозунгов среди всеобщего замешательства. После выступления наша публика поспешно удалилась, с целью скрыть оратора от преследований полиции.

Несмотря на неудачу первых попыток, Комитет в конце апреля решил все-таки устроить тайное собрание организованных рабочих; на этот раз предполагалось устроить его не на открытом воздухе, а на квартире, с небольшим числом участников. Собрались мы у рабочего жел.-дорожных мастерских А. Рогова; но не успел я начать беседу, как послышался внизу звон шпор. Поспешно уничтожили мы все, что могло нас компрометировать, и постарались придать собранию характер пребывания в гостях. Вскоре появились и жандармы. Все собравшиеся в количестве человек восемнадцати были арестованы и препровождены в тюрьму.

В тюрьме всех участников собрания посадили в общую камеру, а меня и Мазовера (профессионала, приехавшего почти одновременно со мной в Красноярск и также присутствовавшего на собрании) перевели в одиночки.

В тюрьме я пробыл недолго, около месяца. Эпоха была либеральная, местные власти растерялись и не знали, какую линию вести. Большинство арестованных рабочих было освобождено через несколько же дней после ареста за отсутствием улик; затем выпустили и остальных. Остались мы с Мазовером в одиночках, но и нас вскоре перевели в общую политическую камеру, где уже сидело человек 5-6 социал-демократов: Рейхбаум, Симоненко, Миловидов и др. Последний содержался по делу типографии вместе со своей женой.

На жандармском допросе я отказался от каких-либо показаний, пред'явив жандармам требование передать дело судебному следователю. К моему удивлению, это требование было исполнено. Следователь, не имея в руках никаких данных для привлечения к суду, вскоре же освободил и меня и Мазовера из-под стражи. Последний спустя немного времени уехал из Красноярска.

Работа организации за время нашего пребывания в тюрьме не приостановилась, связи остались. Общее возбуждение быстро росло. Чуть ли не через несколько дней после моего выхода из тюрьмы была устроена экспромптом

небольшая демонстрация. В Народном доме на 31-е мая было назначено собрание общества врачей; по окончании собрания, по предложению Комитета большинство участников вышло на главную улицу и прошло по ней несколько кварталов с пением революционных песен и красными знаменами, после чего представителям Комитета было предложено разойтись. Демонстрация закончилась без всяких инцидентов, полиция не успела принять никаких мер. Участвовало в демонстрации несколько сот человек, в том числе и отдельные представители радикальной интеллигенции.

II. Летние массовки за городом.

Наступлением лета Комитет воспользовался для удобства массовок на открытом воздухе в лесу. Рабочего, подозреваемого в доносах (фамилии не помню), изолировали и лишили возможности узнавать о времени и месте собраний. Эти предупредительные меры, перелом в настроении масс и постепенное расшатывание правительственного механизма,—все это дало возможность созывать теперь массовки регулярно каждый праздник. Собирались за Николаевской слободкой в нескольких верстах от города в лесу у подножья «Сопки». Особенно далеко от города и с большими предосторожностями было устроено первое собрание, на которое было приглашено человек 20-25 организованных рабочих. Когда Комитет убедился, что собрания не проваливаются, круг участников постепенно был расширен; рабочие, уже бывшие на массовках, приглашали на следующий раз новых товарищей, которых они хорошо знали. Собрания охранялись дружинниками; место собрания заранее не указывалось, приглашаемые знали лишь первоначальное направление, куда им следовало идти. На пути следования стояли патрули и по паролю направляли дальше.

По мере роста числа участников мы стали переносить место собраний все ближе и ближе к Николаевской слободке. К августу собрания стали уже настолько многочисленны, что трудно было решить, потому ли они проходят благополучно, что хорошо законспирированы, или же власти ослабили свое наблюдение и решили терпеть их, предпочитая наши тайные собрания в лесу открытым выступлениям в городе.

Темы докладов на массовках были разнообразны, и характер их изменялся в зависимости от состава и численности участников. По содержанию затронутые темы можно разбить на две группы: агитационные речи по вопросам текущего момента, доклады пропагандистского характера. На первую массовку собралось человек 20, к концу июня число участников поднялось до 50-60 человек. Из докладов, сделанных в июне, в моей памяти сохранился мой доклад об уроках Парижской коммуны (краткое изложение событий по Лиссагаре и популяризация брошюры Маркса о гражданской войне). В этот же период была нами устроена дискуссия с эс-эрами по вопросу об отношении к либералам. Собрались на этот раз на «Столбах». Так называется живописная местность, в 15-ти верстах от Красноярска, получившая свое наименование от высоких гранитных скал, увенчивающих вершины окружающих гор, покрытых темным хвойным лесом. Попутно с вопросом об отношении к либералам дебатировался на этом собрании и вопрос о единоличном терроре.

В июле было устроено 6 массовок. Число участников продолжало увеличиваться; если на первой июльской массовке присутствовало человек 80, то во второй половине июля число участников доходило до 130, а на последней июльской массовке, устроенной почти открыто, присутствовало до 600 человек. По вопросам текущего момента были произнесены речи на следующие темы: проект Булыгина о совещательной Государственной думе, Булы-

гинская дума и всеобщая стачка, восстание матросов в Одессе, выработка резолюции по поводу письма одесских матросов, памяти 9-го января, о всеобщей стачке на линии железной дороги, томский митинг (по случаю убийства рабочего Кононова) и его значение, о земском либерализме, русское правительство и рабочий класс, выработка письма к товарищам по поводу всеобщей стачки. В докладах пропагандистского характера говорилось о восьмичасовом рабочем дне, о необходимости уничтожения постоянной армии и замены ее вооружением народа, о городском самоуправлении, из истории германского рабочего движения*). Кроме меня, на этих собраниях выступали с докладами члены Комитета: рабочие И. Воронцов, и, кажется, А. Рогов и К. Кузнецов. В самом конце июля Красноярск посетили по поручению Сибирского социал-демократического союза Клер, а затем Гутовский, выступавшие на одной или двух, самых последних июльских массовках.

В перерывы между докладами и по окончании массовки учились петь революционные песни. На этот случай я даже захватывал с собою камертон. Число разученных революционных песен постепенно росло. Когда массовки стали многочисленными, и публика расходилась не сразу, а кучками, человек в 5-10, по лесу долго еще после закрытия собрания раздавались в разных местах песни. Возвращаясь в город, особенно любили петь песню «Нас давит, товарищи, власть капитала», под которую было удобно маршировать. Бойкий мотив этой песни разносился эхом по всему лесу, и если она замирала в авангарде, то вскоре же подхватывалась где-нибудь в ближайших группах, находящихся позади.

Параллельно с массовками шла работа и в кружках рабочей и учащейся молодежи. Я лично с особым удовольствием вспоминаю время, проведенное мною в руководимом мною высшего типа кружке, составленном из 7-8 рабочих железнодорожных мастерских. Среди участников этого кружка были и члены Комитета: А. Рогов, И. Воронцов, К. Кузнецов. Фамилии других членов кружка не помню, кроме Багачева и Кольцова. Собирались по вечерам по окончании работ раза два в неделю, большей частью в мелком березняке за Николаевской слободкой. Что бывает редко в условиях нелегальной работы, нам удалось, примерно, в течение 15-20 вечеров полностью пройти первый цикл, посвященный разбору программы партии. Второй цикл—совместное чтение марксистской литературы, начатый, кажется, в августе, закончить не удалось: помешало быстрое развитие событий.

Несколько слов о составе и характере Красноярской социал-демократической организации в 1905 году, чтобы не возвращаться к этому в дальнейшем.

Летом в состав Красноярского комитета входили упомянутые выше рабочие: И. Воронцов, К. Кузнецов и А. Рогов и пишущий эти строки. Кроме того, в это же время членом Комитета был, кажется, М. Кусков. Последний хранил явки, адреса и т. п.; у него же на квартире довольно часто устраивались и заседания Комитета. Указанный состав Комитета бессменно работал, начиная с весны 1905 г., временно пополняясь приезжими товарищами (Мазовер, а затем Ветошкин—весною 1905 года, Мандельберг—во второй половине августа и первой половине сентября, Урицкий—с половины сентября до 20-х чисел октября, Мандельберг вторично,—примерно, с середины ноября до 2-ой половины декабря. О пребывании в Комитете других товарищей у меня не сохранилось воспоминаний. На заседания Комитета иногда приглашались

*) Отчет Красноярского комитета РСДРП за июль 1905 г.

также и некоторые наиболее активные работники организации, не входящие формально в его состав. Особенное развитие этот обычай получил со времени октябрьской стачки. Однако, такое расширение состава Комитета не было оформлено каким-либо особым постановлением. На общем собрании членов партии 12-го декабря, согласно отчету, помещенному в № 3 газеты «Красноярский Рабочий» (печатный орган Красноярского комитета), была формально подведена под Комитет более широкая руководящая база в виде так называемого «Организационного Комитета». Организационный Комитет должен был быть составлен, главным образом, по принципу представительства предприятий или групп предприятий.

Основная масса членов партии все время состояла из рабочих; активное ядро было выделено, главным образом, рабочими железнодорожных мастерских. Это позволяло Комитету быть все время в курсе того, что происходит среди рабочих, и соответственно этому направлять свою деятельность.

Фракционных группировок внутри организации еще не было. Отдельные члены могли по отдельным вопросам расходиться во мнениях, но меньшинство во всех случаях подчинялось решениям большинства, проводило их в жизнь, равно как и директивы Сибирского социал-демократического союза и не образовывало обособленных групп.

Информация о том, что делается в партийных верхах, получалась поздно. Как пример, можно привести тот факт, что в сентябре 1905 г. мы вместе с тов. Урицким штудировали некоторые протоколы Второго партийного С'езда 1903 года, дошедшие до Красноярска, кажется, лишь летом 1905 года.

III. Августовская забастовка.

Последняя июльская массовка, собравшая до 600 человек и посвященная критике Булыгинской думы, была созвана уже без принятия обычных мер конспирации. Собрание происходило вблизи Николаевской слободки. Переход к открытым выступлениям был ускорен в связи с приездом в Красноярск представителей Сибирского социал-демократического союза Клера, а затем Гутовского. Последние от имени союза проводили ту мысль, что теперь настал момент перейти к тактике открытых выступлений. Союз готовился ко всеобщей стачке.

Четвертого августа была устроена новая открытая массовка, собравшая до 1.500 человек; следующая массовка, устроенная 10-го августа, собрала уже до 3000 человек*). Собрания эти проводились на открытой поляне у самого входа в Николаевскую слабодку. Темой в обоих случаях была пропаганда всеобщей стачки, как протеста против войны, и критика Булыгинской думы. На митинге 10-го августа, в связи с получением известий о начавшейся стачке в Чите, рабочими Красноярских железнодорожных мастерских и депо было решено поддержать стачку и забастовать с 11-го августа.

Августовская забастовка прокатилась по всей линии Сибирской железной дороги, захватив ее отдельные пункты. Однако, началась она неодновременно и приняла затяжной характер. В то время, как в одном месте стачка кончалась, в другом к ней только еще приступали. В одних случаях она носила ярко выраженный политический характер, в других преобладали экономические требования.

Собрание 10-го августа закончилось кровавыми событиями. К концу собрания невдалеке от него появились наряды полиции и казаков. Красноярр-

*) Отчет Красноярского комитета за август 1905 г.

ский полициймейстер Дитмар несколько раз пытался прекратить собрание, но безуспешно. Толпа не желала слушать его уговоров. Однако, к насильственному роспуску митинга полиция пока не прибегала.

По окончании собрания часть участников с пением революционных песен направилась к слободке, другие пока оставались на поляне. Когда мы прошли, примерно, полквартала и начали уже спускаться к линии железной дороги, вдруг раздались выстрелы сзади. Казаки, следовавшие за демонстрацией, начали наезжать на толпу, кое-кому попало и нагайками. Начало уже смеркаться. Демонстранты, спасаясь от нагаек и лошадей, которые на них наезжали, начали перепрыгивать через заборы, часть отстреливалась, или кидала в казаков камнями, а затем скрывалась, пользуясь наступающей темнотой. Стрельба скоро прекратилась. Во время стрельбы, как потом оказалось, был убит рабочий Чальников (беспартийный), и несколько человек ранено. Тот факт, что убитых и раненых было немного, указывает на то, что большинство выстрелов было вверх, стреляли в толпу лишь наиболее ретивые защитники власти. Чальников был убит, по словам некоторых участников демонстрации, жандармом Авдонькиным, выстрелившим ему в упор. Убийство Чальникова вызвало всеобщее возмущение; даже городская дума зашевелилась и послала депутатов к губернатору с просьбой выяснить: «почему произошло печальное событие между железнодорожными рабочими, полицией и казаками»*).

13-го августа состоялись грандиозные похороны, привлекшие десятитысячную толпу. Была масса венков—от комитета рабочих и разных обществ с надписями вроде: «Жертве тирании от ее врагов», «Жертве произвола от союза инженеров» и т. д. По просьбе вдовы убитого, церковная служба происходила во Всехсвятской церкви, находившейся вблизи собора**). На кладбище перед многотысячной толпой выступил с краткой речью член Красноярского комитета, рабочий К. Кузнецов. Похороны произошли без вмешательства полиции, которая лишь следила за процессией.

Между тем, забастовка в мастерских и депо продолжалась. Ежедневно к проходным воротам стачечным Комитетом посылались патрули, чтобы помешать штрейкбрехерам сорвать забастовку. Жандармы, однако, решили принять меры; были произведены аресты; кроме того, им удалось организовать небольшое ядро активных штрейкбрехеров, вступавших в бой с патрулями при содействии жандармов и полиции. Появление *активных* противников забастовки среди рабочих является особенностью августовской стачки и, несомненно, оказало известное влияние на характер и продолжительность стачки, вызвав новое кровавое событие. На почве столкновений между патрулями и штрейкбрехерами, 18-го августа жендармами был убит рабочий Гусенко и тяжело ранен рабочий Васенин, вскоре умерший от нанесенных ему ран***).

17-го августа вышел приказ с предложением стать на работы под угрозой увольнения. 18-го августа большинство рабочих вышло на работу, и с этого дня стачку можно считать ликвидированной. Насколько был в это время уже расшатан правительственный аппарат, можно судить по тому, что, учи

*) Сибирская газета «Сибирский Край» №№ 96 и 97. Цитата взята из статьи А. Ансона в «Сибирских Огнях».

**) Извещение о похоронах от имени рабочих и вдовы было, между прочим, напечатано в местной газете; в извещении говорилось о «безвременно погибшем». Во время отпевания диакон провозглашал «вечную память» о «безвременно погибшем и невинно убиенном».

***) Вследствие мер,принятых губернскими властями, устроить торжественные похороны, на подобие похорон Чальникова, не удалось.

ний ряд убийств, избиений и арестов, совещание при губернаторе не решилось выслать ни одного из участников забастовки и ограничилось лишь увольнением нескольких человек из мастерских.

После августовских событий, так же, как и после январских, социал-демократическая организация уходит в подполье; наступает видимое затишье; революционная работа, однако, не прекращается, она лишь углубляется в предвидении нового под'ема.

В течение забастовки было устроено несколько рабочих собраний в железнодорожных мастерских. Когда же доступ туда был прекращен, стали устраиваться небольшие тайные собрания человек в 25, решавшие текущие вопросы стачки. По окончании забастовки Красноярский комитет устроил собрание наиболее активных рабочих за «Гремячим ключом», где легче было укрыться от слежки. Собрание было посвящено выяснению причин неудачи забастовки, обсуждению методов дальнейшей работы и дальнейших перспектив, указывающих на дальнейший рост революции.

Однако, я чувствовал, когда окончил речь, что у рабочих остается некоторая неудовлетворенность; слишком обидно было после открытых массовок и митингов и попытки организовать всеобщую стачку переходить к будничной подпольной работе. Создавалась почва для временного успеха эс-эровской пропаганды единоличного террора.

В августе Комитет теснее связывается с близлежащими железнодорожными станциями, в которых до того времени велась преимущественно печатная агитация (снабжение литературою). В течение августа было устроено агентами Комитета два собрания в Нижнеудинске (в 25-30 человек) и 5 собраний на ст. Иланской среди рабочих депо (в 100-150 человек). Иланское депо, по предложению агента Красноярского комитета, бастовало 17-18 августа. В августовском же отчете Комитета в отделе о печатной агитации впервые отмечается факт распространения литературы среди крестьян.

В сентябре открытых выступлений почти не было, но брожение, как среди рабочих, так и среди городского населения, усиливалось. Война окончилась. Поражение царского правительства в этой войне ускорило процесс разложения самодержавного строя. Из событий местных, содействовавших брожению среди рабочих, следует отметить ранение солдатами, охранявшими железнодорожные мастерские, рабочего Диакова. В конце сентября или начале октября боевой дружиной эс-эров был убит полицийместер Дитмар, ближайший виновник августовских убийств рабочих. В конце августа в Красноярск прибыл 2-й жел.-дор. батальон, впоследствии сыгравший важную роль в революционном движении города Красноярска. Часть солдат батальона в сентябре стала работать в мастерских в качестве мастеровых. Через солдат жел.-дор. батальона завязались впервые прочные связи между рабочими и солдатами. Кружковая работа расширялась, часто устраивались мелкие летучки на квартирах. Организация расла. Резче стал вопрос о принятии практических мер для вооружения рабочих, об отмежевании от других партий.

Об этом периоде—сентябрь и начало октября — можно судить по характеру выпущенных за это время прокламаций. Не имея под руками отчета Комитета за сентябрь, я не могу ручаться за исчерпывающее перечисление всех тем прокламаций, но для общей характеристики печатной агитации этого периода будет достаточно и приводимых ниже данных.

В противоположность августовским прокламациям, посвященным почти исключительно откликам на местные события, в сентябре выпускаются прокламации общего характера, раз'ясняющие основные моменты программы и

тактики партии. Две прокламации посвящаются вопросу о терроре: одна из них, выпущенная по поводу убийства Дитмара, проводит ту мысль, что политическая свобода может быть достигнута не убийством отдельных должностных лиц, а всенародным восстанием; в другой было перепечатано письмо солдата социал-демократа Иосифа Мочедлобера, стрелявшего перед фронтом в командира полка и приговоренного за это к смертной казни.

Организация «Союза железнодорожных служащих и рабочих» с узкой политической платформой по рецепту эс-эров, побудила Комитет посвятить этому союзу особую прокламацию. В последней выдвигались следующие основные положения: союз об'единяет вместе разношерстные элементы—высшее начальство, с одной стороны, мелких служащих и рабочих,—с другой; политическая программа союза слишком узка и может быть принята даже либералами; средством достижения своих целей союз выставляет организацию все общей стачки, а не народное восстание, без которого стачка не может окончиться полной победой. В прокламации указывается также на то, что политическая свобода для пролетариата должна являться не конечной целью, а лишь средством для борьбы за социализм, о чем союз жел.-дор. служащих и рабочих умалчивает; социализм же может быть осуществлен лишь через «полный захват политической власти в свои, пролетарские руки». Заканчивается прокламация призывом вступать в ряды РСДРП, «где нет места тем, кому нужна только политическая свобода, а лишь тем, кто стремится не к политическому только, но и к социальному перевороту».

По поводу с'езда сибирской интеллигенции, организовавшей Областной союз, Комитет выступает с прокламацией, противополагающей политическую программу социал-демократической партии половинчатой программе областников, путь народного восстания, являющийся лозунгом социал-демократии, тактике областников, выставляющих требование прекращения Государственной думы в Учредительное Собрание. Прокламация заканчивается лозунгами «Да здравствует народное восстание!», «Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!», «Да здравствует демократическая республика!».

В прокламации, посвященной заключению мирного договора с Японией, выясняется преступный характер войны, крах правительства, необходимость созыва Учредительного Собрания и установления демократической республики путем вооруженного восстания. В момент восстания рекомендуется захватывать арсеналы, казначейство и важнейшие правительственные учреждения, проводить разоружение армии, заменяя его вооружением всего народа, устраивать собственное самоуправление.

«Вооружайтесь же, товарищи, выделяйте из себя боевые отряды, выходите на улицу, стройте баррикады и боритесь»...

«На борьбу же, товарищи, с самодержавием за демократическую республику, а затем с капиталистами за социализм».

Аналогичные мысли о необходимости готовиться к восстанию проводятся и в прокламации: «Как готовиться к выборам в Булыгинскую думу». На полях этой прокламации, между прочим, крупным шрифтом был напечатан лозунг: «Вооружайтесь, товарищи!».

Местным событиям посвящены две прокламации: «К рабочим жел.-дор. мастерских и депо» и «Письмо солдат 2-го жел.-дор. батальона». В обращении «К рабочим жел.-дор. мастерских и депо», выпущенном по поводу случая с рабочим Диаковым, раненым в жел.-дор. мастерских солдатом охраны, Комитет поддерживает требование рабочих, вынесенное на собрании 22-го сентября, о возвращении на работу мастеровых, уволенных за августовскую заба

стовку. Как способ протеста, указывается однодневная забастовка. Однако призыва к немедленной забастовке Комитет не делает, он ставит вопрос о забастовке в качестве меры, рекомендуемой лишь при известных условиях.

«Письмо солдат жел.-дор. батальона» является важным этапом в развитии революционного движения в г. Красноярске; этим письмом рабочие через Красноярский комитет РСДРП оказывают солдатам практическую помощь, разоблачая их начальство в присвоении и неправильном расходовании денег, заработанных солдатами. Поводом к письму послужило следующее обстоятельство: солдаты жел.-дор. батальона, давно уже недовольные тем, что полковник Алтуфьев растратил большинство сумм, заработанных солдатами на Либаво-Роменской жел. дороге, и распродал товары батальонной лавки, приобретенные на средства солдат, 7-го сентября обратились с жалобой к какому то проезжавшему генералу. Генерал жалобы не удовлетворил, а на солдат, выступавших с жалобой, было наложено взыскание: часть должна была быть посажена под арест, а другая поставлена под ружье. Письмо с пояснительными замечаниями Комитета было распространено по всему городу, особенно же среди солдат, и произвело сильное впечатление.

Что касается других солдатских частей, расположенных в Красноярске то работа среди них ограничивалась печатной и единичной устной агитацией через отдельных солдат, затронутых революционным движением. Наиболее постоянная связь поддерживалась с местным гарнизоном через Бондаря, бывшего народного учителя, служившего в то время солдатом в местном гарнизоне. Бондарь некоторое время колебался между эс-эрами и эс-деками, но уже в августе или сентябре примкнул к нашей организации. В общем работа в войсках местного гарнизона не была достаточно интенсивной, как это требовалось бы условиями момента, отчасти вследствие специфических трудностей работы среди солдат, отчасти вследствие недостатка приспособленных для этого агитаторов.

В августе и сентябре Комитет пополнился новыми силами. Примерно, во второй половине августа в Красноярск приехал Мандельберг, правда, пробывший здесь не долго, всего около месяца. Однако, незадолго до от'езда Мандельберга, со средины сентября, в Красноярском комитете начал работать Урицкий, возвращавшийся в то время из ссылки. В Красноярске т. Урицкий пробыл большую половину сентября и почти весь октябрь. В дни октябрьской всеобщей забастовки он принимал деятельнейшее участие в событиях и был председателем почти всех октябрьских митингов в Пушкинском Народном доме*) Около того же времени—сентябрь—среди молодняка Комитет обращает внимание на Б. Шумяцкого и выдвигает его на активную работу.

IV. Октябрьские дни 1905 года.

Числа 10-го или 11-го октября через жел.-дор. телеграфистов Красноярский комитет РСДРП получил сведения о начавшейся в России всеобщей стачке. В этот же или на следующий день на заседании Комитета было решено немедленно поддержать стачку.

---

*) Насколько я помню, упомянутая выше прокламация: « Как следует готовиться к вооруженному восстанию» написана тов. Урицким. По крайней мере, у меня хорошо сохранилось в памяти, как мы с т. Урицким обсуждали вопрос о том, не лучше-ли лозунг: «Вооружайтесь, товарищи», чтобы его выделить, поместить не на обычном месте, в. конце прокламации, а на боковых полях крупным шрифтом, как это и было сделано в данном случае.

Ни характер, ни истинные размеры стачки в тот момент еще не были достаточно выяснены. Поэтому, учитывая опыт предыдущих забастовок, Комитет считал более целесообразным об'явить сначала лишь трехдневную, но зато чисто политическую стачку, а вопрос о продлении стачки разрешить впоследствии, в зависимости от дальнейших сообщений. Решено было также часть аппарата сохранить законспирированным и лишь некоторых членов Комитета пока использовать для выступлений на открытых собраниях и митингах. «Табу», в частности, было наложено и на меня. Пришлось подчиниться, тем более, что я сносился до того времени с подпольной типографией Комитета.

13-го октября, уже, кажется, перед обеденным перерывом, в сборном цехе жел.-дор. мастерских рабочими—членами Комитета—было устроено собрание мастеровых депо и железнодорожных мастерских, и проведено решение об'явить трехдневную забастовку.

Никаких местных экономических требований не было выставлено стачка носила чисто политический характер.

Так как собрание 13-го октября закончилось сравнительно поздно, то в этот день забастовку удалось провести лишь в железнодорожных мастерских и депо, на железнодорожном телеграфе и на винном складе, находящемся вблизи мастерских.

Уже этот день показал, что октябрьская забастовка будет носить иной характер, чем предшествующие, что есть все основания ожидать превращения ее во всеобщую политическую стачку, к которой мы готовились весь 1905 год после событий 9-го января.

Утром 14-го октября состоялось новое собрание рабочих в сборном цехе, присутствовало около 3000 человек («Стачечный Бюллетень» № 2) Это был уже политический митинг. Выступали представители Комитета и рабочие-массовики.

После митинга рабочие разделились на отряды и отправились снимать рабочих других предприятий, приказчиков в магазинах, служащих и учащихся. По первому приглашению работа прекращалась; отряды постепенно росли; к 12 часам около Народного дома собралась большая толпа народу.

По предложению Комитета, в Народном доме был устроен митинг. Митинг был на время прерван для снятия с работы телеграфистов и служащих окружного суда, которых «забыли» снять, но которые сами прекратить работу не решались. По просьбе председателя окружного суда, было разрешено прекратить занятия в суде на следующий день, чтобы не задерживать крестьян, приехавших на суд. На этом же митинге был поставлен вопрос о прекращении движения на железной дороге. Присутствовавшие машинисты обещались присоединиться к забастовке.

С утра 15-го октября отряды рабочих обходили забастовавшие предприятия, чтобы проверить, нет ли штрейкбрехеров. Забастовка продолжала разрастаться, охватывая мелкие мастерские. В 12 часов дня в Народном доме был устроен новый митинг.

В последующие дни происходят ежедневно митинги в народном доме и утренние собрания в железнодорожных мастерских. Необходимо отметить что за местным Комитетом РСДРП, как бы по общему соглашению, было признано монопольное право организовать митинги и руководить ими. Собрания открывались всегда представителем Комитета и от имени Комитета. «От имени Красноярского комитета РСДРП об'являю митинг открытым»—такой фразой начинался каждый митинг. Иначе и быть не могло, так как инициатором и руководителем октябрьской стачки был Красноярский комитет и ра-

бочие железнодорожных мастерских и депо, где главенство партии никто не решился бы оспаривать.

Однако, с политической гегемонией социал-демократов не могли мириться эс-эры; не довольствуясь программными выступлениями на митингах, провозглашением на них своего лозунга «Земля и Воля» и проповедью единоличного террора, они решили попытаться взять на себя инициативу устройства демонстрации. На митинге в Народном доме 19-го октября, в конце собрания, пока список ораторов еще не закончился, эс-эры, не предупредив наш Комитет и не согласовав с ним вопроса, предложили отправиться демонстрацией к собору, где, кажется, в это время происходило молебствие. Председатель митинга тов. Урицкий предложил решить вопрос большинством голосов, подчеркнув, что меньшинство должно подчиняться большинству.

Дальнейший ход событий в «Стачечном Бюллетене» № 7 описывается так:

«Голоса разделились, и по крикам невозможно было определить, за какое решение стоит большинство. Председатель предложил решить вопрос поднятием рук, и когда, повидимому, большинство высказалось за продолжение собрания, то с.-р. и часть публики стала кричать, что уже некоторые вышли на улицу и голосование не может быть правильным. Вообще часть публики хотела отстоять свое решение криками, и поэтому председатель отказался от председательства. Один с.-р. хотел предложить выбрать другого председателя, но на это раздались единодушные крики: «долой!» Председатель снова стал руководить митингом, но в виду полнейшего хаоса предложил закрыть митинг и предоставить каждому свободу действий: идти ли домой или на демонстрацию».

Очень небольшая часть вышедших все-таки устроила маленькое шествие по направлению к собору, но большинство разошлось по домам. Весь этот инцидент произвел, конечно, неприятное впечатление на слушателей, многие из которых только впервые слышали свободное слово. Беспартийная публика отнеслась к выходке эс-эров отрицательно, что и было выражено на митинге 20-го октября одной девушкой в простых и прочувствованных словах.

В № 8 «Стачечного Бюллетеня» читаем:

«Одна гражданка говорила о том, что демонстрация к собору вызвала недовольство в несознательных слоях населения, и укоряла ту часть публики, которая желала во что-бы то ни стало идти на демонстрацию, согласно предложению социалистов-революционеров, и мешала председателю — социал-демократу выяснить, за какое решение стоит большинство собрания»... «Речь была встречена общим сочувствием»

Для иллюстрации гегемонии нашего Комитета в эти дни можно привести еще следующий факт: на первом митинге в Народном доме 14-го октября, если не изменяет мне память, эс-эры совсем не выступали; митинг закончился по предложению тов. Урицкого, выражением приветствия РСДРП в лице ее центральных учреждений и органов: организационной комиссии, центрального Комитета, «Искры», «Пролетария» («Стачечный Бюллетень» № 2). Отметим также, что стачечные бюллетени издавались в нашей подпольной типографии и выходили от имени Комитета. Издано было за время забастовки девять номеров.

Вопросы, которые обсуждались на митингах, можно разбить на три группы: политические речи по вопросам программы и тактики различных партий, выступления массовиков, которые торопились воспользоваться случаем, чтобы излить свои наболевшие нужды, разрешение отдельных практических вопросов дня.

Политические речи касались самых разнообразных вопросов. Приведем перечень некоторых из них в том виде, как они формулированы в стачечных

бюллетенях: о значении всеобщей стачки, Булыгинская дума, о необходимости образовывать открытые избирательные собрания, о захвате всех свобод, о программе социал-демократии, о вооруженном восстании, об Учредительном Собрании, о роли различных классов в борьбе за политическое освобождение народа, о солдатах, о важности для пролетариата и для наиболее угнетенных слоев населения об'единяться в свою партию, о международной солидарности пролетариата, о социализме. Перечисленные выше вопросы раз'яснялись, главным образом, «комитетскими ораторами» (социал-демократами).

Представители «разных» партий говорили «О свободе вообще, о политических свободах в особенности, о терроре, об аграрной программе, об интеллигенции» (стачечные бюллетени).

Но кроме речей, на собраниях в сборном цехе и на митингах в Народном доме выносились определенные практические решения, которые часто здесь же и приводились в исполнение. До образования «выборной комиссии» (см. ниже) и даже после этого, митинги часто обращались в «вече». Этот вечевой характер сохранился почти до самых последних дней «Красноярской республики».

На первом митинге 14-го октября были разрешены вопросы о проведении забастовки на телеграфе, в суде и среди железнодорожных машинистов и был устроен по предложению «комитетского оратора» сбор денег в пользу нуждающихся стачечников.

По окончании митинга в Народном доме 15-го октября участники митинга отправились по просьбе машинистов в половине пятого к вокзалу для прекращения движения поездов.

«Вызвав начальника отделения службы движения Голубина и начальника участка тяги Воржицкого, народ потребовал прекращения движения поездов до понедельника, что они обязались исполнить, при чем народ разрешил отправить ученический поезд до станции «Енисей».

Узнав от арестантов, находившихся в вагонах на станции, что их уже несколько дней не кормят, народ потребовал коменданта и конвойного офицера для об'яснений. Комендант и офицер постыдно скрылись и разыскать их не было никакой возможности. Народ разошелся только тогда, когда Голубин дал честное слово, что требование народа будет передано по назначению, арестанты накормлены, и на другой день он сам явится в Народный дом, чтобы сообщить народу о результате».

Уже в этот период установилась практика вызова хозяев предприятий и администрации для дачи об'яснений и пред'явлений им требований. Так, на собрании в сборном цехе 18-го октября, где присутствовали железнодорожные рабочие, рабочие монопольного склада, учащиеся и т. д., явился заведующий монопольным складом, чтобы сообщить, что часть пред'явленных требований удовлетворена, а «о других он просит разрешить ему послать телеграмму в главное Управление». «Рабочие разрешили, подчеркнув, что выставленные требования ими будут захвачены». На собрании 19-го октября в том же сборном цехе рабочие по просьбе инженера разрешили отправлять два поезда в неделю на линию с продовольствием для служащих, при условии, чтобы пассажиры не перевозились. Начальнику движения Голубину, явившемуся на собрание, было предложено выдавать всем пассажирам, оставшимся на станции по одному рублю, независимо от того, какого класса пассажир*). С подрядчика Никольского, заявившего, что он согласен удовлетворить требования рабочих, был снят бойкот, наложенный на него на одном из митингов в Народном доме. Раненые офицеры обратились с просьбою отправить их поезд до Омска, но в этом им было отказано и т. д. («Стачечный Бюллетень» № 7).

*) По жел.-дор. правилам, пассажиры получали суточные при простое поездов в разном размере, в зависимости от того, в каком классе ехал пассажир.

18-го октября, в 3 часа дня, была получена телеграмма о «манифесте» На митинге, устроенном вечером в Народном доме, манифесту была сделана соответствующая оценка, при чем подчеркивалась необходимость вооруженной борьбы. На этом же митинге «председателем было передано обращение солдата к собравшимся». Повидимому, это было первое заявление от солдат, выслушанное на митинге. Заявление подано в письменной форме, сами солдаты открыто еще не выступают. Но уже на следующий день на собрании в сборном цехе, о котором говорил выше, выступил солдат 2-го железнодорожного батальона и говорил о положении солдат, открыто обвиняя в грабеже свое начальство. Кроме того, «от солдат было еще заявление, что их держат на морозе и озлобляют этим против рабочих». «Рабочие постановили дать возможность присутствовать и высказываться на рабочих собраниях всем, но не допускать ни одного офицера. Далее были заявления от солдат*) о том, что их несколько дней не кормят и не выдают жалованья. Рабочими было решено потребовать на завтра коменданта и воинского начальника для об'яснений» (см. «Бюллетень» № 7).

Одновременно с изданием манифеста по всей России начинается полоса черносотенных выступлений, сопровождаемых погромами евреев и избиением интеллигенции.

По примеру других городов, Красноярским союзом «Мира и Порядка», руководимым неким Афанасием Смирновым, также было решено организовать патриотическую манифестацию. Манифестация была назначена на 21-е октября и приурочена к какому-то «царскому дню». О готовящейся манифестации черносотенцев вскоре стало известно. Собрание в железнодорожных мастерских, состоявшееся утром 21-го октября, было посвящено почти исключительно вопросу о противодействии черной сотне, в случае, если она попытается и в Красноярске устроить погром. Тут же была организована боевая дружина из добровольцев-рабочих, и рабочие вместе с дружиною отправились на митинг в Народный дом, где их с нетерпением уже ожидали горожане.

При открытии митинга, товарищ Урицкий от имени Комитета предупредил присутствующих о готовящейся манифестации монархистов и о возможности столкновения с ними; нервным предлагалось удалиться. Однако, лишь немногие вышли; подавляющее большинство осталось. Был поставлен, между прочим, вопрос, «когда закончить митинг, чтобы освободить Народный дом для «патриотов», если последние будут просить его для своего собрания» Собрание постановило освободить Народный дом в 5 часов вечера. После этого митинг продолжался обычным порядком. Так, в этот день мне пришлось выступить с нашей аграрной программой для ответа эс-эрам, усиленно пропагандировавшим свой лозунг «Земля и Воля», Урицкий говорил о революционном самоуправлении, эс-эры—о неприкосновенности личности и жилища («Стачечный Бюллетень» № 9).

Около трех часов дня патриотическая манифестация проследовала мимо Народного дома от Старой соборной площади по направлению к Новому собору. Проходя мимо Народного дома, манифестанты кричали: «Ура!», «Да здравствует монархия!». В ответ им раздалось несколько свистков из среды публики, собравшейся около входа в Народный дом. По воспоминаниям очевидцев, манифестантов было человек от 500 до 1000. Мне лично

*) Проезжающих эшелонов, останавливающихся в Красноярске.

удалось наблюдать из Народного дома уже конец процессии, состоявшей из вереницы извозчиков. Хвост этот придавал процессии более растянутый вид, и она казалась более многочисленной, чем была на самом деле. В процессии участвовали чиновники губернского правления, военные, мещане; влиятельное купечество, настроенное в то время в большинстве своем либерально, было представлено слабо.

После молебна черносотенцы выстроились на Соборной площади, и к ним обратились с речами Афанасий Смирнов и еще какой-то неизвестный суб'ект, повидимому, приезжий*). Так как из нашей публики никто не был непосредственным наблюдателем этой сцены, то о содержании речей можно было узнать лишь из вторых рук. П. К—ов, описавший Красноярские события в июньской книжке журнала «Былое» за 1907 год, говорит, что речи клонились к тому, чтобы возбуждать толпу против забастовщиков и находящихся в Народном доме.

На обратном пути, проходя мимо Народного дома, часть манифестантов, очевидно, возбужденная призывами своих руководителей, бросилась на охрану, стоявшую у входа в Народный дом. Раздался провокаторский выстрел, и началась перестрелка, продолжавшаяся, впрочем, недолго. Черная сотня была отбита. Между тем около Народного дома собралось довольно значительное количество публики, пришедшей посмотреть, что будет, или случайно не попавшей в зал. На нее то и набросилась часть манифестантов; им помогали в этом полицейские, казаки и отдельные солдаты («Стачечный Бюллетень» № 9).

При перестрелке был убит один из наших дружинников—рабочий Журавский. Когда перестрелка прекратилась и наступило как-будто некоторое затишье, часть публики устремилась к выходу. Митинг был об'явлен закрытым. Однако, вскоре же стало известно, что дом окружен черносотенцами, и идут войска и казаки. По сведениям, полученным от нашей охраны, выходить было опасно, вышедшие могли подвергнуться избиению. Поэтому, по поручению Комитета, я возобновил собрание и предложил всем оставаться спокойно на местах и ждать дальнейших известий. Присутствовавшие, несмотря на то, что состав митинга был крайне пестрый, проявили замечательную дисциплинированность. Все быстро успокоились и расселись по местам.

Каковы же были наши средства защиты? Когда, успокоив присутствовавших в зале, я вышел в коридор, чтобы лучше ознакомиться с положением дел через дружинников, я нашел у одной из главных боковых дверей К. Кузнецова, А. Рогова, Журавлева, Б. Шумяцкого и др.—всего человек десять. Такие десятки были рассеяны и по другим постам. В общем, охранявшая нас дружина, набранная преимущественно из рабочей молодежи, состояла, вероятно, из пяти-шести десятков. Это было немного, но народ был надежный, и для отпора черносотенцам дружинников было достаточно. Со стороны же войск прямого нападения на Народный дом ожидать было трудно.

Между тем, большинство населения, не присутствовавшее на митинге, узнав о происшедшем, переживало в это время тревогу. В Народном доме находились их близкие родственники или знакомые. В качестве курьеза можно добавить, что в числе осажденных были и родственники лиц, участвовавших в «патриотической» манифестации; митинги привлекали самую разнообразную публику, жадно внимавшую речам ораторов. Несколько лиц из либеральной интеллигенции, оставшиеся в городе, отражая чувство широкой

*) «Былое». Июнь. 1907 г. П. К—в.—«Красноярск к конце 1905 г.».

обывательской массы, решили, между тем, отправиться к вице-губернатору Соколовскому для переговоров. Губернатор в это время находился в доме Семенова-Романова против Народного дома и наблюдал оттуда за ходом событий. Вскоре парламентеры явились к нам и заявили, между прочим, что солдаты, по словам губернатора, поставлены около Народного дома для охраны выходящих. От имени собрания я ответил, что участники митинга отказываются от такой охраны, и предлагают лишь разогнать черносотенцев. Парламентеры приходили и уходили несколько раз. Помню еще, что один раз с ними пришли два офицера от губернатора и старались нас уверить, что губернатор не соглашается убрать солдат только потому, что хочет гарантировать безопасность выходящей публике в виду возбуждения обеих сторон; в то же время нам было предложено выходить десятками и сообщать свои фамилии «в целях расследования происшедшего». Предложение офицеров было отвергнуто с негодованием, как провокаторское. Требования губернатора между тем постепенно становились все более и более скромными с каждым новым появлением у нас парламентеров, и от записи фамилий присутствовавших он, в конце-концов, отказался; мы же продолжали настаивать на удалении войск.

Спокойствие и выдержка, с которой собрание стояло на своих требованиях, о чем, конечно, было известно губернатору и манифестантам, возымели свое действие. Пыл манифестантов, подогретых погромными речами, после отпора, какой они встретили в начале нападения, начал остывать; наступила естественная реакция; часть манифестантов, попавших в переделку по несознательности, уже начала брать раскаяние; у некоторых среди осажденных оказались даже родственники. Мороз крепчал, и, хотя на улице были зажжены костры, около которых грелись осаждавшие, оставаться в бездеятельности на холоде было не особенно приятно. Все это вносило дезорганизацию в ряды «патриотов», и кучки их, расположившиеся у костров, поспешно редели.

При таких условиях губернатору, которого подстрекали к репрессивным мерам, главным образом, высшие военные чины, пришлось бы принять на себя всю ответственность за погром. При той растерянности, в которой в то время находились власти, он на это не решился. Присутствовавшие на митинге, между тем, спокойно сидели и тихо разговаривали между собою в промежутки между очередными сообщениями о положении дел. Около часу ночи наша разведка сообщила, что черносотенцев совсем нет, а правительственные войска удалились на значительное расстояние от Народного дома. Посоветовавшись с товарищами, я предложил присутствовавшим постепенно расходиться. Дружинники и пикеты из солдат железнодорожного батальона, группа которых, если не ошибаюсь, около этого времени подошла к Народному дому, охраняли некоторое время ближайшие улицы, по которым расходилась публика, бывшая на митинге.

По воспоминаниям некоторых участников Красноярских событий, уход черносотенцев и войск об'ясняется различно.

Тов. Шумяцкий пишет, что нас освободили солдаты жел.дор. батальона, что именно они разогнали черносотенцев и что из боязни столкновения с ними губернатор убрал войска. Т. Шкитов сообщает, что жел.-дор. батальон не появлялся, но от его имени было пред'явлено требование губернатору увести войска; в противном случае батальон грозил выступить, чтобы освободить, как частную публику, так и солдат железнодорожного батальона, присутствовавших на митинге 21-го января. В «Стачечном Бюллетене» № 9, где

описаны события 21-го октября, ни слова не говорится о солдатах железнодорожного батальона.

Я лично не мог видеть, как подходили солдаты жел.-дор. батальона к Народному дому, так как в качестве председателя и лица, формулировавшего требования участников митинга губернатору при переговорах с парламентерами, я большую часть времени находился на сцене. В то же время я был в курсе всего происходившего через сообщения дружинников и, странно, что у меня не сохранилось в памяти, как яркое событие, выступление солдат железнодорожного батальона.

Если это выступление было бунтом и массовым нарушением дисциплины, то чем об'яснить тот факт, что забастовка в батальоне началась значительно позже, а в городе в дни, непосредственно следовавшие за осадой Народного дома, было подавленное настроение в ожидании возможных погромов интеллигенции и евреев, подобно томскому погрому 20 октября.

Роль солдат железнодорожного батальона в день осады Народного дома черносотенцами остается, таким образом, недостаточно выясненной. Необходимо восполнить данные, имеющиеся до сего времени, воспоминаниями бывших солдат железнодорожного батальона.

Необходимо, в частности, выяснить: 1) было ли это выступлением батальона в целом, или выступали отдельные добровольцы, 2) в последнем случае,—приблизительное количество таких добровольцев, 3) было ли это тайным уходом части солдат, или открытым массовым нарушением воинской дисциплины, или, наконец, выступление было полулегальным при попустительстве растерявшегося военного начальства*).

Из лиц, находящихся в Народном доме, был убит, как я уже сказал. лишь один дружинник. Пострадала от черносотенцев, главным образом, публика, находящаяся вблизи Народного дома и, большей частью, даже не причастная к революционному движению. Били и мужчин и женщин; последних, по воспоминаниям П. К—ва, почему то предпочитали бить по животу. Среди избитых было несколько учениц фельдшерской школы, сопровождавших раненых в больницу, находящуюся недалеко от Народного дома (Елена Прейс, фамилии других не помню). Раз'яренные черносотенцы ничего не разбирали, и в числе избитых на смерть оказался даже товарищ прокурора Ераков, вмешавшийся в толпу черносотенцев в наивном намерении отговорить их от погрома. Смертельная рана ему, по заключению врача, была нанесена шашкой, что указывает на то, что в избиении принимали участие и отдельные казаки.

---

*) По моей просьбе, Енгубистпарт сообщает по этому поводу следующее:

«Тов. Корытников, б. солдат 2-е ж-д. батальона, в своих воспоминаниях «1905 год во 2-м ж. д. батальоне»—пишет:

«Здесь на митинге было народу полное здание. Мы узнали, что главарь Красноярских черносотенцев Афанасий Смирнов перепоил водкой всех своих единомышленников—не только частных лиц, но и казаков, которые окружили Народный дом, угрожая погромом. Наш солдатский комитет вынес постановление в случае возникновения столкновения выступить немедленно на поддержку осажденным. Но надобности в этом не оказалось, так как дело далеко не зашло, и осада черносотенцами была снята».

В архивных материалах, имеющихся в распоряжении Истпарта (жандармских, губернаторских), никаких указаний на вооруженное и вообще массовое выступление 2-го ж-д батальона в связи с событиями 21-го октября, не имеется; поэтому наиболее вероятной версией является, по мнению Истпарта, проводимая тов. Корытниковым, так как такое выступление не могло бы остаться незамеченым и не сохранить следов в донесениях, отчетах, показаниях и др. исторических документах того времени».

Всего было убито в этот день 11 человек и тяжело ранено около 40 человек. Из раненых 5 человек умерло через несколько дней («Былое» 1907 г., июнь).

В городе после событий 21-го октября революционный под'ем сменился на некоторое время затишьем; на улицах по вечерам ходили с оглядкой, опасаясь нападения черносотенных хулиганов. Народный дом по распоряжению губернатора был закрыт под предлогом ремонта. Настроение было таково, что решено было отказаться от устройства торжественных похорон жертв погрома.

Однако, массовое революционное движение внешне ослабело лишь в городе, в районе железной дороги оно продолжало развиваться. Центр движения теперь перешел исключительно сюда. Стачка продолжалась.

На собраниях рабочих в сборном цехе, происходивших 22 и 23 октября, особое внимание было уделено вопросу о способах противодействия черной сотне. У дверей были поставлены патрули для охраны собрания на случай нападения, было решено усиленно вооружаться и организовать охранительные отряды в рабочих районах—на Каче и в Николаевской слободке.

Отсюда можно заключить, насколько тревожное настроение было в это время даже в мастерских. По предложению солдата железнодорожного батальона, собрание 22-го октября послало депутацию к их командиру, чтобы добиться разрешения поставить на охрану депо и мастерских солдат батальона. Когда депутация вернулась с ответом, что это зависит от жандармского ротмистра, к которому и следует обратиться, рабочие сняли вопрос с обсуждения, не считая возможным обращаться к жандармам*). На этом же собрании по просьбе солдат было разрешено отправить на запад три их эшелона, возвращающихся с Дальнего Востока. Характерный штрих: начальник движения Голубин заявил тогда, что для этого необходимо послать в Боготол телеграмму от имени народа, на что «народ» тут же дал свое согласие («Бюллетень» № 9).

Насколько единодушно протекала Октябрьская стачка на железной дороге, можно судить, например, по тому, что, когда один рабочий выступил из собрания 22-го октября с предложением приступить к работам, пред'явив экономические требования, его призыв не встретил ничьей поддержки. Лишь на следующий день на собрании 23-го октября, после того, как было получено сообщение о восстановлении движения на линии Сибирских железных дорог, решено было прекратить забастовку.

Движение поездов было восстановлено в тот же день, работу в мастерских решили начать со следующего дня, так как 23-е октября приходилось на воскресенье.

На собрании 23-го октября, прекращая забастовку, рабочие одновременно с этим приняли ряд важных решений, намечающих линию поведения на ближайшее время:

«В виду окончания забастовки было решено пригласить всех начальников служб железной дороги и тех, кого только можно, из частных хозяев для заявления им о решении всех рабочих установить всюду захватом восьмичасовой рабочий день, о том, что рабочими будут выбраны особые комиссии для ведения всего внутреннего распорядка, как, например: увольнение и прием

*) Этот факт указывает на то, что железнодорожн. батальон в это время еще не вышел из повиновения своему начальству и стоит в противоречии с выступлением жел.-дор. батальона в защиту осажденных в Народном доме, если придавать этому выступлению характер бунта и прямого неповиновения начальству.

рабочих, установление расценок и заработной платы. Некоторые из хозяев соглашались признать право рабочих; начальники мастерских и депо и заведующий монопольным складом заявили, что они не могут признать этого права за рабочими, пока не получат о том инструкции от высшего начальства».

«Собрание было закончено речью председателя о выигранной победе с указанием, что борьба наша не кончается, а наоборот, теперь начинается ожесточенная борьба с капиталистами... После пения революционных песен рабочие разошлись.

Так кончилась в Красноярске октябрьская всеобщая стачка, продолжавшаяся в железнодорожных мастерских 11 дней—с 13-го по 23 октября.

V. Захватное право.

С окончанием октябрьской всеобщей забастовки начинается новый этап в развитии революционного движения. Более резко выявляются классовые противоречия, идет усиленная кристаллизация политических партий, организуются профессиональные союзы, массы, главным образом, рабочие ведут борьбу за закрепление и дальнейшее расширение завоеваний октябрьской стачки, осуществляя «захватным» путем восьмичасовой рабочий день, свободу собраний, союзов и т. д. Этот период охватывает конец октября и ноябрь

Остановимся на некоторых моментах этого периода в Красноярске. Осуществляя лозунг захватного права, провозглашенный еще в дни Октябрьской забастовки, Красноярский комитет РСДРП, если не ошибаюсь, в конце октября устраивает первое открытое собрание членов партии в здании железнодорожной школы. Производится открытая запись в члены партии. 27-го ноября было устроено второе или третье общее собрание местной организации (денежный отчет за ноябрь). Я очень смутно вспоминаю эти первые открытые собрания членов местной партийной организации. Участвовало на них, кажется, человек 200-250. На первом собрании, если не изменяет мне память, было решено организовать группы содействия Комитету в его работе: литературную, техническую, финансовую, пропагандистскую и т. д.; члены организации записывались в группы по своему желанию сообразно склонностям, степени подготовки и предприятию, где они работали. На этом же собрании был, кажется, поставлен и вопрос о переизбрании Комитета; решено было в целях конспирации Комитет не переизбирать, а сохранить его в прежнем составе, как он сконструировался во времена подполья, с предоставлением ему права кооптации новых членов в случае необходимости.

Таким образом, личный состав Комитета формально оставался законспирированным, хотя фактически все его члены работали открыто и выступали от «имени» Комитета. Попрежнему строго законспирированной оставалась подпольная типография, работавшая беспрерывно весь 1905 год, исключая моментов переезда с одной квартиры на другую. Замечу кстати, что, кажется, как раз в ноябре типография была расширена и переведена на новую более обширную квартиру. Вместо двух в ней стало постоянно работать три или четыре товарища. Положение их было не из завидных. В то время, как другие посещали митинги и собрания, им приходилось в большинстве случаев довольствоваться тем, что мы приносили им газеты, журналы и сообщали новости.

12-го декабря было устроено еще одно общее собрание членов Красноярской организации; 27-го предполагалось собрать новое общее собрание, но

оно, кажется, не состоялось в связи с надвигающимися событиями, приведшими к ликвидации «Красноярской республики» (см. ниже).

Таким образом, общие собрания членов партии за время «свобод» устраивались недели через 2-3. Чаще собираться не было возможности, вследствие перегруженности наиболее активных работников организации.

Тяга в партию, главным образом, среди рабочих была очень большая. Для иллюстрации приведу следующий весьма характерный пример. Однажды в ноябре мне пришлось выступать в монопольном складе с докладом о программе партии. Обычно, после такого доклада и ответов на вопросы происходила тут же запись в члены. В составе рабочих склада преобладали женщины-работницы, до октябрьских дней очень мало затронутые политическим движением. Чтобы предохранить партийную организацию от вхождения в нее большим числом отсталых в политическом отношении элементов, я сознательно в самой резкой форме подчеркнул отношение партии к монархии и к религии. Несмотря на это, присутствовавшие на собрании работницы чуть не поголовно выразили желание вступить в партию. Необходимо упомянуть здесь кстати об одном рабочем монопольного склада, принимавшем самое деятельное участие в революционном движении 1905 года и состоявшем членом нашей организации. Несмотря на свой преклонный возраст (ему было лет 55-60), он проявлял живость и энтузиазм юноши. Фамилию его я, к сожалению, не помню.

Среди приказчиков также была большая тяга к партии. Наиболее влиятельные члены правления союза были членами нашей организации: Юдин, впоследствии депутат второй думы, А. Рогов и др.

Что касается главного оплота революции—Красноярских железнодорожных мастерских и депо,—то полная гегемония там с.-д. организации была уже и до октябрьских дней. Октябрь лишь здесь расширил и, так сказать, легализировал связи и помог нам захватить организацией кадры железнодорожников, которые до того времени недостаточно были представлены—паровозные бригады, ж.-д. телеграфисты, жел.-дор. учителя, ученики жел.-дор. школы.

Наибольшее количество членов и сочувствовавших партии мы имели среди рабочих жел.-дор. мастерских и депо, как это было и до октября. Вслед за рабочими мастерских начали завязываться прочные связи с паровозными бригадами, железнодорожными телеграфистами и учителями. Менее активны были рабочие службы пути и движения; но если там члены партии насчитывались единицами, то руководство всем движением на железной дороге все время оставалось в руках Красноярского комитета.

Большим влиянием пользовалась партия среди наборщиков, приказчиков и др. рабочих.

Учащаяся молодежь, особенно ученики жел.-дорожного технического училища и ученицы фельдшерской школы, обнаруживала сильную тягу ко вступлению в ряды местной социал-демократической организации; многие, не будучи членами организации, активно помогали ей*).

Из местной интеллигенции к партии примыкали лишь отдельные ее представители; большинство интеллигенции организовалось вокруг «Сибирского областного союза» и партии «Народной свободы» (впоследствии ка-де). Тем не менее и эти слои интеллигенции были увлечены в этот период общим

*) Учащаяся молодежь открыто организовалась в октябрьские дни вокруг ученической организации «Светоч», активное ядро которой тяготело к нам.

движением и иногда шли дальше, чем их столичные лидеры. Лишь во второй половине декабря партия «Народной свободы» спохватилась и забила отбой.

С солдатами железнодорожного батальона были тесные связи через рабочих. Слабее были связи с солдатами местного гарнизона. Хотя солдаты постепенно революционизировались и обращались за помощью и литературой к Комитету, однако, партийных ячеек среди солдат образовать за этот период не удалось. Это обстоятельство, как мы увидим впоследствии, отразилось и на ходе движения. Как это было и до октября, Красноярская социал-демократическая организация по составу своему осталась пролетарской.

В своих выступлениях перед массами, Красноярская организация продолжала следовать тому же мотоду, какого она держалась и в дни Октябрьской забастовки. В агитационной работе на первый план ставились не программные вопросы, а вопросы ближайшего дня, конечно, с точки зрения конечных задач и программы максимум и минимум. Освещались способы массовой борьбы в противоположность эс-эрам, которые почти исключительно вели свою программу минимум и тактику единоличного террора.

В отношении профессиональных союзов Красноярская организация проводила принцип нейтральности; эс-эры же старались, в большинстве случаев—безрезультатно, включать в уставы союзов часть своей политической программы. При организации союзов рабочие обычно приглашали представителя Комитета. Помню, что мне как-то, по приглашению рабочих мелких мастерских, пришлось присутствовать на организационном собрании союза столяров, приказчиков (переход на новый устав), у рабочих монопольного склада. Сейчас трудно вспомнить, какие союзы в это время образовались; по отрывочным сведениям, имеющимся в данный момент в моем распоряжении, можно установить факт образования следующих союзов: приказчиков, печатников, рабочих монопольного склада, столяров и обойщиков, железнодорожных техников, домашней прислуги (в декабре).

Но помимо союзов, уже в дни октябрьской стачки, рабочая масса начала организовываться вокруг «выборной комиссии от рабочих», впоследствии превратившейся в «Совет рабочих депутатов». Комиссия состояла из представителей предприятий и железнодорожных рабочих. На заседаниях комиссии участвовало также, кажется, по одному представителю партии с.-д. и с.-р. «Совет рабочих депутатов» состоял впоследствии, примерно, из 50-70 делегатов. Состав Совета постепенно увеличивался по мере того, как к нему поступали заявления от предприятий или групп предприятий о допущении их представителей в «Совет».

Постановление о необходимости избирать выборный орган от рабочих было вынесено еще во время Октябрьской забастовки на собрании в сборном цехе железнодорожных мастерских утром 19-го октября.

«К концу собрания было предложено членом Красноярского комитета выбрать комиссию для разбора всех дел по частным вопросам положения рабочих и служащих»,—говорится в «Стачечном Бюллетене» № 7. «Пока комитетом эти дела были взяты на себя впредь до выбора комиссии»—добавляется далее.

Добавление это очень характерно. Из него видно, что для рабочих авторитет Красноярского комитета РСДРП был настолько велик, что к нему обращались за разрешением всех вопросов. Рабочие как бы не ощущали необходимости создавать в то время свою особую организацию. Собственно говоря, был еще орган, в который обращались со всех сторон—председатель собраний и митингов. Но так как митинги и собрания открывал всегда «пред-

ставитель Комитета», который был и председателем митинга, то обращающиеся этих тонкостей не разбирали.

Выбор комиссии состоялся на следующий день 20-го октября утром на собрании в сборном цехе; были выбраны в этот день представители от всех цехов железнодорожных мастерских, от монопольного склада и некоторых городских предприятий. Это была, так сказать, центральная комиссия. В отдельных предприятиях, повидимому, были организованы свои комиссии; по крайней мере была особая комиссия по железнодорожному транспорту с подкомиссиями или делегатами по отдельным цехам. Она то и составляла главное ядро Совета, почти поглощая его в себе.

Пока шла стачка, и митинги и собрания шли ежедневно, большая часть вопросов решалась на собрании, по поручению которого его решения часто тут же приводились в исполнение. С окончанием стачки митинги в Народном доме прекратились, собрания же в сборном цехе стали созываться реже, только по праздникам. Между тем, надо было проводить восьмичасовой рабочий день, организовывать отправление воинских эшелонов, бороться с черносотенной агитацией среди проезжавших солдат, которых начальство натравливало на забастовщиков-железнодорожников, помогать слабым группам рабочих отстаивать те или другие требования и т. д. Наступил момент для развертывания работы «Выборной комиссии от рабочих».

Не помню, когда состоялось первое организационное заседание комиссии. Во всяком случае уже с конца октября через своих представителей она начала постепенно устанавливать контроль над движением поездов и работою железной дороги. Заседания комиссии происходили в железнодорожной школе.

Комиссия постепенно становилась все более и более авторитетной. Однако, привычка решать все вопросы на общих собраниях, быстро привившаяся в эпоху октябрьских митингов, побуждала на первых порах отдельных рабочих по собственной инициативе созывать собрания по частным вопросам. Это обстоятельство вызвало специальное постановление комиссии, которое настолько характерно для этого периода движения, когда массы впервые стали жить широкой общественной жизнью, что мы приводим его полностью:

«О б ' я в л е н и е».

«На заседании 31-го октября выборная комиссия рабочих мастерских, депо и монопольного склада, обсудив вопрос о наиболее удобном устройстве собраний, единогласно постановила:

Собрания должны созываться с ведома и согласия выборных. Если какой-нибудь товарищ считает нужным созвать собрание, то лучше всего обратиться к выборному данного цеха, который должен сообщить об этом выборным других цехов и депо. Эти выборные и будут решать, стоит-ли ради данного вопроса устраивать собрание, и если нужно, то сделать-ли это немедленно или отложить до праздничного дня. Только при таком способе устройства собраний мы можем избежать недоразумений, подобных неудавшемуся собранию 31-го октября, когда многие рабочие напрасно потеряли время. Если же какой-нибудь товарищ сочтет решение выборных о ненужности собраний неправильным, то он может, конечно, звать на собрание; однако, в этом случае он обязан сообщить товарищам и предупредить их, что он зовет по собственному почину, помимо выборных; рабочие тогда сами решат, стоит ли

идти на собрание, и таким путем будет предотвращена излишняя трата времени.

Просим товарищей принять наше предложение».

О том, насколько примитивно было в октябрьские дни 1905 года политическое сознание широких масс населения, можно судить по тем письменным заявлениям и прошениям, которые в большом числе стали поступать в этот период и позже к председателю митингов, в выборную комиссию и к членам Красноярского комитета РСДРП. Привожу несколько таких заявлений, сохранившихся в материалах Сибистпарта; некоторые из них я даже припоминаю, так как приходилось иметь с ними дело в октябрьские дни и позже.

Часть заявлений была подана уголовными ссыльно-поселенцами, освободившимися с каторги, с просьбой о материальной помощи*). Уже по титулам этих заявлений можно судить о «политграмотности» того времени**):

«Господа протолетуристы и господин председательствующий оратор, честь имею осмелиться покорнейше просить вас, не найдете ли возможным сделать мне вспомоществование»,—обращается один из таких просителей. Другой, бывший сахалинец, с аналогичной просьбой обращается к «господам социал-демократическим членам партии рабочих города Красноярска», и дальше уже говорит просто о революционерах: «Господа и Братья революционеры».

Бывший ссыльно-поселенец, житель гор. Красноярска, имеющий сына подростка, просит определить сына в ученики в депо или мастерские и при этом замечает: «Нельзя ли постановить правило такое, а именно: до обеда учить ремеслу, а с обеда учить грамоте». Здесь, таким образом, выдвигается требование такого сокращенного рабочего дня для подростков, который дал бы им возможность учиться—требование, осуществленное лишь после Октябрьской революции 1917 года. Прошение адресовано «На общественное заседание господину председателю для об'яснения моего прошения оратором», но в тексте прошения упоминаются «социалы-революционеры» и просто революционеры. Пассажир, едущий в депо «Зима», чтобы поступить на работу, и застрявший на станции вследствие забастовки, жалуется, что железнодорожная касса не выдает ему суточных за простой поезда. Прошение адресовано «До Комитета Социального».

Иной характер носят обращения рабочих. Так, молотобоец, проболевший два месяца, просит до получения больничных денег выдать ему ссуду. Обращение начинается просто: «Товарищи» и т. д.; однако, стиль товарищеской просьбы не выдерживается; далее следует канцелярская формула: «Имею честь покорнейше просить». Пять мастериц-модисток просят «Председателя Красноярского комитета» заставить их хозяйку, отказывающуюся кормить их, уплатить деньги за дни забастовки.

Вообще рабочие, как правило, обращаются или в Красноярскую социал-демократическую организацию, или в выборную комиссию депутатов от рабочих. Рабочие уже понимают, что они обращаются к своим же товарищам; однако, следы былого бесправия и пассивности, воспитываемой веками, иногда еще проскальзывают в заявлениях наиболее отсталых групп рабочих. Впрочем, в некоторых случаях текст составлялся не самими рабочими, а каким

*) На митинге 20-го октября Красноярский комитет устроил сбор в пользу арестантов, следовавших в поезде; собрано было 118 р. Примерно такая же сумма была роздана в течение октября арестантам (отчет Красноярского комитета за октябрь).

**) Орфография в дальнейших цитатах везде исправлена.

...будь писцом, не могущим отрешиться от канцелярского стиля. Нижеследующее обращение, например, несомненно, составлено таким спецом по письменной части: «Его Высокородию, Господину Председателю Выборной Комиссии Красноярских мастерских и депо от товарищей Красноярских мастерских поденных сторожей—прошение». Интересно заявление штатных сторожей, адресованное на имя «Оратора Красноярской социал-демократической рабочей партии». В этом заявлении штатные сторожа так же, как и поденные, жалуются на низкий заработок при продолжительном рабочем дне, но при этом не ограничиваются простым изложением своих требований, а производят приблизительный подсчет рабочего бюджета: из 25 рублей, получаемых сторожем, 7-8 рублей должно уйти на квартиру, 5 руб. на дрова, 1 р. 50 к. на освещение и отопление; на пищу и одежду остается, следовательно, 12 р. 50 к.—13 р. 50 к. «В социал-демократическую рабочую партию» направлено и заявление «Тружеников угольного склада станции Красноярск». Поденные недовольны тем, что исполняют рабочего времени 24 часа без отдыха, а жалованье получают против прочих станций наполовину дешевле». Заявление оканчивается так: «Льстим себя надеждою о получении от Вас милостивой резолюции. Рабочая партия угольного склада 38 человек, по безграмотству их расписался Дмитрий Попов».

Это последнее заявление особенно хорошо иллюстрирует степень общественного самосознания наиболее осталых слоев рабочих. В тот период у них еще не проявилась достаточная активность, все надежды они возлагают на самых более передовых товарищей; тем не менее сознание общности пролетарских интересов и необходимости строить собственную организацию уже проникло в их умы.

Но все-таки как далека была в это время их психология от революционной активности наших рабочих—передовиков, вербуемых, главным образом, из железнодорожных мастерских и депо!

Недели через две-три после окончания стачки началась новая полоса митингов; на этот раз они происходили уже не в Народном доме, а в громадном помещении сборного цеха, могущего вместить в себе до 10.000 человек. Характерной чертой этого периода является усиливающееся брожение среди солдат, захват в руки рабочих организации железной дороги, переход на сторону революции мелкого мещанства, грандиозные размеры митингов.

События развиваются быстрым темпом. Каждый новый митинг все более и более наталкивает массу на путь захвата власти.

Пример рабочих, установивших захватным путем восьмичасовой рабочий день, организовавших свои выборные органы, не мог не отразиться на поведении солдат. Проходящие эшелоны уже в конце первой половины ноября начали обращаться к рабочим с просьбой помочь им в борьбе со своим начальством, и несмотря на то, что у рабочих не было никакой юридической власти, тем не менее им удавалось, вызывая начальство на собрания или посылая делегатов, устранять наиболее вопиющие злоупотребления.

Особенно сильно проявилось брожение среди солдат железнодорожного батальона, постоянно соприкасающихся с рабочими железнодорожных мастерских. Около середины ноября железнодорожный батальон пред'являет своему начальству ряд требований. Чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию движения, начальство жел.-дорожного батальона решило часть солдат немедленно отправить в Россию, куда предполагал выехать и батальонный штаб. Не желая раз'единяться и опасаясь, что от'езд штаба даст повод остав

шемуся начальству затянуть ответ на пред'явленные требования, солдаты обратились на митинге 24-го ноября за помощью к рабочим. Решено было немедленно отцепить паровоз и. таким образом, воспрепятствовать от'езду штаба. К начальнику движения немедленно был послан отряд, чтобы привести в исполнение решение митинга. Другой отряд отправился в штаб, чтобы вызвать представителя штаба для об'яснений. Пока отряд был в отсутствии, присутствовавшие солдаты разных эшелонов излагали свои нужды. Особенно сильное впечатление произвел на присутствовавших один солдат, продемонстрировавший, в чем солдаты возвращаются домой. «На трибуне стоял скорее солдат в рубище, чем в мундире»,—так описывалась эта сцена в первом номере ноябрьских бюллетеней, издание которых было возобновлено Комитетом в конце ноября.

Штаб прислал офицера для дачи об'яснений. После продолжительного обсуждения были выработаны требования: возвращение солдатам различного рода сумм, неправильно с них удержанных; экономических, амуничных, за работы, исполненные солдатами, и т. д., освобождение солдат запаса, освобождение арестованных, вежливое обращение и др. Представитель штаба пытался было возражать, но его доводы были подвергнуты резкой критике, и от имени рабочих ему было заявлено, что ответ должен быть дан на следующий день на митинге.

Во время выработки требований в цех еще вошла большая группа солдат с пением «Марсельезы», восторженно встреченная собранием. «Решено было вызвать из Нижнеудинска 3-ю роту жел.-дорожного батальона, чтобы все вместе могли отстаивать требования» («Бюллетень» № 1). Солдаты переходят, таким образом, на путь открытого выступления. На этом знаменательном митинге присутствовало более 4000 рабочих и до 500 солдат. У меня хорошо сохранился в памяти вид этого митинга с председательской трибуны*). Среди горожан резко выделялось большое серое пятно солдатских шинелей; раньше солдаты были рассеяны отдельными группами и не так были заметны.

На следующий день по окончании работ был снова устроен митинг в сборном цехе по тому же вопросу—о требованиях жел.-дорожных солдат. Так как не все требования были удовлетворены, а часть их было обещано лишь доложить высшему начальству, то солдаты железнодорожного батальона решили не выезжать из Красноярска. По просьбе солдат машинистам было немедленно дано распоряжение отказаться от перевозки железнодорожного батальона.

Однако, уже на следующий день, 26-го ноября, представитель жел.-дорожного батальона заявил на митинге в сборном цехе, что большинство их требований удовлетворено, остальные обещано обязательно удовлетворить, поэтому солдаты решили ехать и забастовать в случае необходимости в другом месте при поддержке рабочих. Тогда от имени собрания было предложено машинистам дать паровозы.

Пример солдат железнодорожного батальона увлекает и другие воинские части, и на митинге 26-го ноября выступают солдаты других команд и предлагают последовать примеру железнодорожного батальона. 29-го ноября, по приглашению казаков, представитель Красноярского комитета вырабатывает совместно с делегатами казаков следующие требования: выдача по по-

*) Железнодорожные рабочие устроили в цехе передвижную трибуну для выступающих на митингах.

ложению теплой одежды, возвращение денег за коновязные цепи, освобождение казака Дубинина, выдача денег на ремонт сбруи и др., вежливое обращение с казаками со стороны начальства. Эти требования казаки просили опубликовать, что и было сделано в «Бюллетене» № 4. Далее в «Бюллетене» сообщается:

«Казаки просили передать следующее: «Скажите товарищам-рабочим, что мы просим простить за все то зло, которое мы причинили рабочим, к помощи которых мы теперь прибегаем». Тов. социал-демократ ответил им, что рабочие помогут казакам в их борьбе с начальством, а зла они никогда не помнят, ибо знают хорошо, что казаки темные и малосознательные, но что они рано или поздно из врагов рабочих превратятся в их друзей».

Если не ошибаюсь, в этот же период—вторая половина ноября—был случайно устроен в зале вокзала ст. Красноярск суд над офицерами из проходящего эшелона. Как-то будучи вблизи вокзала, чтобы побывать на железнодорожном телеграфе, для просмотра поступающих телеграмм, я получил от дружины, дежурившей на станции, сообщение о том, что на вокзале офицер из проходящего эшелона ранил солдата. Я отправился на вокзал вместе с дружинниками. Поезд еще не ушел. Офицер был задержан и под конвоем дружины приведен в вокзальный зал, где и был устроен суд над ним в присутствии солдат и рабочих, случайно оказавшихся на вокзале. Какое решение было вынесено собравшимися, хорошо не помню. Кажется, что дело кончилось извинением со стороны оскорбившего, так как разбор дела показал, что причиною всего происшедшего была ссора между двумя эшелонами, возвращающимися с Востока. Каждая из спорящих сторон настаивала на том, что их эшелон должен ехать впереди. Спор тянулся уже на протяжении нескольких станций, и дело доходило до перестрелки между эшелонами. Солдат был из одного эшелона, офицер—из другого. Солдаты обоих эшелонов были в очень возбужденном состоянии, и дело, в конце-концов, свелось к разрешению спора—кому ехать вперед. После длинных пререканий удалось убедить солдат обоих эшелонов подчиниться решению собрания. Кажется, в эти же дни в сборный цех на митинг был вызван для суда офицер местного гарнизона, в пьяном виде ранивший извозчика.

Чтобы закончить характеристику ноябрьского периода, добавлю еще, что железнодорожный телеграф ст. Красноярск в это время фактически находился уже в наших руках благодаря связи с телеграфистами, а на митинге 25-го ноября был зачитан ряд телеграмм с других станций об отказе телеграфистов передавать правительственные телеграммы, направленные против революции, или шифрованные.

Помимо обращений рабочих в выборную комиссию, касающихся их экономических нужд, на имя председателя местного социал-демократического Комитета, председателя комиссии и митингов начали поступать заявления прочих граждан, которые касались уже самых различных вопросов. В качестве примера приведу два заявления, полученные мною в этот период и оставшиеся у меня в памяти.

В одном квартиранты жаловались на хозяев, в другом девушка, оставшаяся с ребенком на руках, просила обязать отца ребенка оказывать ей материальную помощь. Приходилось разбирать и такие дела, поручая уладить их кому-нибудь из товарищей. Народные массы, не удовлетворяясь существующими правительственными судебными органами, обращались к самому народу и его представителям за разрешением спорных вопросов. Развивающиеся события естественным путем, почти стихийно, вели к организации местной революционной власти.

VI. Об'единенный совет депутатов от солдат и рабочих.

После осады Народного дома черносотенцами, в целях ослабления их влияния среди широких слоев мещанства, Красноярский комитет РСДРП выдвинул вопрос о местном городском самоуправлении. В конце ноября наступил очень удобный для этого момент. С 1-го января 1906 года должна была приступить к своей работе городская дума нового состава; выборы были назначены на 4-е декабря 1905 года.

По городовому положению, в выборах имели право участвовать всего несколько сот наиболее крупных домовладельцев, купцов и промышленников из всего населения города Красноярска. Нелепость избирательного закона после октябрьских дней особенно бросалась в глаза.

Вопрос о предстоящих выборах в городскую думу был выдвинут уже на митинге 1-го декабря, пока как удобный повод для агитации и революционизирования мелкобуржуазных слоев населения. В противовес существующим думам выдвигалась идея самоорганизации граждан; выборные революционные органы в зависимости от соотношения сил могут присвоить себе те или другие права захватным путем и служить противовесом существующим городским думам. 4-го декабря, в день выборов, был созван новый митинг, специально посвященный выборам в городскую думу. К этому времени уже выяснилось, что солдаты железнодорожного батальона согласятся поддерживать оружием местный орган власти, избранный на широком выборном начале*). Поэтому на митинге 4-го декабря организация нового выборного органа взамен существующей думы была уже поставлена, как очередная задача. О том, в какой форме был выдвинут лозунг революционного городского самоуправления, можно судить по прокламации Комитета, выпущенной накануне 4-го декабря («Бюллетень» № 1), где проводились те же мысли, которые были высказаны на митинге. В прокламации подчеркивалось, что думы, организованные революционным путем, должны позаботиться о вооружении народа, и прежде всего рабочего класса, являющегося единственным последовательным борцом за освобождение страны. Заканчивалась прокламация так:

«Только всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах в городские думы даст городской бедноте возможность извлечь пользу из городского самоуправления, и только единственный путь — путь вооруженного восстания, путь насильственного захвата себе различных прав может привести к такому самоуправлению».

В последующие дни события развертываются необычайно быстро. Митинги происходят каждый день. 5-го декабря состоялся солдатский митинг под председательством прапорщика 2-го железнодорожного батальона — Кузьмина. Был выработан ряд требований, как экономических, так и политических. Приводим полностью резолюцию, принятую на этом митинге.

«Обсудив постановления Читинского и Иркутского гарнизона, мы, солдаты Красноярского гарнизона, присоединились к резолюциям наших товарищей; мы приветствуем их и заявляем, что только единение солдат с народом, и в особенности с рабочим классом, только дружная и совместная борьба может улучшить наше положение, может вывести нас из того бесправного положения, в котором находимся мы.

Вместе с иркутскими и читинскими товарищами мы требуем: 1) немедленного увольнения всех запасных, 2) обеспечения семейств убитых и раненых, 3) вежливого

*) Хотя солдаты железнодорожного батальона на митинге 26-го ноября решили уехать из Красноярска, однако, вследствие трений между ними и их начальством, они возвратились в Красноярск, доехав, кажется, лишь до ст. Обь (Новониколаевск).

обращения с солдатами, 4) отмены смертной казни и военных положений, 5) амнистии политических, 6) всеобщее избирательное право, 7) Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

8-го декабря началась забастовка железнодорожного батальона, выражавшаяся в следующем: 1) батальон признает над собою только комитет рот во главе с прапорщиком Кузьминым; 2) все работы и службы, не относящиеся к пользе нижних чинов, прекращаются; 3) от офицеров денщики отбираются.

На 6-е декабря после работ был назначен митинг в сборном цехе «для обсуждения солдатских нужд и вообще солдатского вопроса, ввиду происходивших в России событий». На этот митинг, по постановлению солдатского митинга 5-го декабря, были приглашены об'явлениями солдаты. Митинг этот прошел с необычайным под'емом и был поворотным пунктом в развитии революционного движения 1905 года в Красноярске.

В этот день впервые должны были явиться с оружием в руках обе роты второго железнодорожного батальона. Цех был полон. Многие вскарабкались на паровозы, стоявшие на боковых платформах сборного цеха; конец толпы терялся в отдалении, у входа в цех. Насколько сильно было впечатление от появления вооруженных солдат, всего лучше судить по заметке, помещенной в местной либеральной газете «Голос Сибири».

«В это время сообщили, что идут солдаты, публика очистила место для них. Несколько человек рабочих с двумя знаменами социал-демократической рабочей партии пошли встречать солдат. Публика нетерпеливо ждала.

Вот раздалось «ура», показались в воротах первые ряды солдат, блеснули на электрическом свете штыки. Впереди колыхались три красных знамени, в средине солдатское с надписью: «Свобода, равенство и братство», рядом с ним офицер. Солдаты шли и шли, штыки колыхались, публика восторженно махала шапками, неслось громкое многотысячное «ура»*).

Особенно торжественный момент наступил, когда было предложено почтить память погибших за революцию. Солдаты по команде взяли на караул, блеснули штыки, обнажились головы, и по цеху мощно раздались звуки похоронного марша.

После нескольких приветствий и выступлений, пока митинг еще продолжался, я, передав председательство одному из товарищей, от имени Красноярского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов предложил членам солдатского комитета срочно обсудить некоторые вопросы совместно с рабочими. Представители рабочих и солдат собрались в соседней небольшой комнате, где находилась контора какого-то цеха. Это совещание можно считать первым заседанием Об'единенного Совета депутатов от солдат и рабочих. Кажется, что и самое название было принято на этом же заседании, и по окончании совещания было об'явлено присутствовавшим на митинге об образовании об'единенного органа представителей от солдат и рабочих.

Собственно, это не был «Совет», это был, скорее, исполнительный Комитет или бюро, так как в состав его входили лишь отдельные члены солдатского Комитета и Выборной комиссии депутатов от рабочих, вскоре преобразованной в Совет рабочих депутатов. От Совета рабочих депутатов и от Красноярского комитета РСДРП в Об'единенный Совет входило не более пяти-шести человек, таким же приблизительно числом был представлен и солдатский комитет; был еще один представитель эс-эров. С нашей стороны в Об'единенный совет входили А. Мельников, И. Воронцов, К. Кузнецов,

*) «Голос Сибири» № 9—1905 г. Цитата взята из статьи А. Ансона в «Сибирских Огнях».

А. Рогов (других не помню). Какого-нибудь регламента Совета не было, и решения выносились не столько большинством голосов, сколько по соглашению двух сторон: представителей рабочих, состоящих исключительно из социал-демократов, с одной стороны, и представителей солдатского комитета,— с другой. Часть членов солдатского комитета во главе с Кузьминым, не состоя в партии, тяготела к эс-эрам. Среди представителей солдат был, кажется, лишь один, сочувствовавший нам. Не было и постоянного председателя Об'единенного Совета. Фактически до момента осады инициатором всех активных шагов Об'единенного Совета была рабочая часть, или, что одно и то же—Красноярский комитет РСДРП.

Какие вопросы обсуждались на первом заседании Об'единенного Совета 6-го декабря, я не помню. У меня в памяти остался лишь один вопрос, сразу же возбудивший разногласие между рабочей частью Совета и представителями железнодорожного батальона. Нами было предложено немедленно, пользуясь общим под'емом, захватить арсенал. Но предложение это не нашло поддержки ни со стороны представителей солдат, главным образом, Кузьмина, ни со стороны представителей эс-эров. Не желая с первого же раза обострять отношения, мы не стали выносить спор на митинг, хотя сначала мы предполагали закончить митинг немедленной отправкой отрядов солдат и рабочей дружины для взятия арсенала*).

На следующий день на заседании Об'единенного Совета был принят предложенный нами проект об'явления о перензбрании городской думы. Тогда же, или на следующем заседании 2-го декабря для того, чтобы продемонстрировать факт перехода войск на сторону народа, было решено устроить вооруженную демонстрацию с парадом войсковых частей и рабочей дружины.

Об'явление о перензбрании думы было решено напечатать в губернской типографии захватным порядком. На следующий день, 8-го декабря ко мне пришли для этой цели два члена солдатского комитета, и вместе с ними я отправился в губернскую типографию. Явившись туда, я предложил управляющему типографией от имени Совета рабочих и солдатских депутатов немедленно приступить к печатанию об'явления. Тотчас же были вызваны наборщики и спешно принялись за набор. Оставив солдат в типографии, я отправился в нашу штаб-квартиру, чтобы организовать распространение. На всякий случай в типографии был оставлен еще один из членов нашей организации, кажется, М. Кусков, который должен был, если встретятся какие-либо затруднения, немедленно об этом сообщить.

Так и случилось; когда набор был готов, управляющий начал тянуть с печатанием, боясь губернатора. Чтобы успокоить его, мы об'явили его временно арестованным, и вскоре об'явление, отпечатанное на громадных листах цветной бумаги в виде афиши, было готово. В тот же день оно было расклеено и распространено по всему городу нашей технической группой. На обывателей «Об'явление» произвело ошеломляющее впечатление.

9-го декабря была устроена грандиозная демонстрация, собравшая, вероятно, до 15.000 народу. Началась она от мастерских, куда утром подошли под начальством Кузьмина солдаты железнодорожного батальона. Отсюда вместе с рабочими они отправились по направлению к Народному дому. Впе-

*) Впоследствии этот вопрос потерял остроту, так как, насколько помнится, стало известно, что затворы от ружей начальством предупредительно были спрятаны в каком-то другом месте.

реди шли солдаты железнодорожного батальона во главе с Кузьминым, ехавшим верхом на коне, за ними рядами под предводительством К. Кузнецова шагала рабочая дружина, насчитывающая к тому времени в своем составе человек 200, вооруженная отчасти ружьями, но большей частью револьверами разных систем; далее шли рабочие и горожане. Толпа росла все более и более по мере приближения к Народному дому.

Около Народного дома остановились, чтобы снять солдат 3-го Сибирского запасного батальона, который был поставлен губернатором во дворе казначейства против Народного дома. Посланные делегаты вскоре вернулись и сообщили, что запасный батальон присоединяется к демонстрации. В пополненном составе демонстрация двинулась дальше. На Старо-Базарной площади присоединились и остальные части 3-го батальона, а также и конвойная команда, наиболее отсталая. Она долго колебалась, но, наконец, вышла и приняла участие в демонстрации, но не с красным, а с трехцветным русским флагом. Правда, красная полоса была, кажется вверху, а не внизу, как на обычном флаге.

На площади солдаты и дружинники выстроились в карре, и был произведен парад, длившийся очень недолго. После парада демонстрация направилась по Благовещенской улице с целью захватить с собою стоявшую там казачью сотню; но последняя не присоединилась. Конечным пунктом демонстрации была гауптвахта. Здесь были освобождены все арестованные солдаты и переведены в казармы жел.-дор. батальона впредь до «народного суда», который должен был состояться на следующий день в Народном доме. Демонстрация была закончена краткой речью представителя Красноярского комитета Совета рабочих депутатов о значении демонстрации.

Суд над освобожденными, устроенный на следующий день в Народном доме, явился хоорошим агитационным средством. Подавляющее большинство арестованных сидело за мелкие дисциплинарные проступки. Многие нарушения дисциплины были вызваны грубостью и невнимательностью начальства к самым справедливым требованиям солдат. Почти все арестованные, кроме явных уголовщиков, были оправданы и немедленно освобождены.

В этот же день Об'единенным Советом было опубликовано и расклеено по городу следующее постановление, принятое на заседании Об'единенного Совета от 9-го декабря, состоявшемся после демонстрации.

«1. Ввиду того, что Об'единенный Совет депутатов солдат и рабочих об'явил полную свободу печати, ни одна власть не имеет права требовать на просмотр никаких печатных произведений. Управляющим и заведующим типографиями запрещается обращаться к властям за разрешением о печатании. О каждой малейшей попытке власти помешать свободе печати, свободе расклеивания об'явлений и т. п. просим всех граждан сообщать в Об'единенный Совет депутатов солдат и рабочих.

2. Со времени об'явления настоящих постановлений при Совете депутатов солдат и рабочих организуется комиссия для подготовки выборов, для разделения города на участки, для определения количества жителей, имеющих избирательные права, и т. п.

3. Для предвыборной агитации перед городскими выборами и для собраний всякого рода мы об'являем открытыми: общественное собрание во всякое время, сборно-паровозный цех с 1½ час. дня, а по праздникам с утра. Народный дом и железнодорожное собрание во время, свободное от репетиций.

4. Для ускорения движения на железной дороге Совет поручает Выборной комиссии от рабочих и служащих железной дороги контроль над движением. Все начальствующие лица должны по первому требованию давать отчеты о своих действиях представителям комиссии».

Власти окончательно растерялись. 9-го декабря вечером после демонстрации губернатор созвал у себя в квартире «сословное совещание», глав-

ным образом, из чиновников и военных начальствующих лиц. Решили выпустить воззвание. Однако, типографии не решались напечатать воззвание губернатора без разрешения Совета, и воззвание было набрано и напечатано с пометкой «Разрешено Об'единенным Советом депутатов от солдат и рабочих». Однако, перед расклейкой эта пометка была отрезана в канцелярии губернатора.

11-го декабря, одновременно с воззванием «сословного совещания», был распространен и ответ на него Об'единенного Совета. В ответе Совет иронизировал над тем, что губернатор в своем воззвании идет дальше правительства, провозглашая всеобщее, прямое, равное избирательное право, без различия пола. По поводу же утверждения, высказанного в «воззвании», о том, что войско и рабочие не должны вмешиваться в дела города, Совет дает такой ответ: «Войско, перейдя на сторону народа, поможет осуществить ему свои права, а рабочие составляют часть городских граждан». Далее проводится мысль о первенствующей роли рабочего класса в русской революции.

10-го декабря «Выборная комиссия от рабочих депо и мастерских» постановила переименоваться в «Совет рабочих депутатов города Красноярска». Постановление это было мотивировано тем, что на комиссию «ложится весь труд по части организации отдельных групп и вообще разрешение всех вопросов, относящихся к положению рабочего класса, не только на железной дороге, но и в городе».

В состав Совета рабочих депутатов, кроме представителей рабочих и служащих железной дороги, входили в это время делегаты от приказчиков монопольного склада, почтово-телеграфных чиновников и от большинства более крупных предприятий города

Основное первичное ядро бывшей комиссии—делегаты железнодорожных рабочих—образовали «Комиссию по наблюдению за движением поездов» (см. ниже). После постановления Об'единенного Совета от 9-го декабря функции по контролю над железнодорожным движением, фактически принадлежащие ей и раньше, получили санкцию и от имени делегатов от солдат, что, конечно, придавало ее решениям больший авторитет, так как в это время железнодорожникам постоянно приходилось иметь дело с солдатами проезжавших эшелонов.

Второй комиссией, действовавшей от имени Об'единенного Совета, была комиссия для подготовки выборов в городскую думу. Наконец, третьим отделом, правда, не имевшим официального названия, но фактически существовавшим, можно считать, «отдел охраны безопасности и общественного порядка». Город охранялся по ночам конными раз'ездами солдат жел.-дор. батальона и рабочей дружиной, часть которой, кроме того, несла дежурство и днем—на станции. Руководство ночной охраной лежало на солдатском комитете совместно с дежурными начальниками рабочей дружины.

Других постоянных «секций» при Об'единенном Совете, о которых пишет т. Шумяцкий в своей статье о «Красноярском Совете рабочих и солдатских депутатов», не было, да и Об'единенный Совет существовал такое непродолжительное время, что не имел возможности это сделать; тем более,—что не было прецедентов и трафаретов, на которые Совет мог опереться в своей работе. Очевидно, делясь своими воспоминаниями через 20 лет после событий 1905 года, т. Шумяцкий видел их сквозь призму 1917 г., когда Советы имели за собою уже прошлый опыт. Так, под видом судебной секции у т. Шумяцкого, повидимому, преломились в памяти «народные суды» и единичные случаи разбора гражданских дел отдельными членами Красноярского комитета

РСДРП или Совета рабочих депутатов. В октябре и начале ноября наш Комитет вел переговоры, в которых я лично принимал участие с антрепренером местной драматической труппы Кашириным относительно постановки революционных пьес, в частности— пьесы Октава Мирбо «Дурные пастыри» и драмы Гауптмана «Ткачи». Но ничего из этих переговоров, насколько помню, не вышло. Кроме того, наша партийная финансовая группа вместе с рабочими жел.-дор. мастерских устроила в ноябре и декабре несколько спектаклей в пользу Комитета. Чистый доход от одного из этих спектаклей в сумме 562 р. 90 коп. записан в денежном отчете за ноябрь 1905 г. под статьей «От предприятия». Эта совместная деятельность Красноярского комитета и рабочих организаций, вероятно, и ввела в заблуждение тов. Шумяцкого, когда он говорит о культурно-просветительной секции Совета. Чрезвычайно загадочной для меня является «муниципальная секция». Не есть ли это «Комиссия по выборам в городскую думу». Лично я не принимал в ней участия и поэтому не могу сказать, заседала ли она в управе или в другом месте. Не помню ничего и о «секции здравоохранения». Думаю вообще, что отдельные шаги, предпринимаемые не только Советом, но и Красноярским комитетом РСДРП и общими собраниями, и функции, которые приходилось нести нам от случая к случаю, т. Шумяцкий смешал с существованием оформленных отделов в Об'единенном Совете.

Что же касается конструкции Совета рабочих депутатов, то на упомянутом уже заседании 10-го декабря, на котором Выборная комиссия постановила переименоваться в «Совет рабочих депутатов г. Красноярска», было решено выделить из состава Совета три комиссии: 1) для наблюдения за движением воинских поездов, 2) для сношения с депутатами от солдат и 3) для заведывания делами внутреннего распорядка во всех промышленных предприятиях города.

«Для последних двух комиссий были выбраны председатели; в первую комиссию председатель не был выбран потому, что выборы в нее членов от многих служб еще не состоялись».

«Комиссия решила предложить, в виду необходимости организовать наблюдение за движением, приступить как можно скорее к выборам от каждой службы».

«План организации был принят следующий: 1) каждая из трех комиссий, ведая своими делами, дает отчет всему Совету; 2) председатели комиссий входят между собою в соглашение по всем важным вопросам и представляют из себя Бюро Совета; 3) каждая комиссия ведет протоколы своих заседаний; 4) Бюро имеет право назначать собрания Совета»*).

Таким образом, оформление «секций» Совета рабочих депутатов было произведено 10-го декабря, всего было образовано три секции. На одну из них было возложено практическое проведение в жизнь контроля над движением поездов, что в постановлении Об'единенного Совета рабочих и солдатских депутатов поручалось «Выборной комиссии от рабочих и служащих железной дороги».

---

*) «Красноярский Рабочий» № 2, от 13-го декабря; хроника.

Состав Бюро сконструировался следующим образом: председатель Совета— А. Мельников, председатель комиссии по внутреннему распорядку на предприятиях города, он же заместитель председателя Совета—И. Воронцов, председатель комиссии по контролю над движением поездов—А. Рогов; в комиссию по сношению с депутатами от солдат вошел, кажется, К. Кузнецов. Бюро в целом входило в состав «Об'единенного Совета депутатов от солдат и рабочих».

VII. После 9-го декабря.

После демонстрации 9-го декабря, показавшей, что к революционному движению примкнули и войска, вставал вопрос о дальнейшей тактике. Ближайшие задачи, стоящие перед нами, рисовались тогда, примерно, в следующем виде. Без распространения восстания на другие пункты железной дороги Красноярск будет вариться в своем собственном соку, и движение или будет ликвидировано, или выйдет из тупика лишь при условии победоносного восстания в столицах. Но обрекать себя на роль пассивного зрителя, имея налицо благоприятные местные условия для дальнейшего развития восстания, Комитет не имел желания. Необходимо было, по нашему мнению, продвигать восстание дальше, главным образом, на запад. На востоке был надежный опорный пункт в Чите; на ближайшей к нам крупной станции в Канске дело клонилось к образованию Совета солдатских и рабочих депутатов.

Не то было на западе. Красноярские железнодорожные рабочие, уже подчинившие себе местное железнодорожное начальство, продолжали зависеть в финансовом отношении от Томска, где находилось управление Томской железной дороги. Это обстоятельство необычайно связывало свободу действий, поэтому первоочередной задачей нами ставился захват станций Тайга и Обь (ныне Новониколаевск), после чего можно было подчинить себе и Томск. Для этого надо было подготовить сначала активное вооруженное ядро рабочих, рабочий батальон, т. е. прежде всего вооружить рабочих и обучить их не только обращению с оружием, но и основным приемам военной тактики. Поскольку не было еще проведено вооружение рабочих и не созданы условия для захвата ближайших железнодорожных станций, постольку являлось пока преждевременным проводить полный захват власти и в самом Красноярске. Вот почему не было занято казначейство и не были сменены власти. Мы погрязли бы в местных делах и истратили бы на это всю энергию; в довершение к этому мы могли бы оказаться перед лицом финансового краха и подвергнуть город опасности разгрома со стороны войск, возвращающихся из Манчжурии.

Лозунг вооружения рабочих и распространения восстания на другие пункты железной дороги был выдвинут вскоре же после образования Об'единенного Совета. Мы предложили в Об'единенном Совете передать в распоряжение Совета рабочих депутатов запасные винтовки, кажется, сотни две, имевшиеся в распоряжении комитета железнодорожного батальона. Независимо от этого, нашу тактику мы предполагали широко пропагандировать в качестве избирательной платформы при выборах в думу, если до того времени не удастся провести вооружение рабочих через Об'единенный Совет. На собрании членов Красноярского отделения РСДРП, состоявшемся 12-го декабря, эта тактика была одобрена. Привожу ниже извлечение из краткого отчета об этом собрании, помещенного в № 3 газеты «Красноярский Рабочий»—орган местного Комитета РСДРП, начавший выходить вскоре же после захвата губернской типографии,—где приводится содержание доклада, сделанного мною.

«Первая речь была посвящена вопросу о том, как социал-демократия должна смотреть на роль городского самоуправления в революционное время. Оратор указывал на полную дезорганизацию правительственной власти, на раз'единение различных местностей вследствие почтово-телеграфной забастовки, на бессилие центральных властей. Пользуясь подобным бессилием правительства, народ должен через свое самоуправление заняться не только

хозяйственными делами данного города, *но и захватом в свои руки всех организаций правительственной власти.* Социал-демократия должна указывать, что для того, чтобы обеспечить и укрепить свои завоевания, народ должен *распространять восстание дальше и усиленно вооружаться.* Поэтому социал-демократия, защищая экономические интересы рабочего класса и городской бедноты в городском самоуправлении, в то же время будет стараться, чтобы оно действовало, как временное *правительство города,* имеющее целью *распространить и закрепить результаты восстания*» (курсив мой).

Чтобы сделать более ясной позицию, занимаемую в это время Красноярской организацией, следует заметить, что собрание было посвящено выработке нашей платформы на предстоящих выборах в думу. Предполагалось, что избирательные собрания начнутся в ближайшие же дни. Поэтому было необходимо немедленно устранить всякие недоразумения о характере нашей агитации: в противоположность другим партиям, Красноярская организация РСДРП намеревалась в центре внимания поставить не муниципальную программу и вообще не программу партии, а лозунг распространения восстания за пределы Красноярска.

Выставление такой платформы, однако, не означало, что подготовительные меры к распространению восстания, главным образом, вооружение рабочих, мы откладывали до избрания новой думы. Как я уже сказал, вопрос этот был поднят в Об'единенном Совете. Однако, наше предложение не встретило поддержки не только со стороны Кузьмина, весьма слабого в вопросах политики, к тому же колеблющегося между кадетами и эсерами, но даже и со стороны представителя эсеров, входящего в Об'единенный Совет. Так как Кузьмин пользовался большой популярностью среди солдат, то к его позиции примкнуло и большинство членов солдатского Комитета. В данном вопросе рабочая часть Совета разошлась с остальными членами его. Сущность разногласий коренилась в том, что Кузьмин был вообще противником расширения функций Совета, сводя роль его к защите выборов в новую думу, избранную всем населением. Лишь новая дума, по его мнению, могла быть достаточно авторитетным органом, свободным от классовой односторонности. Вооружение только рабочих было бы усилением одной партии за счет других и могло даже вызвать кровопролитие. Наша точка зрения была иная: Об'единенный Совет должен был ближайшей задачей поставить немедленное вооружение революционных масс и обеспечение успеха восстания. В разногласиях внутри Совета сказывались уже классовые противоречия. Кузьмин, желая стоять вне партий, в действительности делал уступки кадетам, которые в это время старались влиять на него, ведя с ним переговоры по поводу предстоящих выборов. Вопрос о необходимости немедленной передачи в распоряжение Совета рабочих депутатов запасных винтовок мы ставили в Об'единенном Совете несколько раз, но безрезультатно. Правда, винтовки все-таки были получены, но уже тогда, когда открыто создавать рабочий батальон было поздно, так как город был уже занят частями Омского полка, стоявшими на стороне правительства.

Находясь во вражеском окружении, мы считали неудобным разногласия внутри Совета выносить немедленно на широкое обсуждение и ограничились пока общей пропагандой идеи вооружения рабочих. В качестве примера привожу ниже выдержку из статьи под псевдонимом Сашина*) «Что могут сделать солдаты в революции», помещенной в четвертом номере газеты «Красно-

*) Это, кажется, был мой псевдоним.

ярский Рабочий». Статья эта, написанная между 18-20-м декабря, является, по существу, полемикой с той частью Об'единенного Совета, которая упорствовала в своем отказе выдать оружие Совету рабочих депутатов. В ней, через головы членов солдатского Комитета, мы раз'ясняли солдатам, что они, прежде всего, должны делать, став на сторону народа.

«Борьба с полицейско-самодержавным строем идет долгая и упорная»,—говорится в статье. «Не победить—это значит дать на многие годы воцариться еще большему гнету»... «В чем же залог нашей победы?—В силе»... «Наша сила велика, она растет, но и в рядах наших врагов остаются еще многие бессознательные солдаты; их дула и штыки направлены против нас, ими распоряжаются старые палачи и насильники... Нашу силу нужно сделать грозной, непобедимой; *ряды восставших солдат должны увеличиться вооруженными рабочими.* Кто не хочет кровопролития, тот должен, прежде всего, думать о вооружении революционного народа. Тогда самодержавие не посмеет послать жалкие разрозненные остатки своей армии на вооруженный победоносный народ. *И эту задачу—вооружение рабочих должны взять на себя товарищи-солдаты*» (курсив мой).

В половине декабря по постановлению Об'единенного Совета была разоружена полиция и жандармы. Однако, разоружение полиции создало ряд затруднений. Не считая возможным возлагать на дружину розыск воров и т. п., так как она лишь с большим напряжением справлялась с охраной города в районе станции и рабочих кварталов, Об'единенный Совет 19-го декабря издал об'явление, в котором, между прочим, говорится, что Совет «берет на себя охрану города для предупреждения грабежей и насилий и защиты свободы собраний, но розыск воров и расследование уже совершившихся краж возлагается попрежнему на полицию и судебных следователей». Часть отобранного оружия—шашки—была даже возвращена полиции. Разоружение полиции было последним актом, который можно еще считать движением Совета вперед, к захвату власти. Вскоре после этого Совету пришлось перейти на положение обороны.

В поисках оружия наша дружина около того же времени, уже без санкции Об'единенного Совета, во главе, если не ошибаюсь, с Костей Кузнецовым, ночью захватила десятка два ружей на небольшом складе на станции Енисей. Но такие скромные результаты, так же, как и оружие, полученное от полиции, не могли, конечно, удовлетворить рабочих.

Громадную и напряженную работу пришлось вести комиссии по контролю над движением поездов. Солдатские эшелоны доставляли не мало хлопот железнодорожникам. Особенно тяжело доставалось машинистам и начальникам станций, к которым солдаты, стремящиеся домой на родину, пред'являли часто совершенно непосильные требования. Иногда эшелоны вступали между собою в спор о том, какой из них должен ехать со станции первым. Расписание поездов вообще нарушилось. Пассажирские поезда продвигались наравне с воинскими. Одновременно приходилось бороться против ложных слухов, распространяемых реакционным офицерством, будто бы быстрому возвращению солдат на родину мешают забастовки рабочих. Борьбой с этой клеветой должен был заняться и Комитет, который выпустил по этому вопросу несколько прокламаций к солдатам проезжавших эшелонов. Наконец, Совет рабочих депутатов через комиссию внутреннего распорядка на предприятиях продолжал попрежнему заниматься дальнейшей организацией рабочих, оказанием помощи более отсталым группам в их борьбе за улучшение экономического положения, разрешением отдельных жалоб и заявлений.

На работу в Совете рабочих депутатов и в комиссии по контролю над движением поездов приходилось тратить не мало времени. Поэтому подготовке выборов в думу руководящее ядро Совета рабочих депутатов и Коми-

тет партии уделяли сравнительно мало внимания. Этим в значительной степени об'ясняется медленный темп работы комиссии по выборам. Первоначально предполагалось, что выборы будут произведены упрощенным способом, и недели через полторы, т. е. к 20-му декабря, будет новая дума. Однако, комиссия по выборам пошла по другому пути. Благодаря включению в состав комиссии самых разнообразных групп конструирование ее шло медленно. Комиссия решила провести перепись населения для учета избирателей; в связи с этим пришлось печатать бланки, искать счетчиков-добровольцев и т. д. Перепись была закончена, да и то, кажется, не везде, лишь в двадцатых числах декабря, перед самым приходом белых шапок.

На каких основаниях была образована центральная комиссия по выборам, я не помню, так как почти не имел времени следить за ее работой и не входил в ее состав. Судя по воззванию к гражданам и гражданкам, изданному комиссией перед началом переписи, кроме представителей партий в нее к тому времени уже вошли представители рабочих, союза приказчиков, учителей, чиновников, почтово-телеграфных служащих, делегаты от торгово-промышленников, торговцев и даже старой городской думы. Должны были войти представители ремесленников и мещанского общества. Здесь интересно будет остановиться на отношении к выборам представителей городской думы и партии «Народной свободы», с одной стороны, и мелкого мещанства—с другой.

Партия «Народной свободы» после некоторых колебаний решилась принять участие в выборах, организуемых Советом, и даже заказала в губернской типографии воззвание к гражданам по поводу выборов. Однако, когда числа 20-го возвратился из Москвы лидер красноярских кадетов Караулов и сообщил, что вооруженное восстание в Москве находится накануне ликвидации, красноярские кадеты забили отбой. 22-го декабря состоялось общее собрание членов партии «Народной свободы». Основной доклад был сделан Карауловым, который резко противопоставил кадетскую тактику тактике вооруженного восстания, проповедуемой социал-демократами. Поддержка выборов в думу была, по его словам, ошибкой со стороны кадетов, так как по существу являлась поддержкой восстания. После речи Караулова кадеты, которые до того времени не решались говорить открыто против переизбрания думы, резко выступили против революционеров и, чтобы оправдать свой внезапный поворот, прибегали к самому грубому извращению фактов. Так, кадет Лаппо заявил, что в последнее время, благодаря разоружению полиции, грабежи и убийства в городе усилились. Между тем было как раз наоборот. И это незадолго перед тем признавали и кадеты, поместившие в своем органе «Голос Сибири» такую заметку:

«Кто поддерживает порядок, кто охраняет город. Власти? Нет. Второй железнодорожный батальон, и он это делает добровольно по предложению рабочих и с согласия горожан, он это делает с большим риском для себя, лишь бы город был в безопасности. Спасибо ему».

На этом знаменательном собрании я присутствовал некоторое время в качестве зрителя. У меня хорошо сохранился в памяти общий тон кадетских выступлений в этот день: некоторые речи в условиях надвигающейся реакции носили прямо погромный характер. Немногочисленная посторонняя публика, присутствовавшая на собрании, наконец, не вытерпела и потребовала себе слова. Ссылаясь на то, что в прениях участвуют только члены партии «Народной свободы», председатель ответил на это отказом. Поднялся шум. Бросив по адресу кадетов несколько негодующих восклицаний, наша публика демонстративно удалилась. Ближайший номер «Красноярского Рабочего»

(номер пятый и последний, вышедший 24-го декабря) был специально посвящен этому собранию и разоблачению предательской роли кадетов в эти дни.

Общее сочувствие идее выборов сбило с позиции и старую городскую думу; последняя также решила послать своих представителей в центральную комиссию по выборам, «чтобы внести некоторый умеренный дух в нее». Но так же, как и партия «Народной свободы», старая дума вскоре же спохватилась и заявила, что она послала своих представителей в центральную комиссию по выборам лишь в целях информации.

Иначе к выборам отнеслось мелкое мещанство. Разложение проникло даже в ряды членов союза «Мира и Порядка». На собрании 20-го декабря, состоявшемся в мещанской управе под председательством Смирнова, члены союза «не отличались единодушием, и клеветнические заявления А. Смирнова встречались неодобрительным ропотом, например, будто охрана, организованная взамен полиции, сама занимается грабежом» («Красноярский Рабочий» № 4). Но особенно характерно отношение к идее выборов мелких базарных торговцев и кустарей-промышленников, расшевелившихся под влиянием нашей агитации против старой думы. Так, 15-го декабря состоялось собрание базарных торговцев и промышленников, которое началось «с выражения благодарности РСДРП и рабочим» («Красноярский Рабочий» № 3). Таким образом, мелкая буржуазия в данном случае встала на путь признания политической гегемонии пролетариата и отвернулась от буржуазных партий. О том, что революционная зараза свила себе довольно прочное гнездо и в этой среде, можно судить еще по следующему факту, относящемуся к более поздней эпохе.

Просидев уже несколько месяцев в тюрьме после ликвидации Красноярского восстания, я был однажды совершенно неожиданно для меня, вызван на свидание, уже после того, как имел свидание с женою. Оказалось, что ко мне пришел один старик, выступавший в дни свободы на митингах и занимавшийся не то мелкой торговлей на базаре, не то рыболовством. Он принес мне в платочке скромную передачу, и первыми его словами после приветствий было: «а у наших настроение твердое».

Чтобы закончить характеристику политических настроений различных слоев населения в этот период, приведу еще один факт. Когда мы были уже осаждены в цехе, в присутствии губернатора Соколовского было устроено заседание городской думы, на котором были и представители легальных политических организаций. На этом заседании взял себе слово член Сибирского областного Союза Макаров и привел в чрезвычайное смущение отцов города, в особенности же губернатора, заявив открыто приблизительно следующее: пока был Об'единенный Совет депутатов от солдат и рабочих, мы чувствовали себя спокойно, а вот теперь, когда власть перешла в руки правительства, в городе начали совершаться насилия над гражданами и участились грабежи.

Таким образом, первоначально на стороне Об'единенного Совета было общее сочувствие, а впоследствии в конце декабря Совет оказался на положении осажденного. Однако, прежде, чем перейти к последним дням Совета, остановимся еще на некоторых моментах деятельности Красноярского комитета партии в этот период. После организации Об'единенного Совета, когда приходилось усиленно ломать голову над тем, как закрепить достигнутые результаты и распространить восстание дальше, нам пришлось заняться полемикой с эсерами. Последние начали в это время устраивать уже свои митинги; таких митингов устроено было в течение декабря, кажется, два. Судя по хронике «Красноярского Рабочего», первый митинг был устроен 14-го де-

кабря, второй и, кажется, последний—17-го декабря. По отчету, помещенному в «Красноярском Рабочем», на втором митинге присутствовало 700 человек.

Как и в октябрьские дни, эсеры занимались на митингах преимущественно изложением своей программы, в особенности же—ее аграрной части, и выпадами на этой почве против социал-демократов. В сибирских условиях того времени полемика по аграрному вопросу обычно принимала отвлеченный и нудный характер, что неприятно действовало на неподготовленного массового слушателя. Это обстоятельство побудило нас на эсеровском митинге 17-го декабря, закончив ответную полемику с эсерами, предложить посвящать митинги преимущественно практическим вопросам дня, а для споров по аграрному вопросу устраивать специальные собрания. Так мы и сделали, и числа 20-го Красноярский комитет устроил в железнодорожном собрании дискуссию по аграрному вопросу после лекции, прочитанной мною в этот вечер*).

Усилилась за это время и издательская деятельность Красноярского комитета. Кроме прокламаций, Комитет начал издавать взамен бюллетеней газету «Красноярский Рабочий». Газета сначала выпускалась в 5.000 экземпляров. Но так как она сильно расходилась, тираж ее был увеличен до 6.000. Распространялась она в городе, на вокзале и среди солдат через бесплатных распространителей-членов нашей технической группы. Первый номер был выпущен вскоре же после захвата губернской типографии, в субботу 10-го декабря; последний, пятый номер вышел 24-го декабря, уже тогда, когда в Красноярск входили «белые шапки». Хотя литераторы у нас в это время имелись, однако, переход от бюллетеней на газету в виду новизны дела потребовал от организации значительного напряжения сил**).

Перед самым рождеством стало известно, что в Красноярск прибудут воинские части (Омский и Красноярский полки), с помощью которых местное начальство надеется подавить восстание. В то же время известия из России говорили о наступлении некоторой заминки в революционном движении: в Петербурге был арестован Совет рабочих депутатов, московское восстание, повидимому, близилось к концу (слухам о полной ликвидации московского восстания, исходящим от кадетов, мы не доверяли). На линии Сибирской железной дороги, если не считать отдаленную Читу, Красноярск находился в одиночестве. При таких условиях оставалось одно: занять на некоторое время выжидательную позицию и сосредоточить все внимание на вооружении рабочих и на агитации среди солдат прибывающих частей. На этот раз наше требование было исполнено, и мы получили, наконец, запасные винтовки солдат железнодорожного батальона, о чем уже упоминалось выше.

Однако, раздавать их открыто рабочим было уже нельзя, и винтовки ночью, тайком, под охраной дружины были вывезены из казарм железнодорожного батальона и спрятаны в надежном месте, чтобы при удобном случае раздать их рабочим.

Об'единенный Совет решил послать агентов на ближайшие станции по направлению к Иркутску, чтобы следить за движением приближающихся

*) Вход на лекцию был частью платный (10 коп.). На лекции присутствовало человек 300, судя по тому, что билетов было продано на 26 руб. 50 коп. (отчет Комитета за декабрь).

**) Кроме меня, в редакционной коллегии участвовали, насколько помню, Мандельберг, Монюшко и Хейсин. Мандельберг принимал участие не во всех номерах, так как вскоре уехал из Красноярска. Первый номер был составлен экспромтом, так как самая мысль об издании газеты возникла у нас вечером восьмого или девятого декабря.

эшелонов, нащупать их настроение и своевременно информировать об этом Совет. Предполагалось устроить солдатам Омского и Красноярского полков торжественную встречу, на подобие демонстрации 9-го декабря. Был выпущен ряд обращений к прибывающим солдатам.

Однако, начальство нас предупредило. Уже утром 24-го декабря в городе появились солдаты Омского полка в своих белых папахах, откуда они и получили свое прозвище «белые шапки».

Как оказалось потом, начальство не стало дожидаться прибытия Красноярского полка, и ночью по льду через Енисей, минуя станцию Красноярск, Омский полк пришел в город. В этот день активных действий со стороны правительственных властей не было предпринято. Начальство ограничилось лишь тем, что заняло входы в Народный дом, где должен был состояться народный суд над черкесом-офицером, ранившим солдата. Ночью город в одной части охранялся солдатами Омского полка, в другой—привокзальной—железнодорожным батальоном. В день вступления в город Омского полка Об'единенным Советом было разослано на ближайшие станции и расклеено по городу обращение к солдатам Красноярского полка, в котором опровергались слухи о том, будто бы рабочие и солдаты намереваются встретить полк враждебно, и сообщалось о намерении Совета устроить торжественную встречу, «если только удастся узнать заранее о дне прихода полка». В том же об'явлении граждане гор. Красноярска приглашались принять участие во встрече в день, который «будет об'явлен особо».

Учитывая создавшееся положение, Красноярский комитет в то же время принимает меры к переходу на нелегальное положение.

26-го в город входят части Красноярского полка, и занимается типография, которую в это время мы, кажется, уже оставили. Во всяком случае арестов при этом никаких не было. Третий день праздников с внешней стороны прошел спокойно: обе стороны нащупывают удобную почву для нападения. В городе властвует правительство; на продовольственном пункте, где находились казармы железнодорожного батальона, и в железнодорожном районе хозяином положения остается Совет. 28-го декабря город Красноярск об'является на военном положении с назначением особого генерал-губернатора—генерала Редько, бывшего до Русско-Японской войны командиром Красноярского полка.

VIII. В «ц е х е».

Вечером 27-го декабря я отправился на продовольственный пункт, чтобы провести собрание солдат железнодорожного батальона. На этом собрании должен был состояться суд над черкесом-офицером, о котором я уже говорил выше. После допроса обвиняемого и выраженного им раскаяния и просьбы простить его запальчивость, солдаты постановили наложить на него, кажется, денежную пеню в пользу пострадавшего. По окончании собрания я беседовал с отдельными солдатами—массовиками и членами солдатского Комитета. Из разговоров у меня осталось впечатление, что настроение в батальоне довольно неопределенное, члены солдатского Комитета пока склонялись к выжидательной политике и никакого выступления не предполагали делать. В это время батальон, вероятно, охотно бы уехал из Красноярска, если бы ему была гарантирована безнаказанность за забастовку и за поддержку революционеров.

Возвратившись к себе домой, я начал писать для нового очередного номера бюллетеня прокламацию на тему «Суд царский и суд народный», взяв за

канву суд над черкесом-офицером. Покончив часу во втором с подготовкой материалов для бюллетеня, я лег спать.

Отдыхать, однако, пришлось недолго. Рано утром, когда было еще темно, раздался стук в дверь. Оказалось, что это пришли ко мне с сообщением, что солдаты железнодорожного батальона перекочевали ночью в сборный цех железнодорожных мастерских. Продовольственный пункт с вечера начали окружать солдаты Омского полка; опасаясь быть отрезанным от рабочих, железнодорожный батальон, по предложению солдатского Комитета, решил двинуться в железнодорожные мастерские. Решение это без особых препятствий удалось осуществить. Солдаты захватили с собою оружие, огнестрельные припасы и денежный ящик.

Поспешно одевшись и поручив жене моей еще раз обыскать мою легальную квартиру, в которой я в это время уже не ночевал, и из'ять там все, что еще могло остаться компрометирующего кого-либо из членов организации, я отправился в мастерские вместе с посланцами. Когда мы приближались к сборному цеху, рабочие уже начали собираться. В темноте видны были группы, тянувшиеся по направлению к проходной будке.

В цехе я нашел Кузнецова, Воронцова, Рогова и других членов Совета рабочих депутатов, которые также были извещены о происшедшем. Цех постепенно наполнялся. К работам не приступали. В разных местах виднелись кучки железнодорожных солдат, окруженных рабочими, которые расспрашивали о случившемся. Разговаривали тихо, и несмотря на то, что в цехе народу набралось уже довольно много, не было шума, обычного для большой толпы.

Наш Комитет и актив был почти в полном составе. Посоветовавшись между собою, мы решили, независимо от того, какой оборот примет дело, принять подготовительные меры. Часть товарищей, главным образом, из боевой дружины, отправилась за ружьями, вывезенными незадолго перед тем из казармы железнодорожного батальона; часть отправилась в город для информации, другіе, не захватившие с собою оружия, но имевшие его, поспешили домой, чтобы принести его в цех. Одному или двум товарищам я передал имеющиеся у меня деньги для закупки провизии. Наконец, начали появляться в цехе и горожане—постоянные участники митингов.

Из переговоров с Кузьминым и другими членами солдатского Комитета выяснилось, что они предполагают отсиживаться в мастерских на случай нападения, находя это огромное здание удобным для целей защиты. Выяснилось также, что солдатский Комитет вообще предпочитает оборонительную тактику, и к наступательному движению на главнейшие пункты города для захвата их относится отрицательно. В общем, стало ясно, что уход с продовольственного пункта был средством вынужденной защиты.

И как всегда бывает в таких случаях, бой приходилось принимать в момент, неблагоприятный для нас. Однако, иного выхода, как попытаться выиграть время, отсиживаясь в мастерских, в надежде, что скоро снова начнется общий под'ем революционного движения, не было. Предавать солдат рабочие не могли. Это был вопрос чести. Предсказывать заранее неуспех оборонительной тактики было нельзя; стоило только в России или по линии Сибирской железной дороги подняться новой волне революционного движения,—и местное начальство снова потеряло бы почву под ногами. Мы могли бы тогда перейти в наступление.

Часов, примерно, в девять состоялось собрание. Кажется, солдаты голосовали отдельно. Рабочие заявили, что при всяком решении поддержат сол-

дат. Без особых прений решено было защищаться до последней крайности. Настроение было торжественное. Молодежь рабочая была полна энтузиазма и веры в успех. По окончании собрания снова принялись за постройку баррикад, начатую уже раньше. Но теперь они уже возникали не по инициативе отдельных групп рабочих, а по известному плану. Об'единенный Совет превращался постепенно в военный штаб.

В цехе было много членов нашей организации. Комитет решил, что часть активных членов организации должна остаться в городе и уйти из цеха. Однако, эпоха была такая, что выпроваживать часто приходилось почти силком. Как пример, приведу Монюшко, который явился в цех вместе со своим сыном. Еще недавно он был только радикалом. Он не хотел уходить, но мы решили, что он будет более полезен в городе; такое же решение было принято по отношению к Хейсину.

Скоро было привезено на нескольких подводах оружие, за которым была отправлена часть рабочей дружины; возвратились и уходившие за собственным оружием. Привезли провиант, хотя и не так много; часть его была закуплена, а часть, кажется, была пожертвована сочувствующим населением.

Сообщение с городом не прерывалось: одни приходили, другие шли за чем-нибудь в город. После полудня стало известно, что цех начинают окружать правительственные войска. Часть присутствовавших, главным образом, лица, не имевшие оружия, и женщины поспешили уйти.

Осталось сначала в мастерских, повидимому, человек до 700-800, преимущественно рабочих и солдат железнодорожного батальона. Последних было сотни две-три. Подавляющее большинство осталось сознательно; лишь отдельные лица остались случайно, не успев уйти. Среди оставшихся был санитарный отряд учениц фельдшерской школы во главе с доктором Пальмовым*).

Когда баррикады не были еще вполне готовы, часть дружины начала обучаться стрельбе из винтовок, с которыми не все умели обращаться. Дружинники выстраивались в средине сборного цеха в одну шеренгу человек в 12. Солдат железнодорожного батальона, стоя против шеренги, об'яснял, как надо закладывать патроны и спускать курок, и проделывал соответствующие операции. Вслед за ним то же проделывала шеренга. Потом начинала обучаться следующая партия и т. д. Часть обучалась у товарищей в одиночку. В самом же начале обучения произошел несчастный случай. Так как манипуляции проделывались с холостыми патронами, то особых мер предосторожности не принималось. Однако, у одного из дружинников в ружье оказался заряженный патрон, и когда он спустил курок, раздался выстрел, и стоявший против него солдат, смотревший на обучение, был убит наповал. Случай этот произвел тяжелое впечатление, но быстро изгладился в водовороте последующих событий.

Около того же времени, когда уже стало известно, что нас начинают окружать и провианта больше подвезти не удастся, дружинники захватили гулявшую поблизости корову, потерявшую свой двор. На дворе железнодорожного училища, покинутого жившими там учителями, в погребе была найдена бочка капусты. Реквизировали и капусту. Этот провиант впоследствии оказался для нас далеко нелишним. Наступали сумерки. Мы были отрезаны от города. Однако, кольцо солдат, окружавшее нас, еще не было достаточно плотно. Пользуясь наступившей темнотой, еще можно было выбраться из цеха

*) Последний, впрочем, явился к нам, кажется, позднее с одной из делегаций от горожан (см. ниже) и остался.

и проскользнуть в город. Часть осажденных, не предполагавших оставаться в цехе, или оставшихся без оружия, воспользовалась этим, наши часовые не были также достаточно хорошо расставлены. Несколько человек ушло из цеха, по поручению Комитета, для связи с городом.

Хотя наступил уже вечер, в нашей крепости было светло. Электрический цех и котельная находились в одном здании со сборным цехом. В нашем распоряжении было поэтому и электричество и паровое отопление. Опасность грозила лишь в том случае, если бы нас отрезали от воды, которая подавалась из вагонного цеха, находившегося в другом конце двора на значительном расстоянии. Необходимо было поставить крепкую охрану в вагонном цехе. Но большой отряд поставить там нельзя было, так как это ослабило бы защиту главного здания, которое со всеми выступами имело, кажется, около одной версты в окружности. Между тем, необходимо было охранять еще двухэтажное здание модельного цеха, расположенное около главного здания и удобное, как наблюдательный пункт и место, откуда можно было стрелять на далекое расстояние, поэтому в вагонном цехе поставлен был лишь небольшой караул.

Чтобы сделать нападение на вагонный цех невыгодным для противника, мы в тот же вечер связались по телефону с вокзалом и заявили, что электричество будет подаваться на станцию, чтобы не затруднять движения возвращающихся с войны эшелонов, при условии, если на нас не будет сделано нападения. В противном случае станция будет оставлена без света, а ответственность за задержку поездов будет лежать на нападающей стороне. Одновременно были по телефону переданы и требования осажденных в цехе. В этот день военное начальство еще не приняло всех мер для изоляции осажденных, и на телефонной станции, кажется, продолжали еще сидеть железнодорожные служащие, сочувствовавшие нам. Требования осажденных, таким образом, могли быть сообщены и в город. Впоследствии был поставлен военный контроль над телефоном, и наши разговоры со станцией, кажется, больше уже не возобновлялись.

Требования осажденных были через несколько дней опубликованы Красноярским комитетом партии и распространялись по городу и среди солдат в форме письма осажденных, написанного, повидимому, кем-то из солдат железнодорожного батальона. Они сводились к следующему: 1) Освобождение всех запасных солдат и подлежащих запасу. 2) Увольнение и отправка на родину всех солдат, которые не приписаны к Красноярскому гарнизону. 3) Немедленная отмена военного положения. 4) Снятие осады с мастерских и удаление войск.

30-го декабря цех посетила, с разрешения Редько, делегация кадетов. Целью их посещения было уговорить осажденных сдаться. По словам делегатов, Редько обещал не арестовывать никого из «штатских», в отношении же военных приложить все меры к тому, чтобы участь их была смягчена. Все оружие должно быть сдано. Делегаты сообщили, между прочим, о полной ликвидации московского вооруженного восстания. Однако, так как сообщение исходило от Караулова, участвовавшего в делегации, то мы отнеслись к нему с некоторым недоверием.

В воспоминаниях К—ва в «Былом», очевидно, на основании информации, полученной от делегатов, дело изображалось так: Совет принял их в своей комнате, при чем двери были плотно заперты. С массой делегатам не было разрешено говорить. Если бы делегатам удалось поговорить с массой, то, по

мнению их, исход их переговоров был бы иной; им, вероятно, удалось бы убедить осажденных не идти на бесполезное кровопролитие.

В действительности, Совет не имел особых оснований бояться влияния делегатов на массу осажденных. Совет просто считал лишним открывать дискуссию по вопросу, решенному несколько дней тому назад. Тот факт, что во время шествия делегатов по сборному цеху их окружали часовые плотным кольцом, не давая им возможности говорить с отдельными солдатами-массовиками, об'ясняется тем, что дружина, сопровождавшая делегатов, старалась не дать им возможности рассмотреть подробности укрепления мастерских. Когда было сообщено о приходе делегатов, то возникал даже вопрос, не вести ли их с завязанными глазами по цеху.

В воспоминаниях П. К—ва отмечается далее, что на их приветствия осажденные отвечали, в разговоры же не вступали. «Здесь тоже чувствовалась военная дисциплина»,—замечает К—ов. В действительности, такое отношение к делегатам проявилось совершенно инстинктивно. Делегатов изолировал от «массы» не Совет, а те же массовики-дружинники.

На сдачу Совет не пошел, так как, если бы обещания свои Редько даже и исполнил и рабочие свободно разошлись по домам, то участь солдат оставалась неопределенной. Помимо этого, сдаваться раньше, чем к этому мы будем вынуждены необходимостью, было нецелесообразно уже и потому, что не исключена была возможность изменения общей политической ситуации и постепенного разложения осаждающих нас войск под влиянием агитации и нежелания сражаться со своим же братом-солдатом. На предложение делегации избрать представителей от рабочих для личных переговоров с губернатором (с делегатами солдат Редько не считал возможным разговаривать)—рабочая часть Совета ответила категорическим отказом, заявив, что свою судьбу они не отделяют от судьбы солдат*). Тогда по просьбе членов делегации Совет формулировал те условия, при которых солдаты и рабочие согласились бы оставить мастерские. Требования эти, которые рабочая часть Совета предложила сформулировать делегатам от солдат, повторяли почти без изменения прежние требования, сообщенные по телефону на станцию в начале осады мастерских: 1) снятие осады и свободный пропуск рабочих по домам и солдат по казармам; 2) роспуск запасных; 3) снятие военного положения. С такими же результатами ушла от нас делегация от областников, посетившая нас на следующий день, хотя их сообщениям о ликвидации московского восстания и информации об общем политическом положении мы доверяли больше, чем сообщениям делегации от партии «Народной свободы».

Чтобы облегчить дальнейшее изложение, ниже помещается схематический чертеж главных мастерских и прилегающего к нему района (железная дорога в этом месте делает загиб и идет почти по направлению юго-север).

---

*) В статье П. К-ва говорится: «Под конец беседы Совет просил передать ген.-губернатору, что осажденные первыми стрелять не будут и что доведенные до крайности они взорвутся на воздух». Любителей взорвать самих себя среди членов Совета, конечно, не было, но у Кузьмина, действительно, вырвалась такая громкая фраза, соответствующая вполне его склонности и тактике пассивного сопротивления. Недаром делегаты на заседании городской думы во время доклада «о результатах своей миссии» говорили о Кузьмине «не иначе, как в восторженных выражениях, и называли его рыцарем» («Былое». Июнь, статья П. К-ва).

Иркутск
театр
сарай
проходная
котельно-медницкий цех
дом
сад
паровозо-сборный цех
электр. станц.
литейный
кузнечный
механический цех
модельное
больница
Двор школы
проходная №1
колесный цех
малярное отд.
вагонный сарай
вагонный цех
Россия
План
Красноярских мастерских
1905 г
Масштаб 1/2000 н.в.
Обозначения
Пути
Водопровод
Забор.

В первые дни мы имели возможность вести разговоры с осаждавшими нас солдатами. Беседы эти велись через забор, отделявший железнодорожную школу и театр (жел.-дор. собрание) от сборного цеха. Часть осажденных разговаривала с солдатами, сидя на заборе, другая—стоя у забора на кучах снега. Солдаты правительственных войск стояли на дворе школы и театра и оттуда подавали реплики. Главный спор шел о царе. Впоследствии военное начальство стало ставить препятствия этим беседам, справедливо опасаясь неприятных для него последствий общения их солдат с осажденными.

Менее благоприятны были условия для устной агитации на пространстве, отделявшем проходную будку № 2 и восточный выступ сборного цеха вблизи линии железной дороги (верхняя правая часть чертежа). Здесь перекидывались лишь отдельными фразами, так как осажденные от осаждающих были отделены более значительным пространством. Однако, и здесь, смотря по составу караула, удавалось иногда беспрепятственно подходить к проходной будке и вести разговоры с караулом.

На этом пространстве со следующего же дня начали происходить довольно забавные сцены. Из проезжающих поездов, которые шли около самого забора, поездные бригады нам начали перебрасывать провизию. Иногда ковриги хлеба бросали нам сочувствующие солдаты и пассажиры, едущие в поезде; но в большинстве случаев это было регулярное снабжение, производимое Красноярским комитетом через железнодорожных рабочих, оставшихся на «воле». С высоты тендера или паровоза удавалось перебрасывать через забор довольно большие мешки хлеба, мяса и т. д. У выступа всегда стоял наш караул, следивший за поездами, чтобы в случае необходимости позвать дружинников на помощь для быстрого перетаскивания в цех переброшенных припасов. Однако, собравшимся дружинникам приходилось изредка возвращаться и с пустыми руками. Часть провизии иногда не перелетала через забор или падала далеко от нашего выступа, вблизи проходной будки, где находился караул осаждавших войск. Тогда к упавшим мешкам бросались не только осажденные, но и солдаты караула. Перестрелки в эти дни еще не было, и все обходилось довольно мирно. Сторона, которая раньше другой добегала до добычи, овладевала ею и с торжеством возвращалась к себе. Весть о каждой новой партии провианта, доставленной железнодорожниками, быстро разносилась среди осажденных и вливала в них бодрость и надежду на успех. Благодаря такому снабжению, пополнявшему наши запасы, недостатка в провизии в первые дни осады не ощущалось. Впоследствии, когда за паровозными бригадами был установлен надзор со стороны правительственных войск, доставка провианта почти прекратилась, и нам пришлось резко сократить выдаваемые порции пищи. Суп стал выдаваться по чайному стакану или чашке в день; сокращены были и порции хлеба. Несколько выручала мука, привезенная, кажется, солдатами железнодорожного батальона. На нашей «батальонной кухне», находившейся в кузнечном цехе, делали из муки тесто и раздавали его желающим дружинникам и солдатам для выпечки лепешек. Лепешки пекли чуть ли не на машинном масле—на самодельных железных листах в тех цехах, где земляной пол позволял разводить костры (сборный, кузнечный и друг.).

Здесь кстати будет упомянуть о нашем главном поваре—старушке Сисиной, которая явилась в цех вместе со своей восемнадцатилетней дочерью Лелей. Почти весь день проводили они без отдыха в кузнечном цехе, занима-

ясь приготовлением пищи, мытьем посуды и т. д. Работать им приходилось, вероятно, больше, чем всем другим.

Сокращение порций произведено было, если не ошибаюсь, с 1-го января, а накануне, т. е. 31-го декабря осаждавшие войска заняли вагонный цех и отрезали нас от водопровода. Однако, 1-го января паровой котел еще, кажется, работал, хотя и с пониженным давлением, расходуя небольшой запас воды, имевшейся в нашем распоряжении. В сборном цехе стояло около десятка паровозов; два из них удалось наполнить водою уже после занятия вагонного цеха осаждавшими, пока еще не был перерезан водопровод, соединявший вагонный цех с главным зданием мастерских. Возможно, что память мне изменяет здесь, и за совершившийся факт я принимаю мой разговор с дружинниками о необходимости использовать паровозы, как баки для воды, разговор, который я очень хорошо помню. Встает также в памяти, как дружинники протягивают к паровозам рукава и как два паровоза, стоящие у прохода из токарного (механического) цеха в сборный, наполняются водой. Смутно мне вспоминается также, как в эти же дни дружина спешно перетаскивала каменный уголь к кочегарке, повидимому для того, чтобы обеспечить обогревание котла (кучи угля лежали между вагонным и модельным цехом).

Во всяком случае, в ночь на новый год наша крепость еще отоплялась и освещалась; иначе бы встреча нового года не была отпразднована с таким под'емом. Правда, не все могли одновременно принять участие во встрече нового года, собрались лишь те, кто в это время не был на карауле. Устроились в коридоре, соединявшем сборный и токарный цех. Вместо трибуны служил шкаф с делами, находившийся тут же в коридоре. «Оратор» с помощью лесенки взбирался на шкаф, усаживался там, свесив ноги и подогнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, и произносил приветственную «р е ч ь». Настроение присутствовавших было бодрое: едва-ли кто-нибудь за стенами цеха проводил в это время так оживленно и дружно встречу нового года. После кратких приветствий, чередовавшихся с революционными песнями, начали «спивать» украинские и русские народные песни. Пели недурно; среди железнодорожных солдат были прекрасные певцы-украинцы. Некоторые не утерпели и пустились в пляс.

День нового года, однако, принес нам неприятности; были, как уже было сказано, сокращены пайки. Лучше обстояло дело с отоплением, несмотря на тридцатиградусный мороз на улице. В котельной лишь уменьшили давление пара; отопление, поэтому, хотя и ослабело, но не прекратилось, и даже в ночь на 2-е января паровые трубы еще давали некоторое количество тепла. Тем не менее чувствовалось, как с каждым часом температура понижается, а сердце цеха—паровой котел—прекращает свою деятельность. На станции железной дороги, на которую мы перестали подавать электричество, царствовал мрак.

Занятие вагонного цеха было лишь началом активного выступления правительственных войск против нас. Около полудня 2-го января по цеху была открыта стрельба из ружей и пулеметов. Стреляли со стороны тюрьмы и с противоположной стороны, через забор, идущий вдоль пути от железнодорожного театра по направлению к проходной будке № 2. Впоследствии, когда после сдачи нас вели в тюрьму по этому пути, я видел массу дыр, просверленных в заборе для стрельбы. Стреляли и со стороны проходной будки в пространство между котельным цехом и выступом. Здесь стоял паровоз, служивший вместе с грудой железного лома естественной баррикадой. Так как это место не считалось особенно опасным для нападения, на его укре-

пление не было обращено достаточного внимания. Было упущено из виду, что паровоз, защищая верхнюю часть туловища, оставляет открытыми ноги. Этим следует об'яснить тот факт, что почти все случаи ранений наших дружинников произошли на этом пункте в самом начале перестрелки.

Внутри цеха мы были почти недосягаемы для пуль, так как окна на довольно значительную высоту были заложены железными и чугунными плитками. Когда в самый разгар стрельбы, чтобы узнать, как идут дела, я проходил вдоль сборного цеха, который был главной мишенью для обстрела наряду с верхним этажом модельного цеха, мне даже не приходило в голову, что здесь можно быть подстреленным. На возгласы дружинников, засевших за паровозами: «Александрыч, убьют ведь», я шутливо отвечал, что этого не может быть, ссылаясь на теорию вероятности. Действительно, хотя пулеметы беспрерывно рассыпали по крыше сборного цеха свою мелкую дробь, проникавшую через верхние части окон, а им вторили пули, производя сильный треск при ударах о стропила, железные колонны и верхушки паровозов, нижняя половина цеха оставалась вне прямого действия пулеметного и ружейного огня. Опасность грозила лишь от рикошетов, но сила их внизу, в большинстве случаев, была не велика, и здесь, главным образом, падали мелкие осколки. Поэтому, хотя трескотни было много, никто внутри цеха, насколько помню, не пострадал.

С нашей стороны наиболее удобным пунктом для стрельбы был второй этаж модельного цеха, господствовавший над прилегавшей с этой стороны частью города. Отсюда, повидимому, были убиты нашими дружинниками два казака, о которых упоминалось впоследствии в обвинительном акте. Перестрелка продолжалась несколько часов. Наконец выстрелы стали становиться все реже и реже, и в четвертом часу пополудни стрельба совершенно прекратилась. С нашей стороны было легко ранено человек восемь; со стороны осаждавших, по данным обвинительного акта, было убито два казака. К вечеру к нам явилась делегация для переговоров. От имени генерал-губернатора Редько она предлагала сдаться приблизительно на тех же условиях, как и раньше: штатские осажденные при выходе сдают оружие и расходятся по домам, дальнейшая судьба их будет зависеть от следственных властей; солдаты подлежат аресту, но Редько берет на себя обязательство ходатайствовать о смягчении их участи.

Удалив на время городских делегатов, Совет устроил заседание. Положение наше в это время было таково. От города мы были теперь уже отрезаны, и доставка провианта с поездов прекратилась. Во время перестрелки были выбиты оконные стекла во всей северной части главного здания, начиная от сборного цеха; стояли сильные морозы, и поэтому цех быстро охлаждался. Грелись или около костров, или шли в токарный и электрический цех, куда холод еще не проник. Запасов провианта при самых уменьшенных порциях могло хватить дня на два. Сообщения из других городов не позволяли надеяться на быстрое изменение политической кон'юнктуры в благоприятном для нас направлении.

Сначала было спрошено мнение представителей солдат, так как им грозило наиболее тяжелое наказание. Солдаты высказались за сдачу. Тогда созвано было общее собрание в сборном цехе, где, кажется, вопрос о сдаче также сначала был поставлен на разрешение солдат железнодорожного батальона. Когда солдаты высказались за сдачу, то к этому решению присоединились и остальные осажденные. Решение было сообщено делегатам, и они удалились. Среди солдат были лица, лишь недавно приобщившиеся к револю-

ционному движению. Поэтому, когда был решен вопрос о сдаче, я от имени Совета выступил с небольшой речью, указав, что нет особых оснований для уныния и разочарования; за это говорит весь опыт революционных движений.

Незаметно наступил зимний вечер. Изголодавшиеся, утомленные и иззябшие дружинники и солдаты разводили костры, чтобы согреться, вскипятить чай и заняться выпечкой лепешек. Последние остатки провианта были уничтожены. Совет не стал этому противодействовать, так как сдача была неизбежна.

Ночью бежал Кузьмин и часть членов солдатского Комитета и представитель Комитета эсеров. Я решил остаться, полагая, что первое время мое присутствие, как председателя Совета рабочих депутатов, будет очень полезно, особенно для массовиков-рабочих, не искушенных в политике. Того же мнения держались и члены Совета рабочих депутатов. Тем же путем, каким ушел Кузьмин, была переправлена и часть дружинников.

IX. Ликвидация восстания. В тюрьме.

На следующий день часов в 10 явилась городская делегация и сообщила, что Редько, ссылаясь на предписание центральных властей, изменил условия сдачи: аресту должны быть подвергнуты не только военные, но и «штатские». Другого решения от правительственных властей нечего было и ожидать. Перерешать вопрос о сдаче все-равно было поздно, не было даже провианта.

До начала сдачи удалось ускользнуть еще нескольким рабочим и учащимся, чуть ли не при содействии некоторых членов городской делегации, которая на этот раз была в расширенном составе. Солдаты, присутствовавшие при сдаче, не знали никого в лицо, да и вообще не очень строго следили за тем, кто выходит из цеха.

Часов в 12 или в час мы начали выходить через проход между котельным цехом и выступом сборного цеха и сдавать оружие; солдаты слегка обыскивали нас, щупая карманы, после чего мы направлялись к проходной будке, где и дождались остальных товарищей, еще не вышедших из цеха. Когда я выходил, на снегу уже было набросано две порядочных кучи ружей и револьверов. Железнодорожные солдаты вышли раньше нас, отдельно.

Следует заметить, что сдано было далеко не все оружие. Некоторое количество его удалось спрятать в разных местах главного здания, в литейном цехе и т. д. Это было сделано накануне ночью, а частью утром, пока еще не пришли делегаты. В большинстве случаев оружие закапывали в земле, но применялись и другие способы. Так, в котельном цехе с десятка полтора-два ружей забросили на железные стропила, скреплявшие крышу.

Когда сдача оружия закончилась, часть охраны отправилась в цех, чтобы посмотреть, не остался ли там кто-нибудь из повстанцев, а мы под конвоем остальных вышли через проходную будку и зашагали по направлению к тюрьме. На заборах, окружавших проход, ведущий к железнодорожной школе, восседало несколько десятков кубанских казаков в своих красных папахах и пускали вслед нам иронические замечания: «довоевались-де, голубчики». Наш конвой нервничал и вел нас очень быстро; многие, особенно женщины, едва поспевали за ним. Избиений, впрочем, не было; но в отдельных случаях некоторым из арестованных попало прикладом. Вообще же сопровождавший нас конвой враждебного отношения к нам не проявлял.

Вот миновали жел.-дор. школу, где недавно собирался Совет рабочих депутатов и устраивались партийные собрания. Теперь там водворился один из осаждавших нас отрядов, и, как потом передавали, все имущество школы

было разгромлено. За школой открылась тюремная площадь. Площадь и прилегающие улицы были усеяны многочисленными группами рабочих и горожан. Привлекало их не любопытство, а сочувствие арестованным. Некоторым из нас удавалось на ходу перекинуться с ними отрывочными фразами, получить информацию, провизию, послать приветствия.

В виду значительного скопления арестованных нас не стали переписывать в конторе тюрьмы, а сразу с тюремного двора повели в верхний этаж главного тюремного здания, где и разместили по камерам. Рассаживали по камерам, как попало, не считаясь ни с кубатурой, ни с квадратурой. Камеры были переполнены. Так, в одиночке, в которой мне пришлось ночевать в эту ночь, нас был круглый десяток: А. Рогов, М. Шумяцкий. Розеншток и др. Ни кроватей, ни стульев не было. Разлегшись поперек камеры на полу рядом друг с другом, головой к одной стене, ногами упершись в другую, мы заняли почти все пространство. Около каждой камеры был поставлен солдат с ружьем. Скоро хожалые (уголовные арестанты, разносящие кипяток и обед) принесли в кадках чай. Согревшись и подкрепившись чаем, мы снова разлеглись на полу и, несмотря на неудобство нашего ночлега, быстро заснули.

Через некоторое время начались допросы; часть арестованных была выпущена. Стало просторнее; в одиночках сидело уже не по десяти, а по два, по три человека; были устроены брезентовые койки. Я перешел из одиночки в общую камеру, где сидели знакомые железнодорожные рабочие. С первых же дней начали устраиваться побеги. В это время бежать было довольно легко. Уходили, как это ни странно, переодевшись в арестантское платье, под видом хожалых, во время разноски кипятку и обеда. Брали на плечи пустые ушаты и выходили в кухню, находившуюся на внешнем дворе. Отсюда уже нетрудно было проскользнуть за ворота вместе с публикой, приходившей массами на тюремный двор. Так убежало человек десять, если не более, среди них Б. Шумяцкий, С. Бродский и др. Следует заметить, что камеры на день вскоре же перестали запирать ввиду переполнения тюрьмы. Впоследствии мы добились того, чтобы нас не запирали и на ночь. Были убраны и солдаты, стоявшие у дверей каждой камеры. И весь верхний этаж был оставлен на попечение пары надзирателей, стоявших у выходных дверей.

Неожиданный наплыв массы арестованных застал врасплох тюремную администрацию. Этим, главным образом, и об'ясняется, почему первые побеги проходили особенно удачно. Однако, через некоторое время администрация навела некоторый порядок и под видом хожалых уходить было уже нельзя. Но тогда заключенные придумали новый, еще более оригинальный способ побега—под видом караульных солдат. Последних в то время было очень много, они массами приходили к нам в верхний этаж, принося передачу. Сначала уходили под видом солдат, приносящих передачу, а потом, когда бежать таким способом стало затруднительно, было сделано несколько попыток уходить тотчас после вечерней поверки вместе с караульными солдатами, расставлявшимися у дверей каждой камеры, пока проходила поверка. Отдельные солдаты караула задерживались после поверки и уходили позднее других. Под видом таких запоздавших солдат попытались выходить и заключенные, в том числе и солдаты железнодорожного батальона. Однако, последний способ на первых же порах потерпел неудачу.

Двое заключенных уже сошли на внутренний двор тюрьмы, но здесь были задержаны солдатами караула в воротах, ведущих во внешний двор. После этого надзор над тюрьмой был усилен, и побеги на время прекратились.

Для характеристики тюремных порядков этого периода приведу еще один факт: чтобы обеспечить возможность побега нескольким товарищам, которые должны были бежать в ближайшие дни, мы решили скрыть побег одного заключенного, ушедшего под видом солдата, принесшего передачу. В течение нескольких дней во время вечерней поверки на его кровати клали чучело, изображавшее человека, спящего не раздевшись, с головой закутанного одеялом. Из-под одеяла торчали лишь одни сапоги. Эта мистификация так и не была обнаружена. Когда через несколько дней «засыпались» упомянутые выше двое заключенных при попытке выйти с караульными солдатами, о которой я только что говорил, скрывать побег уже не было смысла. Трудно описать изумление администрации, когда при следующей поверке она обнаружила исчезновение еще одного заключенного.

«Мы ничего не понимаем, через трубу что ли у вас улетают»,—говорил мне начальник тюрьмы, вызвавший меня к себе, как старосту, по поводу этого «нового» побега.

Вообще в течение первых месяцев убежало разными способами десятка два-три заключенных.

Обращаюсь к внутренней жизни заключенных. После побегов первых дней и освобождения части арестованных дальнейшее разрежение тюрьмы происходило уже более медленным темпом вплоть до окончания судебного следствия. Состав заключенных стал сравнительно устойчивым. Жизнь в тюрьме в это время не была монотонной. Революция еще не была подавлена, и это отражалось и на тюрьме. Как я уже говорил, камеры не закрывались даже на ночь, и мы могли свободно общаться между собою. Было также сношение и с городом. В камерах велись постоянные политические беседы и совместное чтение газет и книг. Молодежь вместо отдыха устраивала маршировки по коридорам с пением революционных песен, готовясь к будущим сражениям. Из сломанных рам брезентовых коек устроили деревянные ружья. В такие дни, как день Парижской коммуны и 1-е мая, устраивались общие собрания и читались доклады, посвященные значению этих праздников. Неграмотные рабочие засели за букварь. Тюрьма была обращена в школу.

Менее интенсивной политической жизнью жили солдаты железнодорожного батальона, сидящие под нами во втором этаже. Среди них почти не было никого, кто мог бы содействовать их политическому воспитанию. Раза два, сговорившись с надзирателем, мне, впрочем, удалось пробраться к ним и устроить с ними беседу на политические темы.

Через некоторое время у нас образовался свой «драмкружок»; ставились спектакли в свободной камере, предназначенной для тюремной школы. Так как главными актерами были украинцы, то шли, преимущественно, украинские водевили. Сдвинутые длинные большие столы превращались в возвышение для сцены. В антрактах играл «оркестр» на самодельных инструментах: гребенках, деревянных ложках, бумажных трубах и т. п. Брезентовая койка заменяла большой барабан. Спектакли охотно посещали и солдаты караула, охранявшего тюрьму.

Допросы начались, как я уже говорил, вскоре же после заключения нас под стражу. Следствие вел гражданский судебный следователь по особо важным делам. Когда началось следствие, все уже были достаточно подготовлены к тому, как держать себя. Было условлено, что заключенные будут или совершенно отказываться от показаний, или под разными предлогами уклоняться от сообщения сведений о том, что было в цехе до начала осады. 7*

Нельзя пройти молчанием тот факт, что из нескольких сот допрошенных рабочих, сидевших в тюрьме и даже оставшихся на воле, не оказалось *ни одного доносчика*. Следователю так и не удалось установить на основании допросов заключенных ни одного «вожака» и «подстрекателя». А между тем среди арестованных многие еще совсем недавно стали жить политической жизнью. Из организованных товарищей многие совсем отказались от показаний.

Когда кончилось следствие, следователь в течение нескольких вечеров читал нам результаты следствия, чтобы дополнить его замечаниями и возражениями с нашей стороны. Однажды, по окончании чтения, в разговоре с нами он с гордостью указал на два или три толстых тома «Дела о вооруженном восстании в гор. Красноярске» и совершенно неожиданно для нас признался, что показания были очень удачны, на основании только их одних невозможно кого-либо выставить в качестве «подстрекателя» и т. п. «А вот почтово-телеграфные чиновники» (сидевшие в другом корпусе, отдельно от нас, за почтово-телеграфную забастовку), — добавил он,—«столько наговорили лишнего, что пустяшное дело превращается в очень серьезное».

Чтобы закончить о показаниях заключенных, замечу, что солдаты железнодорожного батальона также держались некоторой определенной тактики на допросах, но несколько иной. Не выдавая никого из лиц, сидевших в тюрьме, они решили в некоторых случаях ссылаться на распоряжения Кузьмина и других членов солдатского Комитета, успевших убежать.

Когда следствие закончилось, я и ближайшие мои товарищи решили, что теперь необходимо усиленно готовиться к побегу. Значительная часть арестованных была к этому времени уже освобождена; в отношении других нельзя было ждать серьезного наказания. Сильно «замазанных» членов Красноярского комитета и Совета рабочих депутатов оставалось немного. Им и необходимо было, прежде всего, устроить побег.

В апреле—мае были сделаны попытки организовать массовый побег. Первый опыт такого побега был предпринят, кажется, в первой половине апреля: был проведен подкоп из больничного барака, где в то время собралось десятка два заключенных по делу о Красноярском восстании. Однако, накануне самого побега, когда оставалось пройти лишь наружную стену, подкоп был обнаружен совершенно случайно тюремной администрацией.

Скоро был придуман другой план массового побега—из главного тюремного корпуса. Предполагалось уйти следующим образом: в коридоре верхнего этажа было двое дверей, ведущих вниз, на внутренний двор тюрьмы: у одной стоял надзиратель, другая же запиралась изнутри на замок и никем не охранялась. Дверь эта находилась в тупом выступе коридора, вне поля зрения надзирателя; через нее-то мы и предполагали выйти из тюрьмы на внутренний тюремный двор, пользуясь приготовленной для этой цели отмычкой. Но надо было еще изыскать выход из двора; это сделать было гораздо труднее. Здесь ходил солдат-часовой, караул стоял снаружи двора. Если бы даже удалось застигнуть врасплох внутреннего часового, то наружные часовые успели бы поднять тревогу и всех перестрелять, пока мы перелезали через высокую стену. Поэтому был намечен другой выход—через двойные железные ворота, ведущие в наружный двор, откуда выйти было уже сравнительно легко. В пространстве между воротами сидел надзиратель-привратник; так как ворота, обращенные к нам, были из железных прутьев, то со двора и крыльца тюрьмы можно было наблюдать все, что делал привратник.

К воротам также удалось подобрать ключи, заказав их в железнодорожных мастерских по восковым слепкам. Часового должны были усыпить с воли в вечер, назначенный для побега. Отперев ворота с помощью подобранного ключа, мы предполагали выйти на наружный двор и захватить врасплох часового, стоявшего недалеко от ворот. После этого оставалось только перелезть через невысокую решетку, отделявшую двор от тюремной площади, или же выйти в ворота, если бы удалось захватить ключи у привратника наружных ворот. На худой конец, если бы даже поднялась тревога, большинство участников побега все-таки успело бы перескочить через решетку и скрыться в темноте; часть же, конечно, рисковала быть подстрелянными. Чтобы лучше обеспечить проход через ворота, один из участников должен был быть одет в форму надзирателя.

Однажды ночью, в конце апреля или начале мая, мы предприняли первую попытку бежать таким образом. Благополучно мы вышли из верхнего коридора, в количестве человек 15-20, и гуськом на цыпочках стали спускаться по лестнице, ведущей вниз, к крыльцу. Впереди шел Г. Бондарь в форме тюремного надзирателя с кабуром, привязанным к поясу. Когда мы спустились вниз, он направился к решетчатым дверям; надзиратель дремал, часового не было видно. Все шло хорошо, но... ключ не подошел к замку.

Сделав несколько попыток открыть замок, Бондарь принужден был вернуться к нам, и тем же порядком, гуськом, мы поспешно поднялись по лестнице вверх и возвратились в свои камеры. Замечательно, что, когда Бондарь уже уходил, его, кажется, заметил солдат-часовой, подходивший в это время к нашему углу двора, но не обратил на него никакого внимания, приняв за надзирателя.

Совершенно аналогичным образом мы совершили путешествие вниз по лестнице в другую ночь, примерно, через неделю, но столь же безрезультатно. На этот раз привратник не спал; пришлось отказаться даже от испытания пригодности нового ключа, присланного с воли. Была сделана еще и третья попытка уйти таким же способом, но я уже в ней не участвовал. Она также не имела успеха.

После этого мысль об организации массовых побегов была оставлена. Стали устраиваться побеги одиночные или мелкими группами. 26-го мая был устроен побег мой и Бондаря во время свидания.

На свидание ходило сразу человек десять-одиннадцать в сопровождении десяти казаков. Со двора мы подымались по крыльцу в узкий коридорчик, где можно было идти только по одному в ряд. Уйти, казалось бы, было невозможно, но здесь оправдалась пословица: «у семи нянек дитя без глаза». Конвой пускал одного казака вперед, за ним шли все десять заключенных, остальные казаки продолжали стоять у крыльца, пока все заключенные входили в коридор. В свидальной комнате, разгороженной на две половины двойной решеткой, заключенных окружали казаки, и мысль о возможности побега даже не могла придти им в голову. В коридорчик, между тем, была дверца, ведущая в комнату, где родные и знакомые заключенных ожидали своей очереди на свидание. В день, на который был назначен наш побег, туда нарочно было послано побольше высокорослых юношей, чтобы загородить дверцу от часового, стоящего в ожидальной; часового отвлекли разговорами и расспросами; дверь в коридор была открыта специально изготовленным для этого ключом.

Мы с Бондарем шли в середине кортежа, и поэтому наше исчезновение через дверь коридора не было замечено казаками. Из ожидальной комнаты

мы вышли на наружный двор, прошли беспрепятственно через ворота, как посетители, сели на приготовленную лошадь и через несколько минут были в полной безопасности. Побег наш был обнаружен лишь тогда, когда надзиратель верхнего коридора стал принимать от казаков заключенных, возвратившихся со свидания.

Незадолго до этого бежал среди бела дня А. Рогов, прямо с наружного двора через тюремные сараи и амбары. Вскоре после моего побега, кажется, через подкоп, «амнистировался» И. Воронцов; затем убежал и К. Кузнецов. Последний бежал еще отчаяннее Рогова, на глазах двух конвойных, сопровождавших его в город к следователю. Повалив часовых, он побежал, и, несмотря на погоню, успел скрыться. Это была, кажется, третья попытка побега с его стороны; первые попытки кончались неудачей.

Пробыв около месяца в Красноярске на карантине, пока не прекратятся усиленные поиски на железной дороге и в окрестностях Красноярска, я выехал в Самару; однако, здесь я вскоре же был арестован и после почти полуторагодичного предварительного заключения осужден на восемь лет каторги, как член Самарской окружной организации РСДРП. Поэтому, мне не пришлось участвовать в процессе по делу Красноярского восстания.

Суд над красноярскими повстанцами происходил в январе 1907 г. в самом здании Красноярской тюрьмы. Суд был военный; однако, приговоры были не так суровы, как этого можно было ожидать, судя по аналогичным процессам в других городах.

Очевидно, на суд оказывала влияние общая атмосфера сочувствия, каким были окружены заключенные со стороны горожан. Столыпинская судебная расправа еще не получила всеобщего распространения, как это было потом, после разгона второй Государственной думы. Революция 1905 г. еще не была окончательно ликвидирована. Хотя следствие велось, даже в отношении гражданских лиц, по 101 ст. уголовного положения, по которой полагалась смертная казнь, обвинение было пред'явлено лишь по 123 статье. По этой статье полагалось лишь до 8-ми и, в особых случаях, до 12-ти лет каторжных работ. К каторжным работам от 4-х до 8-ми лет приговорены были лишь 9 солдат; но зато многие из них были приговорены в арестантские роты от 1-го до 3-х лет, часть—в дисциплинарный батальон и к аресту. Из гражданских лиц приговорены с зачетом предварительного заключения 25 человек в исправительный дом от 1-го до 2-х лет и 17—в тюрьму от одного месяца до года*).

Всего было привлечено к суду по делу о Красноярском восстании 220 человек, в том числе 116 человек солдат. Из гражданских лиц многие явились на суд уже с воли, так как были выпущены на поруки; но часть выпущенных скрылась**).

---

*) «Сибирские Огни». Книга 1-я, 1921 г. Статья А. Ансона.

**) Кузьмин, пробыв несколько лет заграницей, вернулся в Россию и сам отдался в руки царского правительства. Он был осужден на четыре года каторжных работ и, по словам заключенных, сидевших с ним в Александровской тюрьме (А. Рогов и др.), стал мистиком и толстовцем. В эпоху февральской революции он был помощником главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. В 1919 г. он был арестован в городе Омске колчаковским правительством. при отступлении белых бежал с дороги от охранявших его колчаковских конвоиров вместе с несколькими эвакуируемыми коммунистами. В начале 1920 года он умер от сыпного тифа в городе Новониколаевске в военном городке, куда попал, как белый офицер; как раз накануне смерти пришел приказ об его освобождении.

X. Вместо заключения.

Здесь будет уместно привести, вместо краткого резюме, некоторые цифровые показатели деятельности Красноярского комитета, по данным кассовых отчетов за июль, август, октябрь, ноябрь и декабрь, сохранившихся от того времени.

В этих отчетах отразилась не только деятельность Комитета, но и отдельные этапы массового движения. Отчеты нами подвергнуты некоторому упрощению в целях наглядности: однородные расходы сведены вместе, исключена часть преходящих сумм и т. д. Результаты пересчета даны ниже:

Сводка кассовых отчетов Красноярского комитета РСДРП с июля по декабрь 1925-го года.

Статьи прихода и расхода	Сумма в рублях за:				
	июль	август	октябрь	ноябрь	декабрь
А. Поступило:					
1. Пожертвован. и взносы на нужды Комитета	172,98	602,31	608,48	167,35	183,75
В том числе членск. взносы	нет св.	нет св.	нет св.	126,52	204,57
2. На разные революц. выступлен. и помощь их участникам	—	6,50	156,10	159,50	216,65
3. На оружие	—	—	186,17	66,56	—
4. От предприятий	7,40	11,50	31,96	582,37	788,55
В т. ч. от продажи литературы	7,40	11,50	31,96	19,47	267,11
Итого	180.38	620,31	985,71	1275,78	1518,95
Св. того сбор на арестантов на митинге	—	—	117,95	—	—
Б. Израсходовано:					
1. На подпольн. типограф. и издательство	76,83	96,07	211,15	259,08	502,25
2. На револ. выступл. и помощь их участникам	30,50	169,00	210,32	114,50	214,50
В т. ч. помощь заключ. и побеги	30,50	60,00	10,00	40,50	90,00
3. Вооружение и провиант для осажденных (в декабре)	—	—	276,90	463,75	523,00
4. Организационные и конспират.	65,93	99,75	76,68	68,80	41,80
5. Раз'езды по району	11,00	85,26	—	87,80	71,00
6. В Сиб. соц.-дем. союз., его раз'ездн. агент., на выезд и т. п.	6,20	25,90	51,00	20,00	225,00
7. Покупка литературы	5,28	26,48	13,10	66,67	—
8. Почтов. и пр. мелк. расх.	10,70	28,93	22,29	35,14	44,40
Итого	206,44	531,39	891,74	1115,74	1621,95
Св. того на арест. и пассажир. (8 р.)	—	—	116,95	—	

Примечание: За сентябрь отчета не сохранилось, но можно предполагать, что расход, вероятно, выразился в сумме около 300-350 руб. (из отчета за сентябрь видно, что бюджет Комитета за сентябрь был сведен с дефицитом в 52 руб.; от августа был остаток 102 руб. 34 коп.), поступления едва-ли были меньше 150 руб.

Мы, видим, что период августовской забастовки сопровождается резким скачком вверх общей суммы поступлений и расходов. За сентябрь бюджет Комитета был, несомненно, значительно ниже августовского. В октябре доход и расход резко повышаются; ноябрь и особенно декабрь характеризуются дальнейшим ростом бюджета. Рост бюджета явился результатом развития массового движения и в связи с ним развертывания деятельности Комитета. Показательным является тот факт, что сборы специального назначения, произведённые на митингах и собраниях в период октября-декабря, передаются не в руки какой-либо беспартийной организации, а в Комитет: сюда относятся сборы на вооружение, на поддержку стачечного движения, на арестантов из эшелона и т. д. Это указывает на то, что Комитет превратился в притягивающий центр всего массового движения.

Далее обращают на себя внимание значительные суммы, полученные в ноябре и декабре от «предприятий»; за вычетом выручки от продажи литературы доход от «предприятий» выразится для ноября в сумме 562 руб. 90 коп., для декабря—в сумме 521 р. 44 коп. Это—чистый (или почти чистый) доход от спектаклей, устроенных в ноябре и декабре нашей финансовой группой совместно с железнодорожными рабочими (а также доход от лекции). Резкое повышение доходов от продажи литературы в декабре об'ясняется выпуском газеты «Красноярский Рабочий».

Сборы и пожертвования на собственные нужды Комитета резко повышаются в августе и, несомненно, сильно понизились в сентябре. В октябре они достигают августовской цифры, затем несколько падают в ноябре, в декабре же снова увеличиваются.

Может показаться странным, что в октябре приход по этой статье был почти одинаков с августовским; это обстоятельство, повидимому, об'ясняется тем, что в октябрьские дни часть средств жертвователей была отвлечена специальными сборами; но в таком случае необходимо признать, что августовские события в городе Красноярске, закончившиеся грандиозными похоронами Чальникова, были моментом сильного революционного напряжения.

Понижение сборов на нужды Комитета в ноябре, несомненно, об'ясняется тем, что часть средств попала в Комитет по другому каналу—доход от «предприятий» (в доход от «предприятий», вероятно, вошли и пожертвования, собранные во время спектаклей).

В течение октября и ноября поступило 253 рубля на вооружение. Хотя в декабре таких поступлений не было, но отсюда нельзя делать вывод, что вооружение в этот месяц шло слабее; было как раз наоборот, ибо, как мы видели выше, в декабре открылась возможность добывать оружие в большом количестве и при том бесплатно. Если все конфискованное и захваченное в то время оружие оценить, то декабрь дал бы рекордную цифру.

С ноября в отчете уже выделены членские взносы. Движение их указывает на рост численности членов.

Остановимся немного на расходной части бюджета Красноярского комитета. Расходы на издательство все время растут; наиболее резкий скачок мы наблюдаем в октябре и декабре. В последнем случае рост расходов вызван изданием «Красноярского Рабочего»*). Если из'ять этот расход и вообще

*) Количество выпущенных экземпляров прокламаций, бюллетеней и т. д., по неполным данным, изменялось следующим образом: июль—7600 (4 номера), август—15000 (9 номеров), сентябрь—18800 (8 номеров), октябрь—42850 (17 номеров), ноябрь—41500 (9 номеров), декабрь—51500 (17 номеров) или, при переводе газеты «Красноярский Рабочий» на средний размер прокламации,—171500

оставить только расходы на подпольную типографию Комитета, то весь послеоктябрьский период будет характеризоваться почти одинаковыми показателями издательской деятельности: октябрь—206 р., ноябрь—242 руб., декабрь—217 руб.

С октября Комитет начинает затрачивать значительную часть своего бюджета на покупку оружия: в октябре было израсходовано 277 руб., или 31 проц., в ноябре—464 руб., или 45 проц. расходного бюджета. В декабре оружие уже не закупалось по причинам, указанным выше; зато 523 руб., или 32 проц. общей суммы расходов, было затрачено Комитетом на провиант для осажденных в «цехе»,—расход, который, как и закупка оружия, связан с вооруженной борьбой.

Не касаясь других расходов, отметим еще статью «Организационные и конспиративные», где проходило, главным образом, содержание профессионалов. Следует, однако, заметить, что в июльском и августовском отчете здесь могла пройти даже и закупка оружия; могли пройти и некоторые другие расходы—на от'езд и т. д.

Ослабление массового движения в первые месяцы после подавления декабрьского восстания не могло не отразиться на бюджете Красноярского комитета; и действительно, мы видим, что приход за февраль, март и апрель по отчету Комитета выразился всего лишь в сумме 728 руб. 41 коп. Если даже добавить сюда специальные фонды в пользу заключенных, в фонд амнистированных, в фонд для вызова защиты, то и в таком случае общая сумма поступлений за три месяца достигает всего 1.029 руб. 94 коп., что дает в среднем 343 руб. в месяц. Это—значительно ниже среднего месячного дохода Комитета за октябрь-декабрь; даже августовский доход был гораздо больше. Тем не менее бюджет Комитета и в начале 1906 года был выше июльского за 1905 год. Революция 1905 года не могла не оказать своего влияния и даже после декабрьского поражения*).

А. Мельников.

---

*) Для цифровой характеристики интенсивности движения в разные месяцы 1905 года в городе Красноярске может еще служить следующий ряд, где я приблизительно (по неполным данным) исчислил в грубых чертах число участников беспартийных политических собраний (массовок, митингов) общего характера, проведенных Комитетом: июль—1200 (6 собраний), август—7000 (7 собраний), сентябрь—2000 (1 собрание), октябрь—48000 (16 собраний), ноябрь—15000 (3 собрания в конце месяца, остальные не учтены), декабрь—42000 (8 собраний).

Железнодорожные рабочие Красноярска в 1905 году.

(Из воспоминаний участника).

Под влиянием кровавых Петербургских событий 9-го января, а также неудачной войны с Японией, благодаря работе Красноярского Комитета РСДРП, уже со средины января 1905 года в Красноярских главных жел.-дор мастерских и депо наступил заметный революционный под'ем среди рабочей массы.

17-го января рабочие мастерских и депо, недовольные низкой оплатой труда и 10-ти часовым рабочим днем, бросив работу, в количестве до тысячи человек двинулись в центр города к дому губернатора, чтобы пред'явить ряд требований экономического характера.

Во время шествия по городу рабочие пели «Марсельезу», разбрасывали прокламации Красноярского Комитета РСДРП, местами останавливались и произносили речи о невыносимо-тяжелых условиях жизни рабочих, против войны с Японией, заканчивая призывом сплотиться в дружную организацию и выступить на борьбу с самодержавием.

Не доходя до здания губернского управления, рабочие были встречены казаками и полицией. Демонстранты, уклоняясь от столкновения с войсками, преспокойно разошлись по домам. Забастовка продолжалась три дня, ни одно требование рабочих не было удовлетворено. В мастерские и депо были введены воинские части, и начались аресты рабочих, принимавших участие в демонстрации. Некоторым из них, наиболее активным, пришлось из Красноярска скрыться.

4-го марта рабочие вновь прекратили работу и вечером за Николаевской слободой устроили собрание.

Среди рабочих еще не было достаточной сплоченности. Большинство из них 5-го уже приступили к работе, и начатая забастовка, таким образом была сорвана.

Перед праздником 1-го мая в мастерских состоялось собрание, на котором была принята резолюция о необходимости всеобщей политической забастовки. Приходится отметить, что движение рабочих масс начиналось в каждом отдельном случае на экономической почве и затем, под влиянием работы Красноярского комитета РСДРП, принимало и политический характер.

Первого мая за городом была устроена маевка. Участников было не более 100 человек. Вмешательства полиции не было. По обсуждении вопроса об

истории и значении празднования 1-го мая, участники маевки мирно разошлись. В июне и июле за Николаевской слободой было устроено несколько массовок. Иногда на эти массовки попадали шпики, которым при разоблачении их приходилось скрываться бегством.

В начале августа по линии Сибирской железной дороги вспыхивают забастовки, как протест против усиления полицейско-жандармских репрессий по отношению к рабочим. В связи с этим, 4-го августа за Николаевской слободой было устроено собрание, где рабочих присутствовало до тысячи человек. и где, кроме экономических вопросов, обсуждался также вопрос *о всеобщей политической забастовке*, как протесте против войны и Булыгинской Думы

Собрание было широким. На нем присутствовали не только железнодорожники, но и рабочие других предприятий города и городская интеллигенция, имевшая ту или иную связь с социал-демократической организацией и сочувствовавшая соц.-демократизму. Мимоходом отмечаю, что эсеровские массовки собирались отдельно, хотя иногда и в одно время. О решениях этого собрания я ничего не помню.

10-го августа, по приходе на работу, по мастерским и депо стало известно, что в 6 часов вечера за Николаевской слободой состоится собрание. К назначенному времени народу собралось более 2-х тысяч человек. К началу собрания сюда приехал также и полицийм[е]йстер фон-Дитмар с казаками, которые и расположились саженях в 80 от собравшихся рабочих. Тут же среди рабочих находились и переодетые полицейские и жандармы.

Во время выступления оратора на тему о войне, присутствовавший полицийм[е]йстер пытался остановить оратора, говоря, что война и для него все одно, что больной зуб, так как у него на фронте «страдают» два сына, но говорить все же о войне на собрании не следует. Присутствующие рабочие не дали больше говорить полицийм[е]йстеру, посыпались насмешки по его адресу, а последний, видя бесполезность своих попыток убедить присутствующих, предложил закрыть собрание и всем разойтись по домам. Но на него уже никто не обращал внимания, все слушали выступавшего оратора от Комитета РСДРП. Полицийм[е]йстер, выбравшись из толпы, приказал горнисту играть наступление, после чего казаки двинулись на собрание. Рабочие, избегая стычки с казаками, закрыли собрание и двинулись по одной из улиц Николаевской слободы к городу с пением «Марсельезы». Ехавшим сзади казакам была подана команда «рысью», и они врезались в шедших рабочих. В это время раздался провокаторский выстрел. Народ бросился, кто куда мог, часть стала перелезать через заборы. Казаки открыли из винтовок огонь, но стреляли вверх, и только выстрелом жандарма был убит наповал токарь Красноярских жел.-дор. мастерских тов. Чальников. К его трупу бросилась часть рабочих. Убитый лежал лицом кверху. Из зиявшей в груди раны еще лилась кровь. В это время казаки, завидя эту группу рабочих, бросились к ней, пришлось уходить. Только после удаления казаков труп был поднят и отправлен в городскую больницу. Чальников был первой жертвой из среды Красноярских рабочих и первой кровавой жертвой в Красноярске. Это еще более всколыхнуло рабочую массу, и 11-го августа в мастерских и депо началась забастовка. Настроение в городе было также приподнятое. Во время похорон Чальникова 13-го августа, провожать убитого собралось до десяти тысяч человек с множеством венков с красными лентами и соответствующими на них надписями. Процессия на своем пути на кладбище и обратно нигде не встретила

ни одного городового, жандарма или казака. Но они все были наготове на случай нарушения порядка рабочими. Только на глаза не показывались, отсиживаясь в казармах.

На кладбище слесарь депо, активный работник и член Красноярского Комитета РСДРП, Константин Кузнецов, забравшись на крест, как на возвышенное место, сказал небольшую речь, после которой присутствовавшие, пропев похоронный марш, разошлись по домам.

Жандарм Авдонькин, убивший Чальникова, вскоре был из Красноярска переброшен на одну из маленьких станций, а полицеймейстер фон-Дитмар в октябре того же года, возвращаясь из театра, около своей квартиры был убит. Начатая в связи с убийством Чальникова забастовка железнодорожников продолжалась до 19-го августа.

Утром 16-го августа часть рабочих хотя и вышла в мастерские, но по обсуждении по своим цехам, после пререканий между сторонниками забастовки и желающими приступить к работе, все разошлись по домам.

17-го августа по мастерским и в проходных будках была вывешена полученная от начальника дороги телеграмма, требовавшая немедленного прекращения забастовки и предлагавшая всех не вышедших на работу уволить. Приказ этот быстро распространился среди рабочих, и с утра 18-го августа значительная часть рабочих вышла и приступила к работе. Нужно отметить, что с самого начала забастовки в мастерских образовалась небольшая группа рабочих-штрейкбрехеров, целью которых, по инициативе и при поддержке жандармерии, было во что бы то ни стало натравить рабочих друг на друга, чем и сорвать забастовку. В помощь штрейкбрехерам с 16-го августа по проходным будкам дежурили, а недалеко от мастерских патрулировали солдаты и полицейские. На этой почве неминуемо были столкновения между забастовщиками и штрейкбрехерами. 18-го августа, когда штрейкбрехеры пошли на обед, часть их недалеко от тюрьмы встретилась с группой бастующих рабочих, и, после пререканий между теми и другими, вышла потасовка. На помощь штрейкбрехерам подоспели солдаты и полицейские; в результате были тяжело избиты трое рабочих из числа бастовавших: Журавлев, Васинский и Гусенко. Последнего, уже лежавшего на земле, избитого камнями, выстрелом из револьвера в упор прикончил прибежавший на шум жандармский ротмистр, Васинского же раненого увезли в больницу.

Августовская забастовка закончилась, и до конца месяца происходили аресты рабочих, игравших в ней руководящую роль. Всех было арестовано в мастерских и на квартирах до 15 человек.

В начале сентября, по распоряжению высшего начальства, на случай новой забастовки и чтобы предупредить связанную с ней остановку жел.-дорожного движения, в Красноярске был оставлен 2-й Заамурский железнодорожный батальон, направлявшийся из Барановичей на Дальний Восток. По расквартировании на воинском пункте часть солдат ж.-д. батальона была направлена в мастерские и депо для работы по разным специальностям. Но уже в сентябре на групповых собраниях, массовках, устраиваемых Комитетом РСДРП, стали появляться и солдаты жел.-дорожного батальона, а в дальнейшем удалось их втянуть и в кружковую работу и наладить распространение среди них нелегальной литературы. 13-го октября рабочие мастерских снова забастовали, а 14-го октября бастующие рабочие, главным образом, молодежь, направились

в город. Здесь они закрывали магазины, учебные заведения, и с этого дня начались митинги в Пушкинском народном доме, на которых число участников доходило до 2-х тысяч человек.

В противовес революционному движению рабочих 21-го октября красноярское мещанство, духовенство, полиция и казаки, при непосредственном участии председателя «Союза русского народа» Афанасия Смирнова, устроили патриотическую манифестацию. Отслужив предварительно в соборе благодарственный молебен, черносотенцы с портретом царя, хоругвями, иконами и национальными флагами, с пением «боже, царя храни» от собора направились по Большой улице к мещанской управе (угол Песочной и Почтамтского пер.). Когда процессия поровнялась с нардомом, где в это время шел митинг, организованный Комитетом РСДРП, черносотенцы бросились к дверям, но получили отпор от стоявшей у входов только что организованной в этот день рабочей боевой дружины. Тогда шедшие с ними городовые открыли стрельбу по стоящим в дверях дружинникам, которые в силу необходимости стали отвечать также выстрелами. Черносотенцы сперва, побросав портреты и хоругви, бросились бежать, но вскоре снова вернулись к народному дому, получив поддержку от ехавших сзади казаков и стоявшей вблизи воинской части, которая, как только раздались выстрелы, открыла учащенный огонь по нардому. Черносотенцы, совместно с казаками, окружив квартал, где находился нардом, ловили и избивали граждан, которые, после начавшейся стрельбы, пытались расходиться с митинга домой. В числе избитых черносотенцами оказался, между прочим, нотариус и другие лица, и убит товарищ прокурора за попытку выступить в защиту осажденных. Всего же в тот день было подобрано и увезено в больницу десятка три раненых и человек 15 убитых, из дружинников убит один и несколько раненых.

В числе осажденных были и солдаты жел.-дорожного батальона. Узнав о нападении, оставшиеся в казармах солдаты-железнодорожники устроили собрание, после которого сообщили по телефону губернатору, что, если он не отзовет от нардома казаков и воинские части, они берут оружие и идут сами освобождать осажденных. Не имея достаточно воинской силы в своем распоряжении, чтобы противопоставить жел.-дорожному батальону, губернатор выполнил это требование, и около часу ночи казаки и черносотенцы от нардома удалились. После этого все находившиеся на митинге разошлись по домам.

16-го ноября в Красноярске началась забастовка почты и телеграфа. 7-го декабря солдаты жел.-дор. батальона на устроенном в казармах митинге выработали и пред'явили своему начальству ряд требований: 1) об усиленном довольствии, 2) о выдаче на руки первосрочной одежды, 3) об освобождении дисциплинарно-арестованных, 4) о вежливом обращении офицеров с солдатами, 5) об увольнении запасных домой и др. Командир выполнить эти требования отказался, и 8-го декабря жел.-дор. батальон об'явил забастовку, открыто отказался повиноваться начальству и нести служебные обязанности. Был выбран Солдатский Комитет из нижних чинов под председательством прапорщика Кузьмина. 9-го декабря вооруженный винтовками батальон участвовал в демонстрации, во время которой были освобождены все находившиеся на гауптвахте арестованные. 10-го декабря, получив приказание грузиться для отправки из Красноярска в Барановичи, выполнить это солдаты жел.-дорожного батальона отказались. 15-го декабря рабочие разоружили полицию и

жандармерию, и охрана города и станции, а также всех жел.-дорожных грузов перешла в ведение рабочей боевой дружины.

В конце декабря в Красноярск прибыл 7-ой пехотный полк, при помощи которого местная власть надеялась разоружить восставших солдат жел.-дорожного батальона. Узнав об этом, последние в 4 часа утра 28-го декабря, захватив оружие и обоз, в составе 2-х рот во главе с прапорщиком Кузьминым покинули свои казармы и ушли в железнодорожные мастерские. Здесь, совместно с мастеровыми, вышедшими на работу, устроили митинг, на котором постановили оружия не сдавать, а выступить против правительственных войск. После этого закипела работа по сооружению на территории мастерских баррикад. Рабочих Красноярских мастерских, добровольцев, осталось около 400 человек и часть членов городского района РСДРП. Среди засевших в мастерских было несколько учениц Красноярской фельдшерской школы.Все оставшиеся в мастерских тут же были вооружены, разбиты на взводы, и каждому взводу был дан участок для защиты. В тот же день к вечеру мастерские со всех 4-х сторон были окружены правительственными войсками, пехотой около 2-х полков и 3-мя сотнями казаков. Начиная с вечера 28-го декабря, связь с городом была прервана, но оставшиеся в городе все-таки разными способами оказывали помощь осажденным через жел.-дорожных поездных служащих, которые во время прохода поездов мимо мастерских перебрасывали через забор продукты и передавали нужные сведения о положении в России и настроении частей войск.

На пятый день осады, т. е. 2-го января 1906 года, в 9 часов утра, при 40 градусах морозу правительственными войсками по мастерским был открыт со всех четырех сторон ружейный и пулеметный огонь, который продолжался до 2-х часов дня. Огонь был остановлен генерал-губернатором по ходатайству «делегации» от граждан во главе с либералом городским головой Шепетковским, женой врача Крутовского, которые, боясь за участь города, предложили свое посредничество между властями и осажденными рабочими. Получив соответствующее разрешение, делегация явилась к мастерским с белым флагом. К ней вышли несколько вооруженных рабочих и с завязанными глазами провели ее через баррикады в цех, где было устроено собрание. Здесь «делегация» изложила цель своего прихода, подчеркнув, что, боясь расправы с рабочими, она за благо сочла взяться за посредничество и просила сдаться «на милость победителей». Но ей предложено было передать от солдат и рабочих мастерских, чтобы губернатор снял осаду, отозвав от мастерских воинские части, и тогда рабочие разойдутся по домам, а солдаты жел.-дорожного батальона уйдут в свои казармы. Делегация ушла и, явившись уже к вечеру, передала сообщение ген.-губернатора, что правительственные войска рвутся в бой против рабочих, и что он, ген.-губернатор, дает «честное слово», что только в целях спасения от избиений он уведет рабочих и солдат из мастерских в тюрьму, а затем, отправив эшелоны с войсками из Красноярска, он всех из тюрьмы выпустит.

Между тем, положение осажденных становилось все хуже. После стрельбы стекла в окнах мастерских были выбиты, за неимением угля машины не работали и трубы отопления стали замерзать и лопаться, провизии не было, внешняя связь была прервана, приходилось соглашаться на сдачу. Ночью несколько человек во главе с прапорщиком Кузьминым из мастерских бежали. 3-го января, около 12 часов дня, у проходной будки № 2 правительственные

войска во главе со своим начальством стали принимать «побежденных», которых до тюрьмы сопровождали двойной цепью пехоты и казаков.

За время осады со стороны рабочих было несколько человек ранено, а со стороны осаждающих были и убитые. Так закончилось вооруженное восстание в Красноярске, после которого арестованным рабочим и солдатам пришлось сидеть до суда по 10 месяцев, а суд дал свое заключение: от одного года арестантских рот до 8 лет каторги. Некоторым же участникам вооруженного восстания: Мельникову, Шумяцкому, Рогову Алексею, Кузнецову К. и др.—из тюрьмы удалось бежать.

Сергей Шкитов.

В цеху после снятия осады.

(Из воспоминаний о Красноярске в 1906 году).

4-го января 1906 г. началось следствие над революционерами-рабочими, которых захватили в железнодорожном депо. Начались бесконечные допросы, а затем состоялся суд. Особенно безжалостно обращались царские слуги с солдатами 2-го железнодорожного батальона. Но осажденные все-таки были избавлены от той расправы, которую над ними намеревался учинить известный негодяй, прибалтийский барон Меллер-Закомельский. Он прибыл в Красноярск 4-го января 1906 года в сопровождении карательного отряда, но никого уже не застал в мастерских. Прибыл этот герой с пьяными казаками. Услужливые жандармы рыскали по вокзалу и арестовывали рабочих и служащих депо, которых отправляли в карательный поезд. В карательный поезд отправили и меня, так как я руководил работами того цеха, где постоянно проходили митинги и где находились осаждаемые. Пьяный казак и два жандарма приказали мне находиться на площадке вагона 3-го класса. Поезд тронулся и пошел быстро. Заметно было, что каратели куда-то очень торопятся. За станцией Енисей я соскочил с поезда. Моего исчезновения никто, как видно, не заметил. Обходя ст. Енисей по лесу, я вышел к кирпичным сараям, стоявшим на левом берегу реки Енисея, и отправился домой. Впоследствии я узнал, что многие из увезенных карательным поездом, главным образом, телеграфисты ст. Красноярск, были расстреляны на станции Свищево.

6-го января 1906 года меня разыскал приехавший из Томска начальник Красноярских главных мастерских, инженер Ф. Л. Бойда. Я рассказал ему о своем бегстве из карательного поезда. Бойда предложил мне заняться работой в мастерских и пустить их в ход. Он гарантировал мне и работавшим со мной полную неприкосновенность.

7-го января 1906 года, в 7 часов утра, отправился я в мастерские через проходные ворота № 2, выходящие к ст. Красноярск. Здесь я увидел ужасную картину: недалеко от переезда (между мастерскими и главным материальным складом), вдоль забора материального склада, почти на половину его длины, стояли с полуоткрытыми крышами товарные вагоны, в которых были накиданы трупы рабочих. Это оказался поезд, доставивший трупы убитых мастеровых Иланского депо. Получив уведомление о предстоящем митинге в Иланском депо, Меллер-Закомельский стремительно помчался туда из Красноярска, чтобы не прозевать кровавое дело. Позднее стало известным, что эти «кровавые дельцы» прибыли в разгар митинга в Иланское депо и там учинили зверство.

Все участники митинга были бы перебиты, если бы не находчивость некоторых: видя неминуемую гибель, рабочие начали бить водомерные стекла, открывать водопроводные краны и бить монометры стоящих на парах паровозов. Обилие пара дало заслон, благодаря которому многим удалось скрыться. Тем не менее не мало было убитых.

До 1-го февраля я работал в мастерских по разборке и восстановлению котлового отделения, отопления, водопровода и освещения в паровозо-сборном и механическом цехах.

В средних числах февраля работа в мастерских начала протекать нормально.

В каком же виде остался цех после осады?

Весь фасад сборного цеха, обращенный к железнодорожному собранию, был изрыт пулями. Все окна не имели рам. Внутри цеха стояли расстрелянные тендера. Содрана обшивка паровозов, стоящих в стойлах. В новом паровозно-сборном цехе пулями пробито в очень многих местах полосовое и угловое железо колон. Стены внутри цеха изрыты пулями, штукатурка облупилась. Оболочек никелевых и других пуль, а равно и свинца от последних валялось так много, что их можно было собирать горстями. Конвойные солдаты Красноярского пехотного полка не понимали, как видно, что делают Каиново дело, а потому не жалели патронов. Осажденные, видимо, спасались лишь тем, что укрывались в канаве для тележек паровоза.

Хлеба и воды осажденные не имели. Питание, о чем свидетельствовали уцелевшие мешалки, заключалось в замешивании обыкновенной муки до состояния теста, каковое и шло в пищу изголодавшимся. Все мешалки носят на себе следы этого теста. Вода, очевидно, употреблялась в виде льда. Как видно, осажденные, зная, что вода из водопровода будет отведена, заранее запасли ее в котлы паровозов, паровозные цилиндры и т. д. Вода от мороза замерзла. Сохранились следы того, как лед выколачивался из хранилищ. Имелись и технические разрушения от такого хранения воды. Вода, превращенная в лед, разорвала цилиндры, сухопарный колпак паровозного котла и др. вместилища, в которых хранилась.

Света никакого не было. С вечера все погружалось в мрак. Осажденные устраивали при каждом входе баррикады из запасных частей паровозов и из паровозов, которые опрокидывали. Баррикады были сплошь из тяжелых железных предметов и устраивались с таким расчетом, чтобы было удобно отступать.

Кабинет мастера горного цеха, раньше служивший местом для хранения провизии, был превращен в перевязочный пункт. Всюду валялись вата и бинты, насыщенные кровью.

Заметим еще, что все время стояла температура от 30 до 35 градусов по Реомюру. Легко себе представить, какие муки осажденные переживали от морозов!

Во время работы по приведению в порядок мастерских всюду сновавшие жандармы относились к нам крайне недоверчиво.

Они были неутомимы в отношении раскопок и вообще в поисках оружия, спрятанного осажденными во время их сдачи. Жандармы то и дело, что находили револьверы и винтовки, которые были закопаны или подвешены к стропильным верхам и друг. местам.

Жандармы предполагали, что мы знаем, где спрятано оружие, и боялись, что мы вынесем его из мастерских.

Когда пустили в ход мастерские, то допустили к работе всех рабочих, оставшихся неарестованными. Озлобление рабочих было велико. Жандармы же продолжали искоренять крамолу.

Непрерывно шли аресты рабочих и служащих, которых без суда высылали в Туруханский край и в другие отдаленные места.

1-го мая 1906 года в депо явились жандармы и казаки с явным намерением учинить насилие над рабочими в отместку за то, что рабочие свистом и градом гаек и других предметов встретили жандармов, проходивших по цехам с целью обыска.

Обыски и аресты производились по доносам тех малосознательных рабочих и рабочих-шкурников, которые были членами «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». В мастерских особенно была сильна организация «Михаила Архангела», которою руководил монтер механического цеха А. Молчанов. Последний причинил не мало неприятностей и мне, ибо по его донос м не раз подвергали меня обыскам.

Особенно отличался произведением обысков и арестов жандармский полковник фон-Вильперт. Если не ошибаюсь, и этот «фон»—из прибалтийских баронов.

Доведенные до озлобления частыми обысками и многочисленными арестами, рабочие решили мстить. В ответ на репрессии были убиты два весьма вредных опричника: жандарм Терещенко, наблюдавший в мастерских «за политикой», и полицеймейстер фон-Дитмар.

В 1905 году в мастерских наблюдал за политикой жандармский унтер-офицер Авдонькин или Дунькин, убивший тов. Чальникова. Этот убийца впоследствии заменен был более ретивым и подлым жандармом Терещенко. Из-за этого Терещенко не мало рабочих было выслано в Туруханский край. Не мало рабочих было также запрятано в тюрьмы. Много рабочих пострадало из-за этого негодяя. Сколько рабочих семейств осталось из-за него без крова и без кормильца. Рабочие решили убить его. Жребий пал на Анальских—сына и отца (токарь и слесарь мастерских).

В октябре 1906 года Терещенко проходил как то из ворот механического цеха в паровозно-сборный цех. В затылок ему был дан выстрел, и Терещенко упал замертво. Поднялась тревога, но Анальские не были пойманы. Вскоре явившийся жандармский ротмистр фон-Вильперт заявил, что «допущена большая ошибка, нужно было всех, бывших возле этого места перестрелять». Барон рвал и метал по случаю потери «исполнительного работника». Но на смену убитому нашелся достойный негодяй, жандарм Филатов.

Смельчаки Анальские, убившие Терещенко, однако, вскоре были арестованы, уличены и без суда повешены.

Достойный конец выпал и на долю полицеймейстера фон-Дитмара. Этот 8-ми пудовый здоровый детина зло издевался над рабочими Красноярска, особенно над теми рабочими которые, участвовали в революционном движении. В августе 1906 года и этот «фон» был градом пуль убит около ворот своей квартиры на Всехсвятской улице.

Таковы сохранившиеся в моей памяти краткие воспоминания о Красноярске 1906 года.

Железнодорожник.

Томск.

Томск накануне 1905 года.

(Страничка из сибирских воспоминаний).

Первые шаги.

Это было осенью 1903 г. Томское студенчество, всколыхнутое докатившейся до Сибири волной студенческого движения, вышло на улицу.

Демонстрация, по тем временам, была значительной. Собралось довольно много студентов университета и технологического института, только что открывшегося в Томске. Но больше, конечно, собралось любопытных зевак, желавших посмотреть на новое для Томска зрелище уличной демонстрации.

Полиция, осведомленная о предполагавшейся демонстрации, была наготове. Но демонстранты тем не менее обманули бдительность полицейских. Образовав на Почтамтской ул. ядро и выбросив знамена, демонстранты двинулись по направлению к набережной р. Ушайки и запели революционные песни.

Эта демонстрация закончилась побоищем. Демонстранты были с четырех сторон взяты в переплет: конные казаки и городовые направо и налево полосовали демонстрантов нагайками и шашками.

Кровь, крики, несколько убитых и большое число арестованных—было печальным финалом демонстрации.

Получив несколько ударов плетью, я с несколькими товарищами удачно прорвался через цепь казаков и замешался в толпе любопытных.

Мы на этой демонстрации изображали «пролетариат», поддерживающий студенчество.

Вышло это таким образом:

Еще задолго до демонстрации у нас в Томском ремесленном училище, где я учился, образовался марксистский кружок, в состав которого вошло несколько учеников старших классов. Нам удалось завербовать несколько рабочих из числа работающих при наших училищных мастерских, и мы были бесконечно горды этим.

Наш кружок проявил большую активность. Удалось связаться с студенческими группами и даже местным социал-демократическим Комитетом. Молодежь нашего кружка выполняла разную техническую работу и особенно много внимания уделяла распространению прокламаций. Когда же возникла мысль о студенческой демонстрации, то нашему кружку предложили поддержать демонстрацию. Несколько человек из нашего кружка явилось на демонстрацию, немного постегали нас казаки плетками, но от ареста нам удалось ускользнуть.

После этой демонстрации было много шуму. Полиция спешно мыла и скоблила тротуары на месте побоища, чтобы уничтожить следы своей кровавой работы. Мещанское болото Томска жужжало, как встревоженный муравейник, ругая вперемежку то демонстрантов, то полицейских за «причиненное беспокойство».

Мы чувствовали себя героями. Демонстрация была нашим первым боевым крещением. Над теми из наших, кто не пришел на демонстрацию, мы издевались, называя их трусами, позорящими наш кружок. Они тоже не оставались в долгу и зубоскалили над нашим «позорным» бегством с демонстрации.

Демонстрация открыла перед нами новые перспективы. Во-первых, нам, так сказать, официально налепили марку «рабочего кружка», во-вторых, мы почувствовали вкус открытой борьбы, краешек завесы над которой для нас приподняла демонстрация. С большим уважением к нам стал относиться и местный Комитет, который, кстати сказать, был интеллигентского состава и имел больше связи с учащейся молодежью, нежели с рабочими.

Нашему кружку предложили расширить связи с рабочими и попытаться организовать кружки рабочих на заводах Томска. Мы этим делом занялись горячо. И через некоторое время нам удалось наладить связь с рабочими механического завода Квятковского, а затем с рабочими мебельной фабрики Лопухова и механического завода «Труд».

С большими предосторожностями мы собирали рабочих по нескольку человек и читали с ними прокламации и книжки по политической экономии. Были случаи, когда приходилось заниматься просто грамотой.

Таковы были первые шаги нашей активной работы.

Среди томских рабочих.

Томск—сибирские «Афины», как его в прошлом любили называть коренные сибиряки. В нем, как мы выше упомянули, был университет, здесь же открылся технологический институт; а около этих двух высших учебных заведений ютились разные курсы, которые тоже притягивали не мало учащейся молодежи Сибири.

В общем в Томске собиралось учащейся молодежи до десяти, если не больше, тысяч человек со всей Сибири; это, во-первых, создавало для Томска ореол ученого Сибирского центра, который призван был просвещать Сибирь; во-вторых, вся эта масса молодежи несколько скрашивала тот мещанский облик, который имел Томск.

В далеком прошлом он имел большое торговое значение, но строители Сибирской железнодорожной магистрали обошли Томск и он оказался на восемьдесят верст в стороне от железной дороги. Правда, к нему была проведена железнодорожная ветка, но тем не менее торговое значение Томск потерял и начал превращаться в обычный административный губернский городок.

Это в дальнейшем отразилось и на промышленности, которая не получила полного развития в Томске. Железнодорожные мастерские оказались построенными в Красноярске и Омске. Томску же досталось Управление Сибирской жел. дороги с его чинушами. Из промышленных предприятий около Томска выросло несколько кожевенных, два или три лесопильных завода, две мебельные фабрики, два механических завода и несколько типографий.

В большинстве эти заводы и предприятия носили мелкий характер и только в редких случаях насчитывали около сотни рабочих на предприятие.

Понятно, что при таких условиях «гегемония» во всяких революционных «зачинаниях» принадлежала учащимся, студенчеству, которое было не только более подготовлено к восприятию всяких революционных идеологий, но и численно больше, нежели жиденький кадр рабочих.

Отсюда и тот интеллигентский состав Томского комитета того времени, о чем мы выше упоминали, а также усиленное внимание Томской социал демократической организации к студенческой массе.

В 1903 году Сибирь уже имела некоторое областное об'единение в лице «Сибирского союза социал-демократов», который об'единял ряд организаций: Омскую, Томскую, Красноярскую, Иркутскую, Читинскую и др. В состав бюро Сибирского союза входили, если не ошибаюсь, «Николай большой» (Н. Баранский), «Николай маленький» (Суслов), Ольга и др. Союз, конечно, существовал больше на бумаге. Местные организации работали за свой страх и риск, руководствуясь директивами и тем чутьем, которое подсказывало, что нужно делать.

Но в отношении к Томску ставились и специальные задачи. А именно, на Томск смотрели, как на центр, где можно среди с'езжающейся сюда молодежи комплектовать кадры работников для Сибири. Это и определяло то внимание, которое местный комитет уделял студенчеству.

Однако, эта задача была не из легких, ибо социал-демократы встречали здесь конкуренцию эсеров, которые в лице «Сибирского союза С. Р.» ставили по отношению к томскому студенчеству, примерно, такие же задачи. Особенно сильное обострение эта борьба получила несколько позднее, примерно, к концу 1904 г., но и ранее она так же была упорной.

В это время преобладающим влиянием пользовались эсеры, которые в рыхлой интеллигентской обстановке томского студенчества имели больший успех. Это обстоятельство очень огорчало нас и мы часто жалели, что в Томске нет красноярских железнодорожных мастерских с их рабочими, которые освежили бы томское интеллигентское болото. И это еще больше толкало нас на нашу работу среди томских рабочих.

К лету 1904 г. у нас связи с рабочими значительно расширились и окрепли. Мы связались с печатниками, привлекли несколько рабочих кожевников. В общем у нас было организовано несколько десятков рабочих, которые имели своих десятников, державших связь с Комитетом через нас.

Весною мы предложили Комитету устроить первомайскую массовку в лесу с участием рабочих. Предложение было принято и наша первая рабочая массовка состоялась верстах в двух от города по дороге к Громовской мельнице.

Здесь произошла первая встреча наших рабочих с студенчеством и здесь же они услышали первую схватку с эсерами, которые, разузнав о подготовляемой нами массовке, прислали своего оратора.

Полиция также оказалась осведомленной, но по каким то причинам опоздала, явившись на место массовки тогда, когда мы благополучно выбрались из леса в черту города.

Мы были бесконечно горды своей работой. Подумать только—массовка, где было свыше сотни народу! Была дискуссия с эсерами, была полиция и все прошло гладко. Мы торжествовали.

Первые результаты нашей работы нам казались удачными.

Наша типография.

По мере роста наших связей с томскими рабочими мы почувствовали недостатки и примитивность нашей организации. Поскольку комитет работал среди студенчества, он обходился теми библиотечками, которые функционировали среди студенческих землячеств. В университете издавались рукописные и литографированные журналы, летучки и это удовлетворяло нуждам работы.

Особняком стояло так называемое паспортное бюро и пара явочных квартир, которые были как бы специальными предприятиями Томского комитета.

Привлечение рабочих, рассеянных по разнообразным предприятиям Томска, поставило на очередь создание таких предприятий, которые способны были бы обслужить новых членов. Пришлось подумать о специальной библиотечке, которая была бы доступна рабочим. Нужно было думать о квартирах для собрания десятков и десятников, которые совместно с представителями других кружков составляли «подкомитет»—нечто вроде современного делегатского собрания.

Эта квартирная нужда, особенно зимой, представляла самую большую часть наших забот и огорчений. Но тем не менее мы квартиры отыскали и собирались довольно аккуратно.

Появление в наших рядах печатников выдвинуло на очередь вопрос об устройстве нелегальной типографии.

Для Томска нелегальная типография не была новостью. Но в данный момент у нас не было типографии, и вот мы решили поставить свою «технику».

За дело мы взялись с увлечением. Печатники стали потихоньку собирать шрифт для кассы. Я организовал отливку в нашей литейной мастерской вала, который потом мы обточили в нашей токарной. Словом, работа кипела.

Нашли, наконец, квартиру где то на «Болоте», где и обосновали нашу типографию.

Первым «хозяином» типографии был Григорий (печатник из типографии Яковлева). Связь держали я и «Жук»,—под такой кличкой был у нас рабочий Овчинников, погибший в 1905 году.

Комитет дал нам текст прокламации, которая должна была быть напечатана в нашей новой типографии. Как называлась эта прокламация, не помню, но написана она была «крепким» и «соленым» языком, который не привел в восхищение. Он, так сказать, соответствовал нелегальной типографии, ибо «преснятину», по нашему мнению, можно было печатать и в «Сибирском Вестнике»,—газетка, которая в то время выходила в Томске и в которой сотрудничала наша публика.

Прокламация была напечатана и распространена по всему городу. Полиция была ошеломлена нашей дерзостью. Нам удалось не только разбросать прокламацию, но и расклеить в разных местах города.

Но это отнесено было за счет университета и студенчества, полиция не могла допустить, что это дело томских рабочих, так невероятна и нелепа казалась тогда мысль о возможности рабочего движения в Томске.

Прокламация была у нас излюбленным средством агитации. В качестве образца нам служила в своем роде знаменитая прокламация, написанная, кажется, Николаем Большим (Баранским)—«Восемь лошадей—сорок человек». Эта надпись украшала тогда товарные вагоны, которые были употреблены для перевозки переселенцев в Сибирь. Вот эту тему он и использовал, дав образ-

чик сильной политической агитации против царизма, вправленную в рамку сибирской переселенческой действительности.

Эта прокламация была прекрасным агитационным средством, и мы ею зачитывались.

Типография наша просуществовала около полугода, но затем по каким то случайным обстоятельствам провалилась.

Накануне 1905 года.

Русско-японская война перевернула вверх дном мирную сибирскую обстановку. На Дальний Восток потянулись эшелоны с солдатами. В сибирских городах начали расти гарнизоны. Мобилизация следовала за мобилизациями.

На первых порах широкие круги сибирской общественности охватили шовинистический угар. Вероятно, потому, что Сибирь сравнительно близко от театра военных действий, воинствующий патриотизм в Сибири нашел большое выражение. «Макаки», «япошки»—других названий для японцев не было. «Шапками закидаем»—это было, так сказать, предопределение судеб русско-японского столкновения. Ждали быстрой развязки...

Но война затянулась. Мобилизация в Сибири продолжалась, эшелоны бесконечной вереницей все тянулись на Восток, а в обратном направлении ползли слухи о наших неудачах, о поражениях, о храбрости японцев и бездарности нашего командования.

Вскрылась корейская лесная авантюра Алексеева, Безобразова и К-о, которая послужила поводом к столкновению с Японией.

Падение Порт-Артура, неудачи в Манчжурии, Цусима... чаша терпения стала переполняться. Где то вдалеке, в России, загрохотали раскаты надвигающейся революционной грозы.

С невероятной жадностью ловились всякие вести с фронта. Газеты зачитывались до дыр. На собраниях все разговоры обычно сводились на войну.

На очередь была поставлена задача пропаганды среди войск. В первую очередь мы решили заняться томским гарнизоном, а затем повести работу в проходящих по Сибирской магистрали воинских эшелонах.

Эта работа с первых же шагов оказалась чрезвычайно трудной и сложной. Пробовали мы отыскать среди солдат томского гарнизона земляков. Двум или трем нашим рабочим удалось отыскать таких земляков, но когда они приступили к обработке своих земляков, то один из них взял да и потащил своего неудачного пропагандиста к фельдфебелю.

Более удачно у нас вышло с прокламациями, которые мы расклеивали в районе казарм. Солдаты их читали и это имело некоторое следствие в виде разговоров среди солдат в казармах.

В конце-концов нам все же удалось добиться того, что мы завербовали трех солдат, которые довольно исправно брали у нас литературу для распространения в казармах. Бывали они также и на некоторых наших собраниях.

Но и тут вышла тоже неудача. Одного из нашей тройки угнали с его полком на Дальний Восток, и работа на некоторое время затихла, так как оставшиеся были менее активны и предприимчивы.

Между тем русско-японская война приближалась к своей развязке. Неудача этой войны больно ударила по трону Романовых. Трон зашатался. Приближалась историческая осень 1905 года.

Булыгинская дума... Всеобщая железнодорожная забастовка... Наконец, манифест, который для нас в далекой провинции послужил сигналом к началу открытых действий.

Но в Томске эти открытые действия дались тяжело.

Мы, не имевшие опыта, по инерции продолжали возиться в подполье, только изредка высовывая нос для того, чтобы выступить в городской думе или на случайном собрании, а затем опять ныряли в подполье. Нам нужен был какой то толчок, который должен был выбросить нас из подполья на поверхность легальной политической жизни и заставить нас здесь удесятерить ту энергию, которую мы развивали в условиях нелегальной работы.

Таким толчком и послужила знаменитая октябрьская всеобщая забастовка. Именно она вывела нас из подполья на дневную поверхность.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Октябрь 1905 года в Томске.

Приехав в конце 1900 года в Сибирь, я здесь никаких следов социал-демократической организации не нашел. Конец 1901-го и первую половину 1902 года мне пришлось быть заграницей. Перед возвратом в Сибирь я и Е. Б. Броннер были в Женеве у Г. В. Плеханова, от которого узнали, что в Сибири существует организация рабочедельческого направления*) и получили от него задание, приехав туда, придать Сибирской организации искровское направление. Прибыв осенью 1902 г. в Томск, мы нашли здесь «Сибирский соц.-демократ. союз», возглавляемый лидерами сибирского «экономизма», Воложаниновым и Доброхотовым, а наряду с ним уже активно работающую группу студентов и интеллигентов искровского направления. Мы вошли в состав этой группы. Влияние этой группы быстро расло. Уже в начале 1903 года обновленный состав Сибирского союза полностью стоял на искровской платформе. За 1903 год соц.-демократические Комитеты искровского направления организовались в пяти крупнейших городах Сибири (Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Омск). Сибирский союз (членом его я вступил в том же году) являлся районным органом. Его существование было летней обще-сибирской конференцией 1903 года признано целесообразным, как органа, призванного связать местную работу с работой общепартийной. 1903 год следует признать началом массового рабочего движения в Сибири. Майская демонстрация в этом году в Томске, внушительная по своим размерам, была организована самими рабочими. В 1904 году в Томске активно работали две нелегальные типографии: союзная и комитетская. С начала русско-японской войны Сибирским союзом была начата оживленная агитация против войны в первую очередь среди войск, направляемых на восток. Выпускаемые Союзом листовки в сотнях тысяч экземпляров проникли до самой арены бойни—до полей Манчжурии. Издательским центром Сибирского союза стал Томск.

К началу 1905 года Томский комитет опирался уже на несколько сот передовых рабочих, главным образом, печатников и на значительные кадры революционно-настроенного студенчества. Настроение и тех и других было очень боевое. При Комитете в это время существовала «боевая организация», сформированная из десятков.

---

*) «Рабочедельцами» назывались последователи того «экономического» течения в рядах русской социал-демократии, выразителем которого был журнал «Рабочее Дело», в 1889-1901 г г. выходивший в Женеве под редакцией Кричевского, Мартынова и др. Рабочедельцы слишком умаляли значение политической борьбы, а порой даже совершенно отрицали ее необходимость для освобождения рабочего класса. В центре своего внимания рабочедельцы, главным образом, ставили экономическую борьбу рабочих с предпринимателями, и поэтому то рабочедельцев называли также «экономистами». **Прим. Ред.**

Каково в это время было направление руководителей работой Томского комитета? Тов. Н. Баранский в своих воспоминаниях говорит, что в Томске в 1905 году безраздельно царили меньшевики. Это утверждение не соответствует действительности. Это утверждение Н. Баранский мог сделать потому, что он в 1905 году был оторван от Томска и от работы Томского комитета. Общесибирская конференция в Томске, которую тов. Баранский относит к лету 1905 года и которая, как мне помнится, имела место в 1904 году, была посвящена, главным образом, вопросам, вставшим перед партией после второго партийного с'езда. Именно тогда значительная часть членов конференции (в том числе и я) стала на большевистскую платформу. Показателем твердости этой платформы в Томске явилось все развитие революционного движения за 1905 год, завершившееся октябрьскими днями.

Первое в этом году активное выступление было вызвано 9-м января. Когда весть о девятом января дошла до Томска, местный социал-демократический Комитет постановил: на кровавую баню 9-го января ответить вооруженной демонстрацией в Томске и забастовкой по всей линии Сибирской жел. дороги. Вооруженная демонстрация состоялась 18-го января. Организаторы не рассчитывали при этом на массовый характер этой демонстрации. К участию в ней были привлечены те шесть-семь сотен рабочих и студентов, какие группировались вокруг Томского комитета. Время демонстрации при всей конспиративности ее подготовки было, конечно, известно полиции, которая приняла соответствующие меры. День был будничный (вторник). Рабочие должны были выйти на демонстрацию с работ. Полиция оцепила наиболее крупные мастерские и типографии и на демонстрацию вышли человек 400 студентов, несколько десятков рабочих и десятка два интеллигентов. Вооруженное столкновение с полицией и войсками произошло вскоре после начала демонстрации. Залпы были с той и другой стороны, с той и другой стороны были жертвы. Погиб со знаменем в руках один из лучших рабочих типографщиков Иосиф Егорович Кононов. Вот что писалось об этой демонстрации в издававшейся в Женеве газете «Вперед» в № 12 от 29 марта 1905 года: «Кроме Егора Кононова, убит был мальчик 13 лет*). Раненых и изувеченных около 200 человек, арестовано 120 человек. Кононова хоронили через несколько дней. В гробу он лежал в красной рубашке, в венке была красная лента. Речей не было, полиция вела себя сдержанно. В университете и технологическом институте были сходки. Решено было прекратить занятия до осени. В университете, кроме того, решено было содействовать Сибирскому союзу в устройстве забастовки по линии Сибирской железной дороги, чтобы тем положить конец войне. После сходки студенты, бывшие в первой аудитории, прошли в актовый зал и там разорвали большой портрет Николая II».

В день похорон Кононова Томский комитет выпустил листовку: «В венок убитому товарищу»**).

---

*) Кононов ошибочно назван Егором. Его настоящее имя Иосиф. Типографы обычно называли его Осипом.

Что касается другого убитого, так это был 14-летний юноша Андрей Васильевич Елизаров. К революционному движению Елизаров никакого касательства не имел. На демонстрацию он пошел из любопытства. Пуля, пущенная из револьвера системы «Смит Вессона», пробила диафрагму и застряла в кишках. Юноша все время находился в полном сознании. Хирурги думали даже, что его удастся спасти, но он скончался во время операции.

**) Полный текст этой прокламации приведен на странице 137 настоящего сборника.

В начале февраля Сибирский союз выпустил напечатанную в Томске прокламацию: «Рабочий класс и поп Гапон». В этой прокламации Союз писал:

«Итак, товарищи, первый шаг всенародного восстания свершен. Один единственный путь для завоевания истинной свободы, необходимый рабочему классу в его борьбе за социализм,—это путь восстания. Первый шаг всенародного восстания свершен, второй шаг, который неизбежно разнесет в прах монархию, российский рабочий класс сделает не с иконами в руках, не с смиренным прошением на устах, а с оружием в руках, под красным знаменем пролетариев всех стран.

Вместо хоругви—красное знамя, вместо попа—социал-демократия, вместо смирения—смелое нападение с оружием в руках... Таков будет наш последний шаг.

Готовьтесь же, товарищи! Революция не за горами!».

Немногим позже была выпущена Томским комитетом прокламация: «Ко всем гражданам России». В ней Комитет говорил: «Вставайте, граждане, час Революции пришел!».

Томский комитет принял активное участие в проведении по линии Сибирской жел. дороги всеобщей забастовки, организованной Сибирским союзом. Тюки прокламаций были направлены из Томска на линию жел. дороги. Ряд партийных работников были перекинуты в Красноярск, где в железнодорожных мастерских сконцентрировано было свыше 3.000 рабочих и откуда предполагалось начать забастовочное движение.

В марте Томский комитет обратился с открытым письмом к членам железнодорожного Комитета РСДРП. В этом письме Комитет писал:

«Товарищи! Вы взялись за громадную задачу, вступив членами в Комитет Управления Сибирской жел. дороги. Действительно, что значат слова: «организация движения против полицейско-административного произвола»? Ведь это, если не играть в прятки, не более и не менее, как подготовка восстания против самодержавного строя, и вы, согласившись быть членами Комитета, взялись за подготовку его и это тогда, как пролетариат готовится к последнему натиску»...

Одновременно с указанным письмом была выпущена Томским комитетом прокламация: «Ко всем железнодорожным рабочим». В ней Комитет звал железнодорожных рабочих к борьбе, к восстанию. «Главная наша борьба не в том, чтобы повысить плату, укоротить рабочий день, а покончить с самовластием царя и установить самовластие народа. От Петербурга до Сибири дружно бросайте работы, дружно выходите из мастерских, останавливайте воинские поезда, об'ясняйте братьям-солдатам, что не хотите везти их на царскую бойню, братски об'единяйтесь с войсками, захватывайте города. Наступает час всенародного восстания».

Забастовка по линии Сибирской жел. дороги не удалась: слишком еще невелико было число железнодорожных рабочих, готовых к политическому наступлению. Начавшаяся в Красноярске забастовка была быстро сорвана репрессиями. Неудача забастовки заставила Томский комитет фиксировать свое внимание на углубление работы, силы были брошены на организацию пропагандистских кружков среди рабочих и студенчества. Маевка вылилась в сравнительно немноголюдный митинг в лесу, на котором участвовал широкий актив Комитета. За лето также в лесу организован был ряд митингов. Революционное напряжение росло, захватывая все более широкие слои рабочих и студенчества. Это напряжение выявилось в Октябрьские дни.

Забастовка железных дорог, начавшаяся с Московского узла 7-го октября, захватывая все новые и новые дороги, докатилась и до Сибири. Еще до остановки движения по линии, началась забастовка всех служб Сибирской жел. дороги. 12-го октября состоялось заседание железнодорожного Комитета РСДРП, который постановил созвать на 13-е октября сходку из всех служащих Главного Управления Сибирской жел. дороги. В указанный день в 2 часа дня состоялся многолюдный митинг в помещении железнодорожного Собрания. Митинг пришлось прервать, так как Собрание было окружено солдатами, но собравшиеся успели принять единогласно решение об'явить с этого дня политическую забастовку всех служб Сибирской жел. дороги. Были также приняты лозунги Московского узла. Со следующего дня (14 октября) остановилось железнодорожное движение. В этот же день в Томске началась забастовка учащихся средне-учебных заведений. На 15-е октября Томский комитет об'явил митинг в технологическом институте. Собраться митингу не удалось, так как оцепившие институт войска никого внутрь не пропускали. Расставленные Комитетом патрули направляли желающих попасть на митинг в здание Бесплатной Библиотеки. В это же время толпа из нескольких сот учащихся средне-учебных заведений ходила и срывала занятия там, где они еще велись. Были сняты: реальное училище, женская гимназия, городское трехклассное училище; мужская гимназия забастовала сама. Несколько сот молодых забастовщиков присоединились к толпе, идущей в Бесплатную Библиотеку, которая к 12 часам дня была уже переполнена. Немедленно появились казаки, за ними следом солдаты—и здание подвергнуто было настоящей осаде. Стоящие вокруг здания и не успевшие попасть внутрь, были избиты и рассеяны. Осада тянулась до поздней ночи, провиант не пропускался. В то время, как внутри здания шел оживленный митинг, снаружи толпились отцы и матери попавших на митинг детей (были 10-12-ти летние). На слезные мольбы родителей губернатор Азанчевский-Азанчеев согласился освободить женщин и детей с тем, чтобы все мужчины были препровождены в тюрьму. Предложение губернатора передано было участникам митинга. Состоялось совещание детей. Без какого-либо давления со стороны взрослых, изголодавшиеся малыши единогласно решили не выходить никому, если не будут освобождены все. Положение становилось критическим: с одной стороны—голодные осажденные, с другой—озверевшие казаки и солдаты (казаки к вечеру были все пьяны, едва держались в седлах). На повторные просьбы пропустить провизию, губернатор твердил одно: «не хотят сдаться добровольно, возьмем измором». Забаррикадировавшись, осажденные готовились к ночевке. Развязка наступила совершенно неожиданно.

В 10 часов вечера в помещении городской управы собралось несколько сот человек, в том числе и родители осажденных детей для решения, что делать. В этом заседании раздался призыв «к оружию» и указано было на необходимость приступить к организации милиции. Постановлено было отправить городского голову, доктора Макушина и нескольких гласных к губернатору с требованием немедленного освобождения всех осажденных. После ухода делегации был поднят вопрос о том, что делать в случае отказа губернатора. Для ускорения дела решено было пойти к губернатору всем, и там ждать ответа, а в случае отказа «ударить в набат, призвать всех к оружию, вооружиться кто чем сможет и пойти на выручку детей» (предложение Т. Т. Вольфсона, видного томского культурника, убитого черносотенцами в кровавый день 20 октября). Несколько сот человек самого разнохарактерного состава двинулись в 12 часов ночи в направлении к губернаторскому дому. Толпа, по мере

движения, расла. Губернатор довольно грубо встретил городского голову и гласных и стоял на своем прежнем решении освободить только женщин и детей. Во время переговоров он был вызван в соседнею комнату, где от агентов своих узнал о решении, принятом в управе, и о движении толпы к его квартире. Храбрость оставила администратора, он немедленно дал распоряжение увести казаков и солдат и, не трогая никого, освободить всех осажденных. Толпа человек в 800-1000 была уже у дома губернатора, когда узнала об его распоряжении. Удостоверившись в справедливости узнанного, толпа стала расходиться.

На следующий день, 16 октября, назначен был митинг служащих в городских учреждениях. К 12 часам дня помещение управы, вмещающее тысячи полторы людей, было переполнено. В ожидании осады, многие пришли с запасом провизии. Собрание должно было быть посвящено докладу возвратившегося со С'езда земских и городских деятелей прис. пов. П. Вологодского*). По окончании его очень бледного доклада решено было перейти к обсуждению вопросов, представляющих собою более острый интерес. Между тем на улице у помещения управы увеличивалась толпа не попавших на митинг из-за тесного помещения. Раздался голос о необходимости перейти в более обширное помещение. Решено было пойти в Общественное Собрание, располагающее самым обширным залом в Томске. К 3-м часам зал Собрания был заполнен. Уже в это время в зале было не менее 4-х тысяч человек, прибывали все новые и новые волны, вскоре заполнились хоры, сцена, коридоры. Состоялся первый по своей грандиозности митинг в Томске. Почуяв настроение собравшихся, разные почтенные отцы города вместе с докладчиком Вологодским предпочли удалиться. По поручению Комитета, я взял на себя руководство митингом. Первые же выступавшие ораторы осветили значение охватившей всю страну железнодорожной забастовки, как начало общего восстания. В зале появились тысячи прокламаций Сибирского союза и Томского комитета. Настроение повышалось. В разгаре митинга с телеграфа был доставлен только что полученный знаменитый приказ Трепова: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». В своей речи, посвященной этому приказу, руководитель митинга сказал, что на этот приказ может быть дан один ответ: вооруженной силе правительства будет противопоставлена вооруженная сила восставшего народа. Предложение приступить немедленно к сбору пожертвований на вооружение было встречено восторженно. Пущенные шапки стали быстро наполняться деньгами, серьгами, часами, кольцами. Среди пожертвований оказался японский кошелек, наполненный японскими деньгами—дар участника кровавой трагедии Дальнего Востока. Митинг поручил с.-д. Комитету приступить немедля к заготовке оружия. Присутствовавший на митинге военный сказал: «В ответ на приказ Трепова, равносильный заявлению, что в борьбе с революцией мы зальем кровью Россию, может быть один ответ: борьба. Не словами должны мы ограничиваться, а приступить немедленно к делу. Мы не оставим этот зал, пока не дадим Ганнибалову клятву: победить или умереть»... Митинг, число участников которого к концу составляло не меньше 6 тысяч человек, закончился трижды повторенным лозунгом: «Да здравствует вооруженное восстание!».

Ночью, вслед за митингом мы ждали арестов. Таковых не только не было, но губернатор вызвал к себе на следующий день городского голову и

---

*) Впоследствии П. Вологодский был председателем колчаковского Совета министров.

сказал ему, что в народе назрела потребность в собраниях, что он против таковых не возражает, но что он не может разрешить собираться в высших учебных заведениях и в Общественном Собрании, где из-за многолюдства бывшего митинга пол дал осадку (соответствовало действительности), и предложил наметить для собраний другое помещение. Совещание по этому вопросу состоялось в тот же день. Намечены были: городской театр, Бесплатная Библиотека и Железнодорожное Собрание. А в это время в городском театре самостийно состоялся митинг, на котором участвовало до 3-х тысяч народу.

За дни 17-18 октября забастовочное движение охватило все предприятия города. Были захвачены забастовкой и высшие и средние учебные заведения. 18-го октября занятия еще шли в одном только Коммерческом училище. И вот утром этого дня 300-400 учащихся средне-учебных заведений, собравшись у мужской гимназии, двинулись по направлению к Коммерческому училищу.

Версты три прошла молодежь с пением революционных песен.

Администрация не вмешивалась. Дойдя до Коммерческого училища, толпа, значительно выросшая, выбрала делегатов, которые направились к директору училища и потребовали прекращения занятий. Требование было удовлетворено, но выпуск учеников производился преднамеренно медленно. Учащиеся собирались уже двинуться в обратный путь, как неожиданно налетела сотня казаков, предводимая полицийместером. Команда: «в нагайки!»—и началась дикая расправа. Били нагайками, шашками, топтали лошадьми, гимназисток хватали за косы, поднимали на воздух. Многие дети увезены были с поля битвы тяжело избитыми, окровавленными. Весть об избиении молниеносно облетела город. Памятуя вечер 15 октября, обыватель кинулся в городскую управу, куда по настоянию собравшихся был вызван городской голова и члены управы. Предполагалось открытое заседание городской управы. В виду тесноты помещения, некоторыми из присутствующих было предложено перенести заседание в театр. На это предложение городской голова заявил: «Господа! Кто не желает оставаться, может уходить. Мы же будем вести свое заседание только здесь и никуда не пойдем». Не успел городской голова открыть заседание, как в городскую управу явились делегаты из театра, где собралось несколько тысяч человек, и начался митинг. Делегаты передали мне, что на митинге я избран председателем и что мне поручено потребовать от управы переноса ее заседания в театр. Это категорическое требование было мною тут же пред'явлено и члены управы вместе с городским головой, украшенным цепью на шее, молча поднялись и направились в сопровождении толпы в театр. Здесь перед ними были поставлены вопросы: как намерена городская дума реагировать на имевший в этот день место дикий произвол и что думает она предпринять, чтобы в дальнейшем гарантировать гражданам их неприкосновенность? Городской голова и члены управы заявили, что они готовы совместно с собравшимися обсудить возможные меры, но что такое обсуждение явится лишь предварительным. Какого-либо решения они, как отдельные члены думы, принять не могут. Созвать же немедля общее собрание гласных думы при наличии забастовки трудно.

Из присутствующих на митинге выделилась тут же группа в несколько десятков человек, которая быстрый созыв гласных взяла на себя. Со своей же стороны митинг выставил следующие требования: прекращение выдачи всякого довольствия полиции и ее роспуск, немедленная организация народной милиции, вывод из города казаков, отстранение от должности губернатора. Ответ на эти требования должен был быть дан в тот же день вечером. В случае невоз-

можности удовлетворить выдвинутые митингом требования, дума будет распущена и вместо нее будет избран новый орган самоуправления. Все эти предложения были выдвинуты митингом стихийно. Горячие речи оратора, повторные призывы к поголовному вооружению, сборы на вооружение, массовое предложение вступить в ряды милиции—все это поднимало настроение. И когда присутствующим на митинге каким-то военным врачом было предложено пойти арестовать губернатора, тысячная толпа хлынула к выходу с криками: «арестовать», «убить». С большим трудом удалось председательствующему сдержать стихию и предупредить страшную кровавую бойню: солдаты и казаки стояли наготове в казармах, расположенных вблизи дома губернатора.

Митинг продолжался. Он перешел к страстным прениям по вопросу о создании органа, который заменил бы теперешнюю думу и мог бы взять на себя осуществление практических мероприятий, намечаемых на митингах, и в первую очередь организацию народной милиции. Но вскоре вопрос этот был отодвинут новым событием: в 5 часов вечера на митинг был доставлен полученный телеграфно текст манифеста 17-го октября.

Весть о манифесте разнеслась быстро по городу. В разных местах театра стали появляться новые лица, до того не бывшие на митингах: расхрабрившийся либерал-обыватель, профессура.

Огласив манифест, председатель митинга произнес большую речь, в которой подверг манифест тщательному разбору. Он указал на то, что кажущиеся свободы, какие манифест возвещает, об'явлены царским правительством только потому, что оно стоит сейчас перед лицом всеобщей политической забастовки—началом всенародного восстания. Манифест—ловушка, маневр для получения передышки, чтобы, собравшись с силами, разделаться с восставшим народом, а затем взять назад все обещанные подачки. Председатель закончил свою речь призывом: манифесту не верить, а продолжать готовиться к дальнейшей борьбе с оружием в руках*). Некоторые другие ораторы тоже дали приблизительно такую же оценку манифесту. И в те дни среди бесконечного числа агентских телеграмм с разных концов России, рисующих картины молебствий и торжеств, вызванных возвещением свобод, резко выделялась телеграмма из Томска, гласящая: «манифест населением встречен холодно». На митинге, на котором присутствовала наиболее сознательная часть населения Томска, после манифеста громче чем когда-либо прозвучали призывы к вооруженному восстанию, которое одно только сможет своим победоносным шествием обеспечить завоевание той истинной свободы, которая не будет возвещена манифестами, а явится в итоге кровавой борьбы. Больше чем когда-либо в этот день поступило взносов на вооружение.

Перед закрытием митинга председатель напомнил присутствующим, что ровно десять месяцев тому назад погиб с красным знаменем в руках рабочий Иосиф Кононов. Он напомнил из прокламации «В венок убитому товарищу» следующие слова:

«Он пал со знаменем в руках, под сенью которого рабочий класс несет обновление всему старому миру... Рабочий класс знает это. Он знает, что нигде в мире свобода ему не давалась, а везде была добыта им кровью и жертвами... Жертв уже положено много, жертвы еще будут, без жертв не обойтись».

Обнажив головы, стояла шеститысячная масса под звуки похоронного марша.

---

*) Указанная критика манифеста, а равно призыв к вооруженному восстанию легли в основу обвинения автора этих воспоминаний, когда он, по возвращении из эмиграции, судился в Томске в начале 1914 г. и был присужден к одиночному заключению, которое отбыл в томской губернской тюрьме.

После митинга поздно ночью состоялось заседание Комитета, на котором был поставлен вопрос о выборах органа революционного самоуправления. Не имея возможности выдвинуть какой-либо другой орган, который мог бы помочь Комитету справиться с руководством быстро и стихийно развивавшихся событий, Комитет остановился на выдвинутом на митинге органе революционного самоуправления, который смог бы, сменив прежнюю думу, взять на себя руководство всеми делами города. Одна из ближайших задач этого органа—замена полиции сильной милицией, образованной из примыкающей к Комитету периферии.

Составлен был список кандидатов от Комитета. Выбор их был обеспечен тем влиянием, каким пользовался Комитет, фактически руководивший движением.

Ночью было напечатано обращение Томского комитета к населению, призывающее его принять участие в выборах, и список кандидатов.

Весь следующий день—19 октября—отдан был выборам. Выборы происходили в театре, в Бесплатной библиотеке, в технологическом институте и на Соборной площади*). Согласно постановления, принятого митингом 18-го октября, выборы должны были быть закрытые, что представляло некоторые технические трудности. Но они были преодолены активностью значительных студенческих групп. Прошли выборы спокойно. Выступления отдельных эсеров были очень сдержанны и ограничивались предложением пополнить список их кандидатурами. В список вошли несколько эсеров и отдельные беспартийные. Всего было подано около десяти тысяч записок. Организация подсчета их была возложена Комитетом на Павла Обросова, который привлек к работе десятка два студентов. Подсчет начался с раннего утра 20-го октября. Закончить его не удалось.

20-го октября утром состоялось заседание Комитета, на котором, кроме меня, присутствовали Сухоруков, Е. Б. Броннер, Сошников и еще несколько членов Комитета. Здесь впервые было указано на то, что черная сотня организуется и что необходимо принять некоторые меры предосторожности. Решено было отменить назначенный на 20-ое октября митинг в театре и немедленно об'явить забастовку в городе законченной. При обсуждении дальнейшего плана действий К-та впервые за последние дни выявилось резкое разногласие между двумя направлениями Комитета**). Меньшевистски настроенный член Сибирского союза и Томского к-та Сухоруков настаивал на необходимости соглашения с Комитетом общественной безопасности, только что организованным старой управой, для организации милиции, признавал несвоевременным призыв к вооруженному восстанию после появления манифеста и требовал передачи собранных на вооружение денег на нужды типографий. Я категорически заявил, что ни в какие соглашения ни с кем мы входить не должны, что создаваемая старой управой милиция будет немедленно разоружена, как только соберется вновь избранный орган революционного самоуправления и оружие будет передано представителям Комитета, что на собранные деньги должно быть сейчас же приобретено оружие. Оставшись в мень-

*) В следственном материале по моему делу имеется показание одного свидетеля, который заявил, что при выборах на Соборной площади он, взобравшись на ящик, обратился к толпе с призывом «жидов не выбирать», но получил от кого-то сильный удар, слетел с ящика и был избит.

**) Во всех Сибирских комитетах, при наличии в них двух течений среди их членов, открытого раскола до Октябрьских дней не было.

шинстве, я заявил, что отказываюсь подчиняться выявившемуся большинству Комитета и буду в дальнейшем действовать под личную свою ответственность

С собрания Комитета я к 11 час. утра прибыл в помещение управы, где в это время шло первое заседание, так называемого; «Комитета общественной безопасности», в члены которого был приглашен и я, как «представитель митинга» (от участия, конечно, отказался). На заседании я заявил, что, ввиду организации черносотенных элементов, вопрос создания милиции требует срочного разрешения. У управы имеются добровольцы, имеется оружие. Это оружие она добровольцам раздаст. Созданная милиция будет временной. Вечером этого дня начнет работать орган революционного самоуправления, в его распоряжение Томский соц.-демокр. комитет представит 200 рабочих, которым оружие будет передано. Создание народной милиции не может оставаться в руках буржуазии. На замечание члена заседания гласного Быховского, что и им и нам нужна милиция для борьбы с черной сотней, я ответил, что организуемая ими милиция сегодня будет бороться с черной сотней, а завтра, по их же приказу, станет расстреливать рабочих. Нам же нужна милиция, которая будет бороться против черной сотни и выступит против них, если они начнут борьбу с рабочими.

Одновременно с заседанием «Комитета общественной безопасности», в управе шла раздача револьверов милиционерам добровольцам, большинство которых составляли члены Томского Добровольного Пожарного общества. Было среди добровольцев несколько студентов. В это же время, согласно распоряжения Томского комитета, в Бесплатной библиотеке был устроен сбор оружия. Доставлено было лишь несколько револьверов.

Между тем, черная сотня мобилизовала свои силы и начала действовать.

С самого начала революционных дней в Томске, в квартирах местного губернатора Азанчевского-Азанчеева и архиерея Макария (впоследствии митрополит Москвы) шли энергичные совещания, в которых, помимо хозяев, участие принимали: начальник охранного отделения и десяток наиболее надежных, преданных престолу местных тузов. Вырабатывались меры борьбы с крамолой. Не хватало решимости выступить открыто. Положение было не определенное, неизвестно было, каковы веяния в верхах, слаба еще была черносотенная организация при неуверенности в настроении войск. Открытый царский манифест возвещал народу свободы, а тайный приказ губернатора—омрачить кровью и ужасами первые дни этой мнимой свободы, развязал руки усердной администрации.

Она выступила 20-го октября в дружном единении с черной сотней.

В этот день около часа дня у здания полицейского управления собралась толпа в 200-300 человек. Взяв из помещения полиции портрет Николая, толпа двинулась через Базарную площадь в направлении к городской управе. Побив здесь камнями окна, она двинулась к дому архиерея. По дороге толпой были убиты: Яропольский, Гейльман, студент Евстафьев и ученик железнодорожного училища Шарыгин. Полиции не было, толпы никто не сдерживал. У дома архиерея толпу благословлял сам Макарий, после чего толпа двинулась к собору, где по распоряжению Макария началось молебствие. По мере приближения к Соборной площади толпа увеличивалась.

Внутри расположенного на той же площади здания главного Управления Сибирских жел. дорог (большой трехэтажный каменный корпус) собрались в это утро несколько сот служащих, пришедших за получением жалованья (накануне начальник дороги инженер Штукенберг заявил, что жалованье будет выдаваться 20-го октября).

Настроение собравшихся служащих было спокойное. Толпа манифестантов возбуждала только любопытство. Но, когда распространился слух о совершенных толпой убийствах, началась паника. Некоторые из служащих стали уходить. Выходившие подвергались избиению, избит был в это время архитектор Оржешко. Вскоре к зданию Управления подошел отряд милиционеров человек в 50 (30 человек вооруженных управой, часть вооруженных Томским комитетом, остальные добровольно примкнувшие со своим оружием). Когда отряд приблизился к толпе, стоявшей между собором и губернским правлением, толпа кинулась на отряд с палками, камнями. Начальник отряда студент Нордвиг приказал дать залп в воздух. Толпа быстро отступила: остался лежать один раненый черносотенец (кто-то выстрелил в толпу). Раненый был подобран студентом Зеленским, который на случайно проезжавшем извозчике повез его в расположенную вблизи больницу. Толпа кинулась преследовать Зеленского и камнями убила раненого. Спустя короткое время, толпа стала вновь собираться. Молебствие в соборе окончилось. Вышедшие из собора двинулись с портретом Николая в сторону, противоположную от здания Управления. Видя это, некоторые служащие стали расходиться, но были избиты, а некоторые убиты на крайних углах площади. Здесь был убит и Д. Д. Вольфсон, о котором я упомянул выше.

Между тем уходящая толпа была встречена казаками и пехотой, с которыми повернула назад к зданию Управления. Казаки, заняв угол Почтамтской улицы и Соборной площади, спешились и стали готовиться к стрельбе по милиционерам. Пехота, расположившаяся за оградой собора, также направила ружья на милиционеров. Милиции пришлось укрыться в здание Управления в надежде, что ей удастся через черный ход выйти на боковую улицу. Оказалось, что и во дворе стоял караул, который никого не пропускал.

Около 3-х часов дня на соборной ограде взвился белый флаг с вызовом парламентера. Нордвиг в сопровождении одного милиционера с поднятым белым платком пошел на переговоры. К нему вышел офицер и потребовал сдачи оружия и ареста милиции. Предложение это было отвергнуто. Постепенно черносотенная толпа начала облегать здание и, не встречая противодействия со стороны войск, стала громить здание, бить стекла и уничтожать все, делая попытки прорваться внутрь здания. Поняв грозящую опасность, попавшие в осадное положение скрылись на второй этаж и забаррикадировали вход на этот этаж тяжелыми шкафами с книгами, оставив на лестнице первого этажа пять милиционеров для первой встречи в случае нападения. Нордвигу удалось по телефону связаться с городской управой. Но городской голова Макушин сообщил, что на его просьбу очистить площадь от толпы и увести войска губернатор ответил решительным отказом, а городская управа сама ничего предпринять не может и, поэтому, предлагает осажденным самим выпутаться из создавшегося положения. Около 4-х час. дня вошли в Управление полицеймейстер, комендант города и начальник гарнизона. Они предложили отряду милиции сдаться, а если отряд этого не желает, то пусть не задерживает тех, кто намерен уйти, особенно женщин. Представители власти гарантировали уходящим безопасность. Отряд заявил, что сдаваться не будет, но, не желая в то же время брать на себя ответственность за других, предложил прибывшим подняться на 2-ой этаж для личных переговоров с осажденными. Представители власти большого доверия к себе не внушали, но все же нашлось несколько человек, которые направились вместе с прибывшими к выходу. Через несколько минут в здание были брошены тела только что вышедших: неко-

торые были тяжело ранены (инженер Клионовский и др.), а остальные были убиты. В числе убитых был инжен. Шварц*).

Сидевшие в засаде поняли всю безнадежность выбраться из здания и решили остаться, рассчитывая на сравнительную безопасность в каменном здании с бетонными сводами первого этажа.

Стемнело. Было пять часов. Толпа все больше зверела от беспрестанно чинимых избиений и убийств. На площади появился большой костер (был мороз в 10°). И вдруг в толпе родилась адская мысль поджечь осажденных. Ворвавшись в правую половину первого этажа, толпа быстро сложила гигантский костер из ломанной мебели, шкафов с книгами, облила его бочкой керосина и подожгла. Одновременно подожжено было здание и с другой стороны, возле которой стоял военный караул. Вскоре подожжен был и расположенный рядом театр. Огонь стал быстро распространяться, вырываться в окна, ярко освещая площадь. Внутри Управления раздались крики: «горим!». Началась паника. Осажденные стали рваться к выходу. Свободными от огня были только выходы во двор. Первые же выбежавшие были схвачены толпой, раздеты до-нага и растерзаны. Удалось прорваться группе в 60-70 человек, окруженных отрядом милиции, но далеко не всем. Среди убитых в это время был и начальник отряда Нордвиг.

В течение часа—полтора огонь держался в нижнем этаже, затем по лестнице проник в верхние этажи. Осажденные подымались все выше—на третий этаж, наконец, на чердак. Некоторые думали найти спасение на крыше, но падали, сраженные пулями солдат. Расстреливались и те, кто кидался к окнам, хотел спастись по дождевым трубам. На площади в это время стояла пожарная команда и бездействовала: войска не давали пожарным приступить к работе**).

Около 8-ми часов вечера, вследствие усилившегося огня, толпа отступила от здания и тогда явилась возможность оцепить здание солдатами. Однако, всякий, кто выскакивал из здания, убивался выстрелами солдат. Огонь подымался все выше. К 11-ти часам пламя вырывалось изо всех окон и вскоре рухнула крыша, похоронив тех, кто оставался в живых...

В это время в соборе заканчивал молебствие сам Макарий, а перед собором опьяненная кровью толпа с диким ревом кружилась вокруг костра. И тут же рядом торжествовал победу истинный сын бюрократии местный губернатор и, изображая из себя Нерона, любовался со своего балкона чудным зрелищем. На настоятельные со всех сторон требования прекратить ужасы, у него был один ответ: «ничего сделать не могу, всем теперь дарована свобода».

Число жертв кошмарного дня 20-го октября установить не пришлось: их было несколько сот. Были единичные жертвы и в последующие дни, когда разыгралась вакханалия разгромов и грабежей.

В награду за успешное выполнение приказа: «жги и бей» власть бросила лозунг: «громи и грабь». С 21-го по 24-ое октября шел разгром еврейских ма-

*) В отряде милиции был Алексей Ведерников. Он выбрался из здания легко. Схватив в комнате служителя самовар и кой-какое тряпье, он выскочил в окно нижнего этажа и крича: «тащи, братцы, там много добра!», побежал вперед. Громилами он был принят за «своего». Об этом тов. Ведерников рассказал мне уже в Москве после Октябрьских дней 17 года.

**) У самого здания Управления проходит центральный водопровод. Заведующий водопроводом дал приказ администрации водопроводной башни довести давление до максимума. но ему ответили. что башню окружают солдаты, получившие приказ не давать что-либо делать.

газинов, лавок, квартир и предприятий. Громила черная сотня вместе с казаками, солдатами и полицией. Из окружающих Томск деревень массами стекались крестьяне, которые обозами увозили из города награбленное. Все наиболее ценное и негромоздкое оставалось в руках громил городских. Никаких мер к остановке разгрома власть не принимала. Он был прекращен только 24-го октября. В этот день у разбитых пустых магазинов и лавок была поставлена «охрана».

В течение всех дней октября по улицам имели место отдельные акты насилия над «революционерами». Население было терроризировано. По улицам храбро гуляла одна только черная сотня.

В течение трех дней после 20-го октября я оставался в Томске в подпольной комитетской типографии. Выходил за это время неоднократно в город в гриме под «шпану».

8-го ноября в одежде поручика артиллерии я оставил Томск.

Подводя итог тому, что имело место в Томске 20 лет назад, я не могу, конечно, не признать, что нами тогда сделано было немало ошибок. Вполне основателен упрек, что Томский комитет много митинговал и прозевал организацию черной сотни. Помнить, однако, должно, что стихийно налетели события, стихийно они развертывались. Мы же не могли за ними поспеть и не могли ими овладеть, ибо для этого наша организация была слишком слаба.

Что же касается утверждения, будто в 1905 году в Томске безраздельно царили меньшевики, то оно не соответствует действительности. Весь 1905 год в Томске, начиная с января и кончая октябрьскими днями, освещенный об'ективно в моих воспоминаниях, говорит за то, что в Томском комитете идеи большевизма имели своих сторонников, которые стремились проводить их в жизнь

В. М. Броннер.

Иосиф Егорович Кононов.

Иосиф Егорович Кононов—первая жертва, павшая в Сибири в революционном 1905 году. Кононов был печатником-накладчиком. Работал он в типографии Макушина. Однако, Кононова знали не только типографы. Его знали все томские рабочие и особенно знало его все томское «подполье», так как Кононов держал связь со многими «пятерками», а в то время распропагандированные рабочие были в Томске сгруппированы в «пятерку».

Кононов окончил только двухклассное народное училище. Любознательный от природы, Кононов много времени и труда тратил над самообразованием Благодаря своему рвению к науке и знаниям, Кононов проник в подпольный кружок, организованный учащейся молодежью. Социал-демократы сразу обратили внимание на даровитого юношу и вовлекли его в активную революционную работу, которой он и отдался со страстностью, свойственной всем юным честным натурам.

Скоро видим мы его в рядах Сибирского соц.-дем. союза. Он работает в подпольной типографии союза, которая выпускает тысячи прокламаций. В марте 1904 г. типография проваливается, и Кононова арестовывают. Продержав несколько месяцев в тюрьме, Кононова освобождают. Выйдя на волю, он немедленно вновь отдает себя в распоряжение союза.

На 18-е января Томский комитет назначил демонстрацию—протест против расстрела питерских рабочих 9-го января. Было приготовлено красное знамя с надписью «Долой самодержавие»*). Полиция всячески старалась расстроить демонстрацию. Это ей, однако, не удалось. Демонстранты прорвали цепь полицейских около того места, где теперь находится дом профсоюзов, и вышли на мост, где Кононов высоко поднял древко со знаменем. Красный цвет привлек внимание озлобленных полицейских. Разгоняя шашками демонстрантов, они окружили Кононова и начали вырывать знамя из его рук. Но революционные руки крепко держали знамя и не выпускали его. Тогда полицейские стали наносить Кононову побои кулаками и шашками. Они изуродовали его лицо, отрубили ему ухо. И тут же на мосту революционная пуля, пущенная царским опричником, убила на смерть революционера Кононова.

Дней через 5-6 Кононова торжественно похоронили. Отдать последний долг пролетарию-революционеру собрались все рабочие города. Были также студенты и курсистки.

Летом возложили на могилу Кононова мраморную плиту, на которой выгравировали соответствующую надпись. В связи с открытием памятника состоялся на кладбище многолюдный митинг. Когда запели «Замучен тяжелой неволей», появились полицейские и казаки. До побоища, однако, не дошло.

«Могила Кононова»,—как пишет в своих воспоминаниях один из его товарищей,—«стала местом, куда в праздничные дни начали стекаться рабочие, чтобы помитинговать. Могилу окружили ограды. К ограде и плите рабочие прикрепляли пули, указывая этим на то, что Кононов был убит царской пулей. Полиция после нашего ухода сшибала эти пули. Мы каждый раз прикрепляли новые».

Умер Кононов, имея 19 лет от роду. Память о Кононове будет вечно жива.

Памяти Кононова посвящена прокламация «В венок убитому товарищу»

В. В.

---

*) Это знамя сшили: работница кожевенного завода Фрося Тобанакова и А Яропольская.

Сибирскій Союзъ-Комитетъ
Россійской Соціаль-Демократ. Рабочей Партіи.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

№ 75

ВЪ ВѢНОКЪ

УБИТОМУ ТОВАРИЩУ.

18 Января палъ отъ пули царскаго палача нашъ товарищъ, рабочій

Іосифъ Егоровичъ Кононовъ.

Онъ умеръ, какъ подобаетъ умереть всякому рядовому той великой арміи, которая называется всемірнымъ пролетаріатомъ. Онъ палъ, какъ готовъ пасть каждый изъ насъ, за рабочее дѣло. Онъ палъ со знаменемъ въ рукахъ, подъ сѣнью котораго рабочій классъ несетъ обновленіе всему старому міру... Онъ палъ... а полицейская сволочь, словно стая вороновъ, кружилась надъ нимъ. Онъ лежалъ уже въ предсмертной агоніи... а они продолжали издѣваться надъ нимъ, топтали ногами, били шашками и нагайками.

Царскому правительству мало было кровавыхъ бань въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и другихъ городахъ. Двуглавый орелъ не можетъ утолить своей жажды; ему нужны все новыя и новыя жертвы. И вотъ, въ морѣ крови, въ которомъ купается царское правительство, влилась новая струя молодой, благородной крови. Кровь лилась въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, кровь пролилась въ Томскѣ, кровь еще будетъ литься.

Рабочій классъ знаетъ это. Онъ знаетъ, что нигдѣ въ мірѣ свобода ему не давалась, а вездѣ была добыта имъ кровью и жертвами.

Кровавыя бойни, устроенныя царскимъ правительствомъ, убѣдили его, что самодержавный тиранъ не сдастся безъ боя.

Тюрьмы и висѣлицы не запугаютъ рабочій классъ, штыки и пули не остановятъ революціоннаго движенія пролетаріата.

Жертвъ уже положено много, жертвы еще будутъ, безъ жертвъ не обойтись. Такъ не будемъ, товарищи, безцѣльно проливать слезы по новой жертвѣ царскаго произвола.

Почтимъ память убитаго товарища—борца лучше... дружнѣе соединимся подъ знаменемъ соціальдемократіи и нанесемъ окончательный ударъ царской монархіи...

И всѣмъ, кому дороги интересы пролетаріата, скажемъ:

„Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ
Погибшихъ съ оружьемъ въ рукахъ,
Не пойте надъ ними надгробныхъ стиховъ,
Слезой не скверните ихъ прахъ;
Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,
Отдайте имъ лучшій почетъ.
Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ."

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ТОВАРИЩУ—БОРЦУ.

Томскій Комитетъ
Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи.

Февраль 1905 г. Типографія Комитета.

Алтай.

Как возникла и оформилась первая революционная организация РСДРП в Барнауле.

(По личным воспоминаниям и материалам Сибистпарта).

Первые попытки организации революционных кружков в Барнауле можно проследить задолго до революционного сдвига 1905 года. Но только в 1905 году революционная работа принимает массовый характер и вместе с тем оформляется партийная организация со своей строгой дисциплиной, с твердыми членскими кадрами. Это была Барнаульская организация РСДРП. Оформленных организаций других революционных партий в Барнауле в то время не было.

Но условия революционной работы в Барнауле были довольно своеобразны, по сравнению с другими крупными городами Сибири. Прежде всего, Барнаул накануне 1905 года был глухой уездный городок. Правда, это был административный центр «Алтайского Горного Округа Кабинета Его Величества» Здесь было не мало служилого люда, кабинетского чиновничества. Как центр большого хлебородного района, Барнаул вел довольно бойкую торговлю Здесь был ряд крупных торговых фирм, оживленная пароходная пристань.. Но промышленность была развита крайне слабо. Лесопильный завод, мельница, две небольших типографии, да несколько десятков шубных и пимокатных мастерских и ряд других ремесленных и полукустарных предприятий—вот и вся барнаульская промышленность. Основное пролетарское ядро—это пимокаты. Пимокатное производство развивалось чисто самобытным путем, вне какой-либо связи с другими промышленными районами. Барнаульский пимокат по большей части коренной местный житель. Его кругозор был крайне ограничен. Тяжелый изнурительный труд при 16-ти часовом дне. В воскресенье обязательное пьянство, которое часто затягивалось и на понедельник («понедельничание»).

Барнаул не был еще соединен рельсовой колеей с Сибирской железнодорожной магистралью. А революционное движение в Сибири шло, главным образом, по линии железной дороги. Революционные организации Сибири опирались именно на железнодорожный пролетариат. Вот почему работа социал-демократической организации в Барнауле была особенно трудна. События 1905 года не раскачали еще в полной мере отсталой рабочей массы. Всеобщая октябрьская забастовка прошла стороной. Здесь бастовали лишь приказчики, пред'явившие нанимателям требования 8-ми часового рабочего дня вместе с другими чисто экономическими требованиями.

Все же события 1905 года создали первый сдвиг в среде барнаульского ремесленного пролетариата. А наиболее полно он был охвачен революционными настроениями только в половине 1906 года, в результате упорной подпольной работы. Одновременно укреплялась и росла и социал-демократическая организация. Здесь мы остановимся на условиях ее возникновения и работы за весь период, охватывающий революционное движение 1905-06 г. г.

I. От кружковщины к организации.

Многие участники революционного движения в Барнауле вспоминают о революционных кружках, работу которых можно проследить с 1895 года, т. е. целое десятилетие до революции 1905 года. Это был период длительной подготовки революционного актива для будущей более широкой массовой работы. Здесь не было оформленных партийных организаций или группировок. Почин принадлежал отдельным революционно-настроенным интеллигентам. Преобладало народническое направление (Гуляев Н. С., Сулин А. Я., Силин), но было и чисто марксистское течение (Олюнина Е. А., Шумиловский Л. И., Семьянов П. Е.). Споры этих двух направлений революционной мысли, строго говоря, не выходили за пределы тесной среды близко знакомых между собой интеллигентов. Руководители кружков, пользуясь своими личными связями, умели залучить в Барнаул нелегальную революционную литературу. Народническая и марксистская литература читалась в кружках с одинаковым интересом без различия их направлений. В своей работе революционные кружки использовали с успехом две воскресных школы для взрослых, организованных «Обществом попечения о начальном образовании в рабочих районах города». Наряду с интеллигенцией—топографы, учителя, учащаяся молодежь—в революционные кружки постепенно втягиваются и отдельные передовые рабочие и ремесленники. Так, сапожник А. Т. Гулин называет среди участников революционных кружков 1897-900 г. г. сапожника П. А. Семенова, каменщика Шишлова, курьера Г. И. Никитина, переплетчика С. Д. Долгополова и др., а несколько позднее—каменщиков А. В. Решетникова и Г. С. Бавыкина, кузнеца С. И. Кузнецова, пимоката А. К. Кузнецова и других.

В последние предреволюционные годы начинает сказываться и влияние студенческого движения. Барнаульская молодежь попадает в высшие учебные заведения Петербурга, Москвы, Томска. Это влияние сказывается, прежде всего, среди учащихся старших классов местных средних учебных заведений: реального училища и женской гимназии. В их среде также организуются революционные кружки. Особенно сильно революционное влияние томского студенчества. Среди томских студентов попадаются активные работники социал-демократической партии. Очень большое влияние на организацию соц.-демократ. кружков в Барнауле оказал студент Томск. университета Н. А. Михайлов. Начинают выделяться активные работники и из среды местной учащейся молодежи (А. Быков, Т. Б. Авербух, Николаевы В. И. и А. И., В. Фейерабенд, В. Шеин, Н. Богословский, В. А. Никишин, Прохонин, Завьяловы П. и Д., Шмаков П. П., Болотов, Додоевская, Тюфякова и др.).

Эти кружки особенно широко развернули свою деятельность с общим нарастанием революционных настроений с начала 1905 года, но все они работали вразброд и с переменным успехом. Захватывали они крайне неширокий круг участников. Несколько больше общения было только в среде учащихся, там больше сказывались и чисто литературные влияния, идущие из центра.

Первые попытки более широкого влияния на рабочую массу путем печатного слова были сделаны переплетчиком С. Д. Долгополовым. Это была довольно своеобразная фигура старого революционного подполья. Он происходил из старообрядцев-крестьян Тамбовской губернии. Не имея школьного образования, он приобрел все же довольно разносторонние знания путем чтения книг. Этими знаниями он делился с окружающими. Был неутомимым проводником, вовлекая в беседу каждого заказчика, каждого встречного рабочего. Он считал себя социал-демократом и был крайне прямолинеен в своей революционной проповеди, тесно связывая с нею и борьбу с религией. «Бога нет, в церковь ходить не надо»,—напрямик заявлял он подчас рабочему, только еще начинающему политически мыслить (вообще же в революционной работе того времени было принято более осторожное отношение к религиозным предрассудкам массы).

Долгополов по собственному почину начал варить гектограф для размножения революционных прокламаций. Сам он эти прокламации и писал, сам и распространял их среди рабочих и ремесленников. Прокламации он подписывал именем «Барнаульского комитета РСДРП», который фактически олицетворялся им единолично. В прокламациях он касался злободневных тем, связанных с Японской войной, и призывал громить «помещиков, баронов, графов и герцогов».

По содержанию долгополовские прокламации были составлены довольно-таки коряво. Правда, они пользовались успехом в рабочей среде. Но они не удовлетворяли работников других социал-демократических кружков и даже вызывали протесты с их стороны. Главным образом, подчеркивалось, что Долгополов не имел права выступать от имени социал-демократической партии, так как вообще оформленной партийной организации в Барнауле не было. Все же несомненно, что долгополовские прокламации сыграли свою роль и в оформлении партийной организации. Перед нашим губерским центром—перед Томским комитетом партии—особенно остро встал вопрос о правильной постановке партийной работы в Барнауле. Попутно отметим, что в дальнейшем Долгополов остался вне рядов Барнаульской социал-демократической организации. Помимо «самочинства», в его первых выступлениях здесь сыграли роль откуда-то возникшие сомнения в отношении политического доверия*).

Непосредственным поводом к оформлению партийной социал-демократической организации послужила первая попытка выступления с открытой революционной проповедью перед массой во время народного гуляния в городской роще в Троицын день, 5-го июня 1905 года.

Это выступление окончилось неудачей. Ораторы касались в своих речах неудачной для царского правительства и тяжелой для народа русско-японской войны. Лозунг «долой войну» был встречен массой терпимо, но хуже вышло, когда некоторые из ораторов затронули религиозные предрассудки толпы.

---

*) Долгополов уехал из Барнаула еще в 1905 году. В 1906 г. он был выслан из Томска в Нарымский край. Автору этих строк пришлось встретить Долгополова в Нарымском крае в 1915 году, куда он был выслан вторично. И здесь к нему было недоверчивое отношение партийной части ссылки, в связи с некоторыми другими арестами в Томске. Прямых обвинений в провокации не было, были лишь подозрения. В 1917 году, когда вскрылись секреты томских жандармских архивов мне передавали, что подозрения Долгополова в провокации оказались не основательными, но в числе несомненных сотрудников жандармерии оказалась... жена Долгополова, которая с его стороны пользовалась полным доверием. Такова трагедия этого самобытного революционного работника. **В. Ш.**

Импровизированный митинг закончился избиением «политиков». Более серьезно пострадали переплетчик С. Д. Долгополов и учитель И. Л. Симанин. Шесть человек из участников митинга несколько дней спустя подверглись жандармским обыскам и были арестованы в порядке охраны на две недели. (Симанин, Долгополов, Веронский, Никишин, Столяров и Семьянов). Все, кроме Симанина,—социал-демократы. После освобождения они решили активно приняться за формирование организации РСДРП. Были установлены связи с Томским комитетом партии. В Барнаул заехал проездом на Алтай томский студент Ник. Мих. Доброхотов—один из активных работников Сибирского социал-демократического союза*).

5-го июля с его участием состоялось собрание небольшой группы местных социал-демократов, посвященное задачам партийной работы. Некоторые из участников этого собрания склонны его рассматривать, как момент оформления местной социал-демократической организации. По сообщению П. Е. Семьянова, через неделю местная социал-демократическая организация была утверждена Томским комитетом партии. С ним установилась прочная связь, начала получаться литература научного и агитационного характера.

Живая связь была осуществлена через представителя Томского комитета РСДРП студента-медика Н. А. Михайлова, принявшего активное участие в сформировании Барнаульской социал-демократической организации и первых шагах ее работы. В центре организации стояла так называемая «Центральная Группа», личный состав которой был утвержден Томским комитетом партии. Она пополнялась «в порядке кооптации», т. е. по назначению, и была строго законспирирована. К Центральной Группе примыкала «подгруппа», куда были привлечены все остальные активные работники организации. Подгруппа имела в своем составе представителей Центральной Группы и пополнялась также в порядке кооптации. Связь с рабочей массой и с кружками осуществлялась через подгруппу. Остальные члены организации распределялись по кружкам, в которых велись занятия по вопросам партийной программы и тактики.

Михайловым же был проведен ряд массовок с участием рабочих и учащихся—в бору, за прудом. На одной из них он дал общее обоснование программы и тактики социал-демократии, сравнивая условия и содержание работы партии в России и Германии. Насколько еще мало подготовленная, преимущественно, рабочая аудитория глубоко воспринимала эту первую марксистскую проповедь, сказать трудно. Помнятся вопросы, которые задавались докладчику: какая разница между социал-демократами и эсерами, между большевиками и меньшевиками и что такое бернштейнианцы в Германии.

Вскрывая разницу в классовой позиции между социал-демократами и эсерами и в их тактике, докладчик все же, видимо, приноравливаясь к аудитории, особенно не заострял наших партийных разногласий с эсерами. Наоборот, он указал, что вполне в порядке вещей, как и бывало в сибирской практике, когда эсер, не имея в городе своей организации, работает вместе с социал-демократами и наоборот. В революции перед нами общие задачи. Горячо обсудив германский ревизионизм в лице Бернштейна, Михайлов в то же время подчеркнул, что фракционные течения внутри РСДРП носят характер

*) Он был одним из организаторов Сибирского С'езда РСДРП (1902-03 г. г.), работал в Томске, Омске и Иркутске. Позже он был одним из сибирских делегатов на об'единительном с'езде партии в Стокгольме, судился по делу Иркутского комитета РСДРП в 1909 г., был оправдан и в дальнейшей партийной работе активного участия не принимал.

чины чисто организационных разногласий в отношении выборности центральных органов и т. д. И опять-таки отметил, что в Сибири большевики и меньшевики всюду работают совместно в единой организации.

В общем и целом все же мне представляется, что Михайлов придерживался большевистской ориентации, но с большим уклоном к примиренчеству. Мы знаем, что эта позиция характерна вообще для наших сибирских организаций того времени.

см. Ярославск.

Барнаульская группа РСДРП в первый период своей работы была единственной партийной организацией в Барнауле. Ей приходилось считаться с тяжелыми политическими условиями, но ей не противостояло никаких других партийных организаций, если не считать попытки организации в Барнауле местной группы либерального «Союза Освобождения» и неоформленных либерально-революционных течений среди интеллигенции. Здесь возникновение социал-демократической организации вызвало опасения за раскол в революционном лагере, раздались протесты против наклеивания на революцию «партийных ярлыков». Проще говоря, революционно-настроенные интеллигенты-одиночки, делавшие подчас много словесного шума, опасались остаться генералами без армии. Делались предложения совместной работы и об'единения всех сил для наступающей революционной борьбы. Решили сделать попытку договориться.

Было созвано нелегальное собрание, на котором участвовали как представители беспартийной революционной интеллигенции, так и социал-демократы. От социал-демократической организации присутствовали Н. А. Михайлов, В. И. Николаев и др. Из противоположного «беспартийного лагеря» особенно характерную фигуру представлял ссыльный польский патриот пан Вильконьский.

Собрание долго спорило. Особенно горячился Вильконьский, протестуя против наклеивания на революцию «партийных ярлычков». Собрание, несмотря на его пестрый состав, нашло таки общую формулировку. Решение свелось к следующему: для успеха революционной работы нужна внутренняя дисциплина и связь с руководящим центром. А так как налицо уже была готовая связь по линии социал-демократической партии, то и решено было пользоваться этой связью и подчиняться руководству этой партии. Возражений против партийной программы (разумеется, принималась во внимание, главным образом, программа минимум) и тактики по существу не было.

Больших практических результатов это собрание не дало. Отдельные участники его оформили свою связь с партией. Для большинства же оказалось невозможным поддерживать прямую связь с партией, не состоя в ней и не подчиняясь ее дисциплине. Это не соответствовало и основным правилам конспирации.

Строительство революционной социал-демократической организации фактически прошло мимо этих стариков.

Зато к нам примыкала более молодая интеллигенция из среды топографов Алтайского округа, учителей и т. д. (Е. В. Богословский, П. Е. Семьянов, Е. А. Гордон, Я. П. Шмаков, А. И. Шапочников, И. А. Нешумелов, А. Ф. Вěронский, Е. З. Владимирова, М. С. Старостина, сесты Печеркины и др.). Эта молодая интеллигенция не была слишком обременена старыми традициями и воспитывалась на нашей новой марксистской литературе—на Плеханове и Ленине.

К осени 1905 года Барнаульская организация РСДРП насчитывала уже более 100 членов. Под ее руководством в октябре месяце прошла заба-

стовка приказчиков. Организовать забастовку в других учреждениях не удалось. К этому времени уже была поставлена собственная нелегальная типография. Были завязаны связи с деревнями Барнаульского и Бийского уездов. В Бийске также начала налаживаться социал-демократическая работа.

В Барнауле до получения манифеста 17-го октября сколько-нибудь широкой массовой политической работы не велось. Партийные кружки захватывали лишь неширокую группу передовых рабочих. И хотя они непосредственно соприкасались в своей повседневной работе с рабочей массой и их достаточно знали, все же чувствовался отрыв от массы, а немногочисленный барнаульский пролетариат стоял еще вне открытой борьбы с царским самодержавием. Вот почему социал-демократическая организация не могла использовать в полной мере тот удар, который был нанесен сомодержавию Всероссийской Октябрьской забастовкой. После получения в Барнауле манифеста 17-го октября в Народном доме состоялся ряд митингов и революционных демонстраций (20-22 октября), в которых участвовали интеллигенция, учащиеся, приказчики и небольшие группы рабочих. А 23-го октября черная сотня при поддержке полиции сумела организовать погром. Громили интеллигенцию, студентов, вообще тех, кто пользовался славой «политиков». Во время погрома пострадали некоторые активные работники социал-демократической организации из рабочей среды (Летов, Гулин, Кузнецов, Колимбетов, Бовыкин, Продкин, Зимачев и др.).

Среди погромщиков были и рабочие, из которых многие впоследствии сами приняли активное участие в работе социал-демократической организации. Все это как нельзя более подчеркивает тот отрыв от массы передовых рабочих-членов партийных кружков, о котором мы говорили выше.

Таким образом, Октябрьские дни в Барнауле показали, что рабочая масса еще слишком отстала, что впереди перед социал-демократической организацией еще большая работа.

II. К массе.

После коротких дней октябрьских свобод в Барнауле, закончившихся погромом, работа социал-демократической организации на-время замерла. Организация должна была еще крепче законспирироваться, многие ее активные работники скрывались и выехали из Барнаула. Но полоса послепогромной подавленности скоро прошла. Общее оживление общественно-политической жизни сказалось и в Барнауле. Хотя публичные политические собрания здесь разрешались только вновь возникшим правым партиям—«Союзу русского народа» и «Партии 17-го октября», все же в Народном доме социал-демократической организацией был устроен ряд литературных утренников и вечеров, где удавалось подобрать революционную программу из номеров декламации и пения. На некоторых неширокиx собраниях среди учителей и т. д. удалось выступать и с публичными докладами. С таким докладом выступал тов. Ершов, тюменский рабочий, который сменил Михайлова в качестве представителя Томского комитета партии.

Но более широкому развертыванию работы препятствовало прежде всего само строение организации. Она не могла достаточно полно использовать сильно возросший количественно состав ее активных работников. С закрытием высших учебных заведений после октябрьской забастовки в Барнауле появились студенты—социал-демократы, прошедшие «курс революции» в городах, где революционное движение приняло более широкий размах; выдвигались и другие работники из рабочей среды.

Первоначальное строение Барнаульской соц.-демократической организации было проведено с соблюдением всех правил строгой конспирации по методу централизма, т. е. сверху вниз. В центре стояла так назыв. Центральная Группа, состоящая из небольшого кружка близко друг друга знавших товарищей. Она была утверждена Томским комитетом РСДРП и подчинялась его директивам. Имела свою печать. Надпись на ней, насколько помню, гласила: «Барнаульская Центральная Группа Российской социал-демократической рабочей партии». Первоначальный личный состав группы был определен Комитетом. Она могла пополняться новыми членами по назначению Комитета и в порядке кооптации. Но старались ее состав по возможности не расширять.

Официально от имени организации могла выступать только Центральная Группа. Ее состав держался втайне от остальных членов партии. Их было немного. Они охватывались так называемой «подгруппой». Требовалось, по условиям конспирации, чтобы подгруппа была невелика и ее собрания не представляли бы больших технических затруднений. Я помню ее собрания в составе 10-20 участников. Связь с Центральной Группой осуществлялась через представителя последней. Подгруппа должна была служить основным кадром для пополнения Центральной Группы в порядке кооптации. Сама она могла пополняться также лишь путем кооптации, или путем ввода новых членов по указанию Центральной Группы. Подгруппа должна была всецело подчиняться директивам Центральной Группы. Но она была не столь крепко законспирирована и через нее проводилась техническая связь с внешним миром: распространение литературы, созыв рабочих собраний, организация и созыв кружков.

Вовлечение в партию новых членов шло путем организации кружков. В кружках могли быть, как члены партии, так и сочувствующие ей товарищи, еще не оформившие своего членства.

Центральная Группа, подгруппа и, наконец, примыкающие к организации и находящиеся под партийным влиянием кружки—такова была общая схема нашей организации, как она сложилась в начале 1905 года.

Но после революционного движения 1905 года все же и Барнаульской организации было тесно в ее старых рамках. Старая схема с ее назначенством и кооптацией, отгораживавшими организацию от тесного соприкосновения с массой, уже не отвечала требованиям жизни.

Ершов старался удержать организацию в старых рамках, закрепленных традицией и велениями центра, и не находил выхода из положения. Вскоре, однако, он вынужден был уехать из Барнаула. А из Томска пришли новые веяния—«демократический централизм». Провели общее собрание членов организации, прошедшее очень оживленно. На него была приглашена и наша студенческая группа, собиравшаяся дискуссировать. Провели выборы Центральной Группы, с соблюдением всех правил демократизма—закрытой подачей записок. В состав Центральной Группы попал и Н. И. Петров. Подсчет голосов был произведен, однако, без огласки результатов. Таково было обязательное требование конспирации. Этот порядок выборов закрепился потом надолго в практике всех партийных организаций Сибири.

Затем был намечен ряд групп, которые должны исполнять под руководством Центральной Группы партийную работу определенной специальности. Образовались группы: пропагандистская, организаторская, солдатская, крестьянская, распространительская, библиотечная и т. д. Каждый член организа-

ции должен был определиться в одну из них. И всем нашлось место, всем работы хватило. Позже вся организация была разбита на десятки и стали созываться делегатские собрания..

Началось общее оживление нелегальной работы и рост организации.

В дальнейшем наша Центральная Группа была переименована, с утверждения Сибирского областного комитета, в Барнаульский комитет РСДРП. Мы получили право самостоятельной комитетской организации. Но внутренне организационное строение оставалось прежним.

В отношении фракционной позиции Барнаульская организация постепенно прочно укрепляется на большевистских позициях и держит курс «по Ленину». На ее самоопределение в этом отношении большое влияние оказал новый работник, присланный из Томска на смену Ершову, известный барнаульцам под кличкой «Александр Иванович»*).

В течение зимы 1905-6 г. г. Барнаульская социал-демократическая организация, после своего внутреннего переустройства, делает ряд новых попыток использовать свободу собраний, «провозвещенную» манифестом 17-го октября. В Народном доме удается провести ряд собраний, посвященных организации профессиональных союзов. На эти собрания удалось привлечь наиболее отсталые группы барнаульского пролетариата.

Рабочие собирались для организации профсоюзов по отдельным узким профессиям: пимокаты, шубники и т. д. На этих собраниях выступал студент Авербух, активный работник социал-демократической организации. Авербух просто, но не особенно умело излагал задачи профсоюзов. Пимокаты внимательно слушали, но сами проявляли мало активности и предпочитали помалкивать. Во всяком случае, эти первые попытки организации профсоюзов в Барнауле никаких практических результатов не дали. Полицейские условия изменились в неблагоприятную сторону, и легализовать союзы было нельзя.

Несколько удачнее пошло дело у приказчиков. Барнаул гораздо в большей степени был торговым, чем промышленным центром. Был ряд крупных торговых фирм, имевших довольно компактные группы торговых служащих. Передовая часть приказчиков была до некоторой степени вовлечена в просветительную работу, которая велась Народным домом. Еще до революции 1905 года существовало «Общество взаимного вспоможения личного труда». Руководителем его был ссыльный народник М. О. Курский. Это общество носило характер товарищеской кассы взаимопомощи. Членами в нем могли быть все «работники личного труда», т. е. не только работающие по найму, но и лица свободных профессий. Фактически же оно целиком состояло из приказчиков с примесью небольшого числа интеллигентов-разночинцев.

В 1904 году это общество вступает на путь большого профессионального оформления и преобразуется в «Общество взаимопомощи приказчиков». Это преобразование также прошло под руководством М. О. Курского. Приказчичья масса отнеслась очень активно к этой перестройке общества. В Народном доме происходили шумные собрания по этому вопросу. Мне они хорошо помнятся, так как мне на них пришлось секретарствовать. Раздавались и чисто революционные речи (И. Л. Симанин). Многое из протоколов пришлось потом тщательным образом вымарывать, во избежание неприятных полицейских последствий.

---

*) По Красноярску он же «Александр Васильевич Маленький» — томский студент технолог Маслов. Одно время он был членом Сибирского областного комитета РСДРП. Был делегатом на Лондонском с'езде партии.

В дальнейшем «Общество взаимопомощи» было преобразовано в профессиональное общество, действовавшее применительно к временным правилам от 4 марта 1906 года.

Приказчичье общество с переменным успехом, то попадая под полицейский запрет, то возрождаясь снова, работало, кажется, до 1912 г. и было в последний раз закрыто в связи с блоком с социал-демократической организацией при выборах в четвертую Государственную думу. Из наиболее активных работников этого первого профсоюза в Барнауле можно назвать социал-демократов—Новикова, Григорьева, Плотникова, Темникова. Работа общества торговых служащих сводилась к взаимопомощи и к культурничеству. Не дурно работала библиотека и читальня. И это единственная из профсоюзных организаций Барнаула, которая может проследить свою историю с 1905 г. и даже раньше.

В районе деятельности Барнаульской социал-демократической организации было все же одно хорошее пролетарское ядро, которое заслуживало к себе внимание. Это—Бобровский затон, место зимней стоянки пароходов. Но расположен он на острове в нескольких верстах от Барнаула, а на лето водники раз'езжаются со своими пароходами. Все это крайне затрудняло сношения с ними, да и просто связи не было.

В апреле 1906 г. социал-демократам удалось провести среди водников несколько собраний. Это были квалифицированные рабочие машинных отделений, обслуживавшие зимний ремонт пароходов. Народ бывалый, знающий не только Обь, но и другие реки России, и, несомненно, более культурный и сознательный, чем все наши остальные барнаульские рабочие. Пролетарская психология сказалась сразу. Они замечательно легко воспринимали наше учение о классовых взаимоотношениях пролетариата и буржуазии, о прибавочной стоимости.

Но дело пропагандой не ограничилось. Помимо организации социал-демократического кружка, решено было немедленно организовать профессиональный союз. Была уверенность, что союз охватит всех водников Бобровского затона на 100 проц., если исключить административные должности. Подавать устав на утверждение не предполагалось, так как надежды на утверждение не было. Союз должен был работать, как чисто легальная организация. Его ближайшей задачей было поставлено проведение экономической забастовки за улучшение условий труда и 8-ми часовой рабочий день—в ближайшее же время, в самый горячий момент выхода пароходов из затона для первого весеннего рейса. Но обязательное условие для успеха забастовки—необходимо превратить ее в общую забастовку всех пароходств по Оби и Иртышу. Для этого надо было предварительно связаться с другими затонами, хотя бы с наиболее крупным из них—Тюменским. Решили попытаться для этой цели связаться по партийной линии с нашим Тюменским комитетом.

Но за организацию водников социал-демократы принялись слишком поздно. Быстрое наступление весны помешало делу. Лед тронулся, когда еще организация союза не была закончена. На пароходах же водники слишком разобщены друг с другом. Мы, конечно, пытались установить их связь с берегом, распространять литературу на судах и т. д., но это было уже не то. Начатая работа на широкий размах прервалась. И уже в 1907 году к новой весне бобровские водники сделали таки неудачную попытку провести забастовку, окончившуюся вмешательством полиции.

Из случаев стачечных выступлений в Барнауле, помимо октябрьской забастовки приказчиков, можно еще отметить попытку забастовки камен-

щиков на постройке пассажа торговой фирмы Смирнова летом 1906 года. Постройка была очень крупная, занимавшая много рабочих рук. На этой постройке работал и товарищ Моношкин, активный член социал-демократической организации. Он был из числа тех рабочих натур, которые как бы воспламенялись при восприятии проповеди марксизма. И он горел весь. К тому же он был большой патриот своей профессии «по каменной части». Моношкин был человек увлекающийся. Долгое время он носился с мыслью об изобретении вечного двигателя (перпетуммобиле), пока его не завлекла революционная работа...

Моношкин решил, что и в революции каменщики должны быть на первом месте, а втягивание их в классовую борьбу надо начать с пред'явления экономических требований. Но на каменной кладке у Смирнова работал полукрестьянский элемент, недостаточно стойкий. Пред'явили требование о повышении заработной платы, об'явив забастовку. Смирнов на уступки не пошел и начал нанимать новых рабочих. Забастовщики не выдержали и вскоре стали на работу на худших условиях, дав себе клятвенное обещание впредь никогда не бастовать. Такая неудача крайне обескуражила эсдековскую организацию. Экономическая борьба в Барнауле положительно не прививалась. Для Моношкина же лично были крайне неблагоприятные последствия. Руководительство забастовкой привлекло к нему внимание полиции. Обыск ничего не дал. Нелегальной литературы у него не нашли. На божнице был найден пузырек с чернилами и ручкой. И это показалось подозрительным. Моношкин был малограмотный: зачем же ему перо и чернила? И попали в самую точку. Действительно, Моношкин, как и многие из наших рабочих, только под влиянием социал-демократической пропаганды почувствовал потребность быть грамотным, учась искусству чтения на партийной литературе. Он начал и пописывать что то, а на божнице появился подозрительный пузырек с чернилами.

Моношкин был выслан административным порядком в Туруханский край. Это был первый барнаульский рабочий, высланный «за политику». Единственное основание его высылки, если не считать пузырька с чернилами,—участие в попытке провести чисто экономическую забастовку каменщиков.

Все эти попытки более близко подойти к рабочей массе—пусть сами по себе и неудачные—все же в окончательном итоге дают свой положительный результат. Барнаульские рабочие все более знакомятся с задачами и требованиями социал-демократической партии, начинают видеть в ней защитницу своих классовых интересов. Одновременно растет и число рабочих кружков, из их среды выдвигаются новые работники.

Особенно большую роль в сближении с рабочей массой сыграла нелегальная литература, которая распространяется партией с большим успехом. Она была душой подпольной работы. До Барнаула доходили печатные прокламации Томского комитета и издания Сибирского областного комитета РСДРП. В сибирском издании мы имели программу партии. Доходили и заграничные издания («Коммунистический манифест» и «Эрфуртская программа», программа РСДРП, номера «Искры», «Пролетария», ряд агитационных листовок («Солдатская памятка Л. Толстого») и т. д.).

Получались также прокламации Томского комитета, изданные типографским способом. Но ясно, что для удовлетворения массовой потребности гораздо интереснее было иметь собственную «технику». Дело началось с гектографа.

Гектограф у нас работал довольно исправно, но он совершенно не удовлетворял требования. Подпольную типографию удалось наладить, кажется, только в начале 1906 года. Работала она очень успешно. Наши листовки откликались на все важнейшие политические события и обычно выпускались в количестве 1000-3000 экз. Иногда мы снабжали своей литературой Новониколаевск и даже Томск, когда там случались перебои в работе собственного подпольного станка. В Барнауле же наша литература распространялась всеми способами, признаваемыми в подпольной практике: расклейка, разброска и разноска. Этим ведала специальная распространительная группа, состоявшая почти исключительно из учащейся молодежи.

Основное оборудование типографии было получено из Томска. Частичное же пополнение их производилось за счет двух барнаульских типографий: казенной—Алтайского горного округа и частной—Реброва.

Обычными лозунгами, которыми заканчивались наши воззвания, были: «Долой самодержавие!», «Да здравствует всенародное вооруженное восстание!», «Да здравствует всеобщее, прямое и тайное избирательное право!», «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание!», «Да здравствует социализм!».

Нужно сказать, что наш Барнаульский комитет придавал слишком небольшое значение развитию экономической борьбы рабочих. Ожидание скорого взрыва революции, всенародного восстания приводило к переоценке чисто политических лозунгов. Сначала политическая победа, потом экономическая борьба. В результате, рабочие, воспринимая нашу горячую политическую агитацию, все же не получили достаточной подготовки в экономической классовой борьбе.

Однако, некоторые попытки осветить цели и значение экономической борьбы делались. Передо мной сейчас лежит печатная прокламация, сохранившаяся в Сибистпарте. Прокламация помечена 28-ым номером. Она издана в типографии Барнаульского комитета РСДРП в 1000 экз. в июле 1906 года. «Для чего рабочим нужны союзы?»—таково ее заглавие.

Она в популярной форме рассказывает об эксплоатации рабочих нанимателями, об экономической борьбе и доказывает необходимость организации профсоюзов для успеха стачек. Прокламация приспособляется к местным условиям, к мышлению отсталого барнаульского ремесленного рабочего.

Наша типографская техника, при всей скудности оборудования, достигла значительного совершенства. Но ей под силу было справиться лишь с печатным текстом на одну сторону писчего полулиста. В исключительных случаях можно было дать полулист с двух сторон, но тогда приходилось набирать и печатать в два приема.

Как шедевр типографского искусства, мы выпустили однажды целую брошюру «Четыре Марсельезы». Правда, это была совсем миниатюрная брошюрка форматом в 16-ю долю листа. Один из техников—парень с художественными сноровками (Фейерабенд) ухитрился на обломке аспидной доски выцарапать клише для обложки—Восходящее солнце, озаряющее фабричные трубы. Подразумевалась заря социализма.

1905 год принес с собою и легальную революционную литературу. В громадном количестве экземпляров на рынок были выброшены дешевые брошюрки «Молота», «Колокола» и др. молодых издательств. Но та беда, что в Барнауле нет ни книжного магазина, ни даже киоска. Попытка получить разрешение на книжный киоск была сделана, кажется, летом 1905 года. Но на

поданное прошение томский губернатор Азанчевский-Азанчеев ответил отказом с простой мотивировкой: «за ненадобностью».

Другого выхода не было, как выписывать книги непосредственно на организацию и распространять их. Этим делом у нас ведала специальная библиотечно-книжная группа. Она имела целый склад легальной литературы. Вела в порядке все торговые операции и создала для этого целую бухгалтерию с гросс-бухами. Недозволенная книготорговля дозволенными книгами! Таковы курьезы сибирского захолустья того времени.

Позже, в конце 1906 года или в начале 1907 года, вся эта бухгалтерия была арестована на квартире у В. В. Ярославцевой и «приобщена к делу».

III. Около думы.

Весна 1906 года принесла с собою выборы в 1-ю Государственную думу... Наша организация видела в Государственной думе лишь досадное препятствие на пути развития революции. До нас дошли директивы ЦК партии о бойкоте думы, и в этом духе были составлены наши «предвыборные» прокламации.

Стали готовиться к выборам.

Но Томская губерния находится на военном положении—никаких собраний и публичных митингов не разрешается. Избиратели остаются в полном неведении своих прав и обязанностей... Кадеты возбудили ходатайство о разрешении предвыборного собрания перед томским губернатором. Собрание было разрешено, *но только без речей*. Как провести собрание в молчанку—инициаторы его устройства придумать не могли. Собрание, разрешенное губернатором, так и не состоялось. Все же предвыборное слово было сказано. Оно взято было без губернаторского разрешения членом нашей организации В. И. Николаевым, выступившим перед толпой избирателей.

Оратор же доказывает необходимость продолжать революционную борьбу до конца и заканчивает призывом к бойкоту царской думы.

Все внимание и явное сочувствие слушателей были, несомненно, на стороне оратора, но окончательный вывод о необходимости бойкота думы остался совершенно неусвоенным, непонятным. Призыв к бойкоту не удался.

В результате выборов в качестве выборщиков от Барнаула на Томский губернский с'езд проходят кадеты.

Во время выборов была получена агентская телеграмма, гласящая о том, что социал-демократический с'езд в Стокгольме высказался за участие в выборах думы там, где они еще не прошли. Барнаульцы же были тверды в первоначальной большевистской линии бойкота, решив, что агентская телеграмма не что иное, как провокация.

На позиции бойкота наша организация держалась и дальше при выборах по крестьянской курии. Уполномоченные по выборам от волостей были еще более беспомощны на выборах, чем городские избиратели. Политическое руководство революционной партии для них было крайне необходимо. Но не было такой партии, которая могла бы правильно учесть и выразить крестьянские настроения.

Социал-демократам удалось разыскать крестьянских уполномоченных на постоялых дворах и завязать с ними беседы без полицейских помех. Среди уполномоченных было несколько человек, бывших уже ранее под влиянием социал-демократической пропаганды и считавших себя сторонниками нашей партии (в их числе помню лишь уполномоченных из села Гонобы). И здесь нас слушали с большим интересом. Засыпали вопросами. Разгорались го-

рячие споры. Призыв к бойкоту думы воспринимался... Но уполномоченные заявляли, что смысл-то бойкота они сами уяснили, а вот крестьяне, их избравшие, этого никак не поймут и, пожалуй, даже изобьют своих уполномоченных. Толку от этого будет мало... Под лозунгом бойкота нам удалось сплотить лишь небольшую группу.

Если позиция бойкота выборов была не совсем удачна, не отвечала действительной революционной зрелости народных масс, особенно крестьянства, то самую работу Государственной думы наша Барнаульская организация использовала в полной мере, чтобы поднять эту зрелость. Каждый шаг работы Государственной думы освещался прокламациями. Наш нелегальный печатный станок работал исправно и без перебоев. Прокламации адресовывались к рабочим, крестьянам и ко всем гражданам.

К этому времени в рядах крайне отсталого барнаульского пролетариата был уже небольшой кадр более сознательных передовых рабочих, побывавших и в воскресных школах и отчасти затронутых подпольной кружковой работой. На них-то и могла опереться социал-демократическая организация при первых попытках сближения с рабочей массой.

Этот революционный актив, близкий рабочей среде, сам по себе не был чисто пролетарским. В его среде было немало мелких ремесленников. А это, наряду с общей отсталостью барнаульского пролетариата, создавало благоприятную обстановку для мелкобуржуазных уклонов в революционном движении и в революционных настроениях.

Большим влиянием в рабочей среде пользовался сапожник Николай Трофимович Изюмченко. В Сибирь он был сослан за отказ от отбывания воинской повинности по чисто нравственным побуждениям. Его называли последователем Л. Н. Толстого, хотя сам он и отрицал это. Познакомившись ближе с марксистским учением о классовой борьбе, он примкнул к барнаульской социал-демократической организации, учитывая руководящую роль пролетариата в революции и возможность его близкой победы. В то же время он не оставлял и своей проповеди нравственого самоусовершенствования и никогда не был социал-демократом в полном смысле этого слова.

Изюмченко пользовался большой популярностью в рабочей среде. Работая с сапожными колодками, он неустанно проповедывал. И около него всегда терлась наиболее живая рабочая молодежь, начинающая политически мыслить. Одно время удалось даже устроить около Изюмченко нечто вроде рабочего клуба. Ему дали на летние месяцы место сторожа в одной из школ общества попечения о начальном образовании. В школу доставлялись газеты и другая литература... При выборах на Сибирскую социал-демократическую конференцию, состоявшуюся весною 1906 года в Омске, организацией был избран «Александр Иванович» (Маслов). Но рабочие настояли послать также и Изюмченко в качестве второго делегата. Организация охотно пошла на это, надеясь, что Изюмченко после поездки с наиболее опытным нашим пропагандистом вернется уже крепким партийцем. На деле так не вышло. Изюмченко как был, так и остался, «сам по себе». Все же он еще продолжал усердно работать с социал-демократами*).

*) В дальнейшем Н. Т. Изюмченко весь ушел в кооперативную проповедь. В Барнауле им была сделана попытка организации нелегального рабочего кооператива (на легальный не было разрешения). Затем он был выслан в административном порядке в Мариинский уезд, Томской губернии, где ему удалось поднять среди крестьян большое кооперативное движение и он много содействовал организации Мариинского союза кооперативов. Позже уехал на Дальний Восток, где также ра-

Большим влиянием в рабочей среде пользовался учитель И. Л. Симанин. Его считали анархиствующим. Держался он особняком от других революционных группировок.

Но и в самой рабочей среде было немало революционных работников, глубоко воспринимавших классовую сущность учения Маркса: сапожник Дубовец, пимокат Афанасий Шуманов, переплетчик Фофанов, каменщик А. Решетников и другие. Через них шло оформление социал-демократических кружков в рабочей среде.

За городом, в бору, еженедельно устраивались массовки, вовлекавшие сотни рабочих. Полиция за нами охотилась, но без большого успеха. Не то не было большого усердия, не то умения. Жандармы действовали удачнее. К нам были подосланы шпики, которым удалось проникнуть на массовки и выследить наших главных работников. Слежку и мы успели заметить, но предпринять что-либо кроме большей осторожности с партийными документами и литературой было трудно.

Социал-демократическая организация последовательно проводила в жизнь большевистские лозунги. И в листовках и на массовках рассеивались те конституционные иллюзии и те надежды на примирение с царизмом, которые возникали все же в связи с работой Государственной думы. Создавалась уверенность, что с новым под'емом революционной волны Барнаул не останется в стороне, что рабочая масса не допустит нового погрома. А широко поставленная революционная пропаганда среди солдат Барнаульского полка также создавала уверенность, что в случае революционного восстания солдаты будут вместе с рабочими.

Это был, несомненно, момент наивысшего под'ема революционных настроений в Барнауле. Социал-демократическая организация, твердо стоявшая на большевистских позициях, пользовалась наибольшим авторитетом в рабочей среде. Никаких других конкурировавших с ней организаций не было. Этим можно закончить приблизительно годичный период постепенного нарастания революционной сознательности барнаульских рабочих, период укрепления и роста барнаульской социал-демократической организации с июня 1905 года по июль-август 1906 года.

Организация продолжала свою работу и в последующие годы с переменным успехом, переживая падения и под'емы революционной волны. Она выдерживала и массовые аресты и административную высылку работников, пережила и ряд крупных политических судебных процессов. И только провокация, прочно внедрившаяся в ряды организации (Беда, Успенский, Крутиков), окончательно сломила ее...

Но пришел бурный 1917 год—и он подвел окончательные итоги долгих лет борьбы и невзгод.

В. Шемелев.

ботал, как проповедник и организатор промысловых артелей, Он перенес еще целый ряд арестов и других несчастий. В 1925 году он вернулся в Барнаул на покой, как инвалид. Он разбит параличем. Кооперация пришла ему на помощь, назначив пенсию.

Октябрьские дни 1905 г. в Барнауле.

(По личным воспоминаниям).

В начале октября 1905 г. произошли события, которые взволновали в значительной степени весь город.

Условия работы в торговых предприятиях были чрезвычайно тяжелы. Приказчики работали от 10-ти до 14-ти и 16-ти часов в сутки, при чем не пользовались никакими заботами о себе. Не было ни медицинской помощи, ни отпусков, ни просто дней отдыха. При этом приказчик не имел права сидеть, курить и т. д.

Торговым ученикам жилось еще хуже. Купцы набирали их из нищеты, держали в черном теле, буквально целый день, даже после закрытия магазинов. Обращение было зверское. Ученики часто подвергались побоям.

Так, в магазине Смирнова его управляющим Невоструевым был избит один из мальчиков магазина. Приказчики возмутились и потребовали увольнения Невоструева. Требование удовлетворено не было. Тогда соц.-демократ. Комитетом были выпущены прокламации с призывом к бойкоту магазина Смирнова. Бойкот был сочувственно встречен со стороны беднейшей и рабочей части населения. Интеллигенция, желая подчеркнуть свое отрицательное отношение к политикам, ходила определенно только в магазин Смирнова.

Бойкот возымел действие. Магазин опустел. Приказчики Смирнова и других магазинов продолжали настаивать на своих требованиях, а когда выяснилось, что владельцы магазинов на требования отвечают отказом, приказчики 11-го октября забастовали, покинув все магазины. Забастовка продолжалась 5 дней, закончилась она частичной победой приказчиков.

Были удовлетворены требования в отношении сокращения рабочего дня, прибавки жалованья, медицинской помощи, отпусков и т. д. Был даже заключен коллективный договор.

Обыватели города этим обстоятельством были возмущены до глубины души. Многие приказчики подвергались побоям. Дело в том, что с закрытием магазинов барахолка вздула цены, и это приписывалось приказчикам: «им жалованье прибавили, а мы из-за этого должны переплачивать лишнее на товарах».

Начинались октябрьские дни.

В это время чувствовался как-то особый под'ем. Среди учащихся и рабочих замечалось особое оживление, шли массовки и кружковые собрания, и все это группировалось возле Народного Дома. Манифест 17-го октября был получен 20-го октября и сразу же стал известен в кружках. Решено было сразу же устроить первый митинг в Народном Доме.

В Народном Доме должен был состояться спектакль. Зрительный зал, что называется, битком набит ничего не подозревающей публикой.

Перед третьим звонком является Симанин и с ним до 30 рабочих, главным образом, пимокатов. Прошли в партер, взошли на сцену и предложили актерам прекратить подготовительные работы к спектаклю.

— Сегодня Народный Дом принадлежит нам...

Поднялся занавес. Перед изумленной публикой предстала на сцене большая группа пимокатов и политических работников города. А. Ф. Веронский держал красное знамя с нашитыми на нем лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая революция!».

— Долой полицию!—бросает кто-то.

— Долой самодержавие!—гремят рабочие.

— Да здравствует демократическая республика!..

— Долой куцую конституцию!..

— Долой жандармов!.. Долой!.. Вон!..

Творится нечто невообразимое... Полицейские поспешно покидают зал. Первый митинг открылся горячей речью Симанина, раз'ясняющей значение «манифеста» и зовущей рабочих к продолжению борьбы с царизмом. Затем выступали Михайлов, Вильконский, Иванов, присяжный поверенный Черняков и ряд других ораторов. Воодушевление захватило людей самых разнообразных политических оттенков.

Речи ораторов сводились, главным образом, к раз'яснению «дарованных» манифестом свобод, и тут же впервые в Барнауле бросаются лозунгами призыва к вооруженному восстанию и свержению царского самодержавия.

После окончания митинга рабочие и учащаяся молодежь решили немедленно устроить уличную демонстрацию. Рабочие попрыгали со сцены в партер и с пением «Марсельезы» вышли на улицу со знаменем, окруженным тесным кольцом вооруженных товарищей.

Эта первая ночная демонстрация была количественно невелика. Она насчитывала не более 300 человек участников, преимущественно рабочих и учащейся молодежи.

С пением революционных песен демонстранты прошли к реальному училищу, к управлению воинского начальника и прибыли к Общественному Собранию, где шел танцовальный вечер. И здесь рабочие устроили митинг, по окончании которого проследовали к казармам, где демонстрацию встретили предупреждением стрелять и щелканием затворов...

Но несмотря на это, Симанин перед строем солдат с винтовками наизготовку произнес коротенькую агитационную речь.

С пением «Вихри враждебные веют над нами» демонстранты вернулись в центр города.

Второй митинг был назначен на следующий день, в 12 часов дня.

Прошел он без эксцессов. Проведенная ночная демонстрация, энтузиазм распропагандированных рабочих и учащейся молодежи, взбудораженная и любопытная обывательщина собрали на другой день к Народному Дому такую массу народа, которая за недостатком помещения, вынуждена была ожидать на улице и на соборной площади.

На этот раз митинги и демонстрация собрали не менее 8 тысяч участников. За недостатком естественных возвышений и трибун, ораторам приходилось выступать приподнятыми на руках или на живых площадках из спин ра-

бочих, что было, конечно, не вполне удобно, но это неудобство вполне компенсировалось сознанием живого отклика и энтузиазма среди рабочих.

Одновременно не дремала и полиция. Смутные слухи об организующихся черносотенцах вызвали со стороны демонстрантов попытку создать дружины самообороны. Была произведена запись желающих и собраны кое-какие средства на приобретение оружия.

Созданные на бумаге дружины не только не имели необходимого руководства, но и самый лист, на котором производилась запись желающих, на другой день оказался в руках полиции. По этому листу и производились впоследствии разгромы квартир и домов.

Последние митинги и демонстрации 23-го октября буквально всколыхнули весь город и прошли в остро враждебной атмосфере. Черносотенцы открыто вели агитацию с призывом к погрому и избиению «политики». Отряд конных стражников во главе с полициймейстером Тарасевичем неоднократно пытался отрезать голозную колонну демонстрантов от остальной массы, но это им не удалось, благодаря распорядительности и находчивости Симанина. В это время чуть не произошел инцидент, который мог повлечь за собой кровавое побоище. В то время, как полициймейстер Тарасевич врезался в толпу с конными стражниками, рабочий Зимачев, раздраженный вмешательством полиции, выхватил из кармана «браунинг» и со знаменем в левой руке направился в сторону полицейских с целью пристрелить Тарасевича. Но его удержали товарищи.

В это же приблизительно время на Конюшенной площади капельмейстер духового оркестра Народного Дома Симанов организовывал банду погромщиков и призывал их «бить поганую политику».

В том же направлении работали вообще все местные черносотенцы.

Они бросили в толпу слух, что у находящегося в Народном Доме портрета государя выколоты глаза и нос,—и толпа с криками «ура!» двинулась «выручать портрет царя». Вытребованный портрет оказался неповрежденным.

Утром 23-го октября местное духовенство служило «благодарственный молебен по поводу дарованного манифеста». Во время молебна на площади около собора появилось несколько человек верхами, с палками в руках. После молебна духовенство—с иконами, портретом государя, в сопровождении оркестра музыки,—пошло по направлению к реальному училищу, где оркестр заиграл народный гимн, а громилы кинулись на крыльцо реального училища бить учеников. Другие же участники патриотической манифестации стали нападать на разных отдельных лиц и громить лавки и магазины.

Часть толпы пошла к Конюшенному пер., к дому, в котором жил Штильке. Ворвавшиеся во внутрь дома громилы уничтожили и расхитили все находившееся в нем имущество, а равно городскую библиотеку, находившуюся в этом доме. Один из громил выстрелил из револьвера ранил дочь Штильке.

Были разгромлены также дома, в которых жили организаторы кружков и руководители революционного движения в Барнауле. Так, были разгромлены квартиры П. Семьянова, И. Симанина, Ю. Федоровича и др.

Черносотенцы избили Симанина И. Л., Курского М. О., Долгополова и многих других.

Разгром домов и нападения на отдельных лиц продолжался до вечера и возобновился на следующий день (24-го октября).

Думать серьезно о каком-либо выступлении против погромщиков, охраняемых воинскими частями, не приходилось. Разгулявшаяся банда погромщиков неожиданно приведена была к порядку. Не удовлетворившись разбиванием мебели в квартирах «политики», вспарыванием подушек, растаскиванием иму-

щества и провизии, громилы захотели пображничать на пивоваренном заводе бр. Ворсиных и направились туда. Там им было отпущено пиво «по потребности», и началась попойка. Не удовлетворившись пивом, громилы потребовали спирта. В этом было отказано.

— Полиция обещала, а теперь отказывают,—кричали они,—идем бить полицию. Бей завод!..

Об угрозе погрома завода дали знать полиции. Прибывшие к тому времени из Томска казаки были посланы на завод. Казаки взяли громил в нагайки. Этого было достаточно, чтобы приостановить погромное движение в Барнауле.

Погром терроризировал все население города. Усмирив погромщиков, полиция об'явила, что граждане могут быть спокойными, подобных явлений больше не повторится.

Население с большой опаской вылезало из своих нор, но все же для рабочих, принимавших участие в движении, для учащихся и приказчиков было очень рисковано появляться на улицах. Приходилось скрываться и переодеваться.

Партийцам и революционно настроенным рабочим пришлось тотчас же уйти в подполье.

Занятия в средней школе долгое время не начинались, так как ни полиция, ни городское самоуправление не могли гарантировать безопасности учащихся.

Народный Дом был закрыт для публики. Полиция боялась экспессов со стороны черносотенных масс.

Лишь к концу декабря началось оживление в рабочих кругах.

Партийные организации к этому времени уже ушли в подполье. Начала даже работать своя подпольная типография.

Карательная экспедиция Меллер-Закомельского Барнаула не коснулась, и ее проезд по Сибири не вызвал здесь никаких отзвуков.

Г. П.

Об аграрных движениях 1905-х годов на Алтае.

Российское крестьянство в революционные 1905-е годы выступило в исторической роли мстителя ненавистного ему помещичьего строя.

Сибирь, тогда далекая колония, продолжавшая еще заселяться вольными земледельцами, бежавшими сюда от российского земельного утеснения, не пережила ярких моментов, но в одном ее месте, на так называемом Алтае, революция 1905-х годов явилась доподлинной аграрной революцией. И к этому были причины, так как здесь тоже существовала вотчина, крупнейшая из когда-либо существовавших в мире. 40 миллионов десятин, от г. Томска до границ Монголии и от киргизских заиртышских степей до горного хребта Кузнецкий Алатау, составлял и собственность царя. Вотчина называлась Алтайским округом и была подчинена особому учреждению—Кабинету.

В течение полутора веков почти все население этого Края было закрепощено на алтайских горных заводах, доставлявших Кабинету тысячи пудов свинца, серебра, золота, меди, чугуна.

С 1861 г. это тягчайшее крепостное право пало. Горные заводы начали закрываться, и к 1900-м годам от былого алтайского горного дела, составившего Алтайскому округу славу «жемчужины», остались воспоминания о полуторавековом рабстве. Кабинет стал извлекать из богатого края нужные царю доходы уже с земли и леса. Бывшее заводское население было обложено оброком, дававшем Кабинету свыше 1.500.000 руб. в год. Доход с лесов доходил до 1.000.000 руб.

Но Алтайский край был обилен землей, и на простор его полей, в его леса, на его реки бросались новые засельщики из-за Урала. Голодовки 1880 и 1890-х годов в Европейской части России, проложение в 1894-96 г.г. Сибирского железнодорожного пути—все это выбросило на Алтай огромные переселенческие потоки, которые здесь оседали и вместе с навыками всех российских губерний принесли сюда и свою вековую ненависть к помещичьему строю.

Легендарные рассказы о привольи Алтая, уверенность найти здесь и землю и лес встретили нечто другое. Конечно, это другое было далеко от помещичьего утеснения на оставленной родине, но земля оказалась или крестьянской (старожилов) или кабинетской, а леса считались собственностью только Кабинета, и ожидаемой свободной рубки новые пришельцы не нашли. А если учесть, что эта переселенческая масса двигалась сюда неудержимо и видоизменила весь состав коренного (вернее, более ранее осевшего) населения до неузнаваемости—от 75 до 90%,—то можно предвидеть, как глубоко развернулось и продолжало развертываться ее разочарование. Не всегда оно было справедливо, но новые засельщики искали всяких поводов для недовольства, а их было достаточно.

Кабинет, огражденный в своих вотчинных правах всеми законами, вел политику крупного земельного собственника, безгранично распоряжавшегося и землей, и лесом, и водами, и недрами Алтайского края.

Все это рано или поздно должно было привести к каким-то столкновениям интересов, которые не замедлили разразиться в революционные 1905-е годы, а переселенческая масса дала основной элемент этого движения, явившись застрельщиком всяких выступлений против власти и имущих классов.

Но в Алтайском крае еще существовала численно небольшая, однако, посвоему самобытная группа—это казаки бывшего сибирского казачьего войска. Широко наделенные за свои былые заслуги по охране границ Алтая от набегов кочевавших на юге монгол и джунгар, слабо привлекаемые к военной службе, торговавшие своей землей, способные только к легким способам изыскания средств к жизни, они презирались местным населением и при наступлении событий 1905 г. стали в другой лагерь—защитников царского имущества... по найму. Факты, которые будут излагаться ниже, осветят эту роль алтайского казачества.

Основным пунктом аграрного движения на Алтае был лес. Здесь были и массовые порубки, и вооруженные нападения, и бои с карательными военными и казачьими отрядами. На этом движении придется, поэтому, сосредоточить главное внимание. Пока же отметим события, развернувшиеся в 1905 г. внутри самого крестьянства.

Призванные на японскую войну фронтовики были первыми возбудителями алтайского крестьянства. Уже в 1904 г. они в письмах с фронта усиленно пропагандировали среди односельчан мысль о новых правах и порядках, при чем первые строки их писем к семьям имели предупреждающие надписи «Секретно. Давать читать только крестьянам».

Затем в разных местах была проведена широкая агитация, лучшую характеристику которой дает официальный документ того времени (доклад Алт. Округа Кабинету 4 марта 1906 г. № 31).

«Пропаганда энергично повелась путем усиленного издания в г. Бийске особых листков, при чем местная полиция не только не возбраняла публичного печатания их, но первые выпуски вышли даже с разрешения исправника. Успешному распространению бийских листков весьма много способствовали, во-первых, ноябрьские и декабрьские сельские ярмарки в Алтайском округе, куда листки привозились и раздавались во множестве крестьянам, а, во-вторых, массовое возвращение запасных нижних чинов с театра военных действий, точно также начитавшихся различных прокламаций революционного свойства в армии и, главное, по пути следования—на железной дороге. Всего выпущено было свыше 100 тысяч экземпляров этих листков. Особого внимания заслуживают листки под заглавиями: «Как прекратить смуту» и «Что делать». Простой, понятный для народа язык быстро отуманил голову и повел его по пути разного рода насилий и преступлений. Бийские мещане и солдаты громадными толпами начали ежедневно собираться у канцелярии лесного имения, полицейского управления, городской управы и пр., врывались партиями в помещение с придирчивыми и дерзкими требованиями и наносили оскорбления. В январе месяце 1906 г. помощник начальника томского губернского жандармского управления подполковник Завьялов выехал в г. Бийск с тем, чтобы арестовать виновных в составлении и издании «листков», начинавших волновать крестьянскую массу. Прибыв туда числа седьмого или восьмого, подполковник Завьялов арестовал трех лиц, но на следующий день мещане, разночинцы и прочий люд тысячной толпой заставили освободить из тюремного замка арестованных, затем демонстративно пронесли их по городу с красными флагами и пением революционных песен до квартиры, занимаемой подполковником, вызвали последнего на улицу и здесь нанесли ему ряд оскорблений: сорвали погоны, сломали шашку, разорвали одежду и нанесли сильный удар табуретом по голове. Затем толпа приказала подать запряженную повозку и с издевательством и насмешками (к возку была привязана метла) проводила по улицам города обратно в Барнаул».

Как и во всей стране, характер крестьянских движений, даже их внешние проявления, как явившиеся результатом общих причин, были те же: та же стихийность, та же дезорганизованность, но и та же, словно единая, воля, приводившая как-бы к закономерному повторению взрывов народного гнева. Но, конечно, специфические условия экономической и правовой жизни края не могли не получить здесь отражения, и движение 1905 г. на Алтае приобрело и свои местные черты.

Едва-ли не первым и самым сильным проявлением крестьянского движения в эту эпоху явилась беспощадная месть волостным и сельским властям за те сплошные преступления, которые были совершены ими в отсутствие призванных в войска солдат при назначении и выдаче семьям пособий от казны. Волостные старшины и сельские старосты подвергались жестоким побоям, кое-где имущество их разгрому, и это заставляло их бросать свои волости и сельские управы на произвол судьбы. Затем возбуждение крестьянства обрушилось на деревенский имущий класс, на торгашей прежде всего, лавки которых подвергались такому же разгрому. Всюду избивали урядников, арестовывали становых приставов, и только мировые судьи, поскольку они в условиях алтайской жизни, так сказать, мирволили крестьянству, избавились от насилия. Крестьянские начальники покидали свои участки, бежав в города и даже за пределы губернии. Деревенское духовенство, вообще никогда не уважаемое сибирским населением, также спешило скрыться, но местами пыталось безрезультатно воздействовать на волнующиеся крестьянские массы. Ненавистные крупные арендаторы кабинетских земель или изгонялись с своих участков, или имения их подвергались обычному разгрому, о чем, однако, население предупреждало владельцев, предлагая им прежде добровольно оставить арендованный участок. Наконец, почти повсеместно прекратился платеж государственных податей и арендных взносов за кабинетские земли.

Но поскольку эти события развертывались в зимние месяцы, когда поля были под снегом, вопросы о земле остались как-бы вне внимания волнующегося алтайского крестьянства, и движение 1905 г. не отметило ни захватов кабинетских или церковных земель, ни улучшения земельного положения переселенцев. Затем в округе с 1900-х г. г. началось землеустройство, от которого безземельные пришельцы ждали земли и узаконения своих прав, и это отразилось на его настроении.

Одним из крупных событий 1905-х годов был так называемый «Змеиногорский погром», происшедший в декабре 1905 года, когда в ярмарочный день были разгромлены полицейское управление, земельно-лесное имение и все купеческие магазины. Слухи об этом «погроме» циркулировали за месяц, и на телеграфных столбах в разных местах уезда были расклеены угрожающие прокламации: «размотаем ваши кишки».

С погромом погибло много лиц—при столкновении с полицией и во время пожара магазины купца Воробьевского.

Волна бунтарского настроения отсюда перекинулась по всему Змеиногорскому уезду и дальше, и официальные документы того времени называют в качестве агитаторов—сельских учителей и учительниц (Змеиногорский уезд), кооператоров, приказчиков (Кузнецкий уезд), мировых судей (Бийский уезд). Даже у одного волостного старшины были найдены противоправительственные прокламации». Движение 1905 года захватило алтайскую деревню широко.

Характерным эпизодом этой эпохи была попытка полиции арестовать одного из членов крестьянского союза крестьянина села Воеводского, нынешнего Бийского округа, украинца и штундиста. О прибытии полиции быстро узнало все село, и дом этого односельчанина был окружен толпой крестьян, не допустившей полицейских агентов произвести арест. Он был арестован позднее после предпринятых уже жандармерией предосторожностей, но вскоре освобожден за отсутствием свидетельских показаний, которые удостоверяли бы его виновность.

Также население села Старо-Бардинского, Бийского уезда, не дало арестовать своего учителя, одного из членов бийской эсеровской группы. С прибытием жандармских властей, ударили в набат, население сбежалось и виновнику события была предоставлена возможность скрыться, а жандармерия уехала ни с чем.

С введением в губернии военного положения буйные выступления на Алтае прекратились, и к весне 1906 года относительный порядок был восстановлен; государственные подати и арендные платежи начали взыскиваться; крестьянский союз ликвидировался; пошли разговоры о Государственной Думе, и внутреняя жизнь деревни вступила в колею привычных забот.

Совершенно особое положение в аграрном движении 1905-х годов на Алтае, как уже отмечалось, заняли так называемые «лесные правонарушения», развернувшиеся с 1906 года.

Былые лесные богатства Алтайского края составляли когда то основу горного дела, которое Кабинет вел здесь 150 лет, и для нужд которого сам сводил все ценные леса, не прилагая забот об их охране, и население широко пользовалось лесными материалами из тех же лесов почти беспрепятственно. Но когда, с закрытием горного дела, ему пришлось строить хозяйство на доходах от леса, это встретило ропот населения, которое ни на минуту не могло примириться с прекращением вольной рубки. При этом оно на основании противоречивых законодательных актов считало эти леса принадлежащими ему. Раздражение населения на лесные права Кабинета и порядки особенно поднялось, в связи с интенсивным заселением края так называемыми самовольцами-земледельцами из-за Урала—новыми пользователями того же кабинетского леса. Эта колонизационная волна, хлынувшая с 1890-х годов на Алтай, влила в него элемент, привлеченный сюда старыми рассказами не только о просторе алтайских полей, но, главным образом, о лесных богатствах и свободе пользования лесами, которой в Европейской России давно не было. Но эти засельщики вместо ожидаемого вольного пользования лесом встретили систему всяких запретов. Озлобляли и лесооб'ездчики, торговавшие кабинетским лесом. Эти переселенцы, как вселившиеся самовольно, бесплатно леса от Кабинета не получали, и понятно, если они составили новый кадр людей, озлобленных на лесные порядки.

Лесные движения охватили, главным образом, центральный Алтай. Начались массовые порубки во всех степных районах округа, где нужда в лесе была особенно велика. Выезжали целыми деревнями, нарубали леса «по силе», свозили не только к своим дворам, но и на поля, рассчитывая, что снег скроет эту порубку. Громили лесные кордоны. Убивали лесных об'ездчиков. Поносили «позорными словами священную особу» царя (из доклада Алтайского округа Кабинету 19 февраля 1906 года за № 6).

Лесная стража оказалась бессильной остановить стихийность этих лесных рубок. Военные и казачьи летучие отряды, которые Алтайский округ организовал с этой целью, нигде во-время не успевали. Полицейские и сотские

приносили свои нагрудные бляхи в сельские управы и слагали с себя обязанность. Волостные и полицейские власти скрывались под влиянием угроз «оторвать головы».

К военному положению население относилось с иронией, говоря, что «всех не перевешают и не перестреляют» (из доклада Алт. округа Кабинету 5 марта 1906 года). Распоряжения военного генерал-губернатора «куда-то девались», как заявляли на допросах сельские власти (из полицейского протокола 24 марта 1906 г.).

В то же время Кабинет начал пытаться вернуть вырубленный населением лес, т. е. секвестровать его; и для этого нанял казаков и создал военные отряды.

В период 1906-1907 г. эти отряды действовали всюду. Но в настроении населения замечался уже упадок. Вожаки попали в тюрьмы и в Нарымский край, и карательные отряды пронеслись ураганом над алтайской деревней. Характерно, однако, что наемные казаки не раз разбегались первыми, только в виду собравшейся крестьянской толпы. Эти отряды теперь сами вызывали кровавые столкновения с побоищем и расстрелами, и вызывали их в то время, как для этого уже не было никаких непосредственных поводов. Так, 16 января 1907 года в дер. Завьяловой нынешнего Быстро-Истокского района, Бийского округа, после обычной драки расквартированных казаков с хозяевами квартиры, было проделано организованное наступление на всю деревню:

«Охотничья команда Барнаульского полка на лошадях, под начальством сидящего верхом штабс-капитана Красильникова, и отряд наемных казаков, под командою Доброва, около 6-ти часов вечера 17 января выступили и направились от земской квартиры, расположенной у западного края села, по направлению к «сборне»— к востоку. Кем-то был произведен выстрел, а затем на штабс-капитана Красильникова побежал какой-то человек (с винтовкой в одной и шашкой на-голо в другой руке), который, не учинив вреда штабс-капитану Красильникову, был убит, точнее расстрелян, шестью пулями в грудь солдатами охотничьей команды. Характерно то обстоятельство, что убитый оказался вернувшимся с войны нижним чином запаса, жителем дер. Завьяловой, и имел, якобы, по бутылке водки в обоих карманах. Затем охотники и казаки пошли на толпу «в нагайки» и разогнали ее у сборни. Установлены были после этого, как водится на войне, раз'езды, патрули и дозоры на всю ночь, которая, однакож, прошла совершенно спокойно». (Из доклада инженера Крупского, 9 февраля 1907 г.).

При всем угнетенном настроении население еще раз пыталось выступить уже в неравный бой и, например, в той же дер. Завьяловой на следующий день

«со стороны толпы крестьян последовали выстрелы, от которых штабс-капитан Красильников получил две пулевые раны: в левое бедро и в правую руку, и, кажется, этой же последней пулей убит был наповал солдат охотничьей команды. Ранен был в пах левой, кажется, ноги навылет казак (ныне оправившийся) и малопулькой в левую грудь, навылет же, охотник да еще какой-то, не опасно, охотник. Убита была лошадь под охотником и 3 или 4 ранено. Со стороны крестьян оказался убитым 18 января житель села Быстрый Исток, нижний чин запаса, и ранено пулями двое, обнаруженных ко дню моего приезда в деревню Завьялову, т. е. к 28 января. От нагаек, прикладов и проч. пострадало, вероятно, несколько десятков человек из деревенских жителей. К полудню 18 января в д. Завьяловой воцарился панический страх и полное успокоение страстей среди населения... Порядок был восстановлен, по принятому для официальных сообщений выражению» (из доклада того же инженера Крупского, 9 февраля 1907 г.).

Это была уже ликвидация, которая пошла быстрым темпом, и только карательные отряды стали действовать с большой осторожностью.

Ликвидация алтайского аграрного движения кончилась не скоро. Руководители Бийского Крестьянского Союза попали на долгие годы в тюрьмы. Дошло дело и до судебных процессов знаменитых «лесных правонарушений».

Это случилось уже в 1912 году, когда перед сословным и коронным судом предстали 69 крестьян села Шиловского и 151 села Черемновского, Барнаульского уезда, по обвинению в «насильственном нападении на имение и кордоны Кабинета».

17 человек обвиняемых к этому времени умерли, явившиеся были рядовые крестьяне, с российским говором, среди них 60-80-ти летние старики, несколько женщин.

119 черемновцев были приговорены к трем неделям ареста при полиции, но 39 шиловцев получили по 8-ми месяцев тюрьмы (за убийство лесного об'ездчика).

В гражданском иске Кабинету за вырубленный лес было отказано.

Так выявилась на Алтае первая аграрная революция, первое предупреждение последующих более грозных событий, разразившихся через 12 лет и закончившихся героическим партизанским восстанием, все корни которого— в этом прошлом Алтая.

Юхнев.

Омск.

1905 год в Омске.

(По материалам Сибистпарта).

К началу нынешнего века Омск представлял собой типичный обывательский, захолустный городок без каких бы то ни было проблесков общественности. Тихо и невозмутимо проспал здесь обыватель на протяжении прошлого столетия все революционные вспышки. Лишь к концу XIX века Омск вместе со всей Сибирью был разбужен прокладкой первой железнодорожной магистрали. Постройка железной дороги и открытие движения по ней произвели полный переворот в экономической и общественной жизни этого района. Постройка и оборудование железнодорожных мастерских и депо сконцентрировали здесь наиболее квалифициров. рабочих. Эти рабочие пришли из центральной России. Они принесли с собой в сибирскую обстановку новые запросы, новые веяния и, естественно, начали влиять на окружающую среду, пробуждая к жизни все местные элементы рабочего класса. Вслед за железнодорожными мастерскими появляются механические и литейные заводы, склады сельско-хозяйственных машин и ремонтные мастерские. Омск быстро начинает расти и развиваться и вскоре становится одним из опорных пунктов нарождающейся сибирской промышленности. В городе открываются также отделения крупных торговых и промышленных фирм Европейской России, появляются датчане за маслом, американцы—с сельско-хозяйственными машинами, англичане и немцы приезжают—за хлебом, фабриканты Москвы и Лодзи привозят мануфактуру. В связи с этим резко меняется не только внешний облик города, но и физиономия населения, его классовое соотношение, так как весьма почтенное место в процентном отношении стал занимать чисто пролетарский элемент, и уже к 1898 году в одних только Омских жел.-дорожных мастерских насчитывалось около 2000 рабочих.

Главным очагом революционного движения в Омске были железнодорожное депо и мастерские. Железнодорожные рабочие уже в России, откуда прибыли, были в значительной степени тронуты политической пропагандой, а некоторые из них даже принимали прямое участие в революционном движении. Они то и были пионерами революционного движения в Омске. Среди этих то рабочих и организованы были в Омске первые социал-демократические кружки. Эти кружки, вначале разрозненные, и об'единявшие крайне ограниченный по количеству круг рабочих, к началу 1903 года связываются с городской социал-демократической организацией, которая к тому времени пустила значительные корни в среде городского ремесленного пролетариата. Во главе городской организации стояли несколько политических ссыльных, которые и занялись организационной спайкой городских и железнодорожных революционных кружков. В результате этой спайки был создан Омский комитет

РСДРП. С этого момента революционная и партийно-воспитательная работа постепенно раздвигает прежние рамки кружковщины. Перед все возраставшей рабочей аудиторией партийная организация выступает с докладами и рефератами. Выпускается ряд прокламаций, появляется нелегальная литература. Омская организация и с нею вместе рабочая масса приобщается к революционному движению всей страны и начинает активно реагировать на события дня, все больше и больше втягиваясь в организованные протесты против политического и экономического гнета. Все яснее и ярче вырисовываются лозунги революционных рабочих, и в повседневной борьбе против возмутительных способов эксплоатации и нищенских расценок каторжного труда перед сознанием рабочего все ярче выступает главный враг трудящихся: самодержавие. И основным боевым кличем омских рабочих во всех выступлениях становится «долой самодержавие».

1905 год с самого начала проходит в Омске под знаком массового революционного движения, в котором наряду с городским ремесленным пролетариатом и учащейся молодежью железнодорожные рабочие занимают первое место. Вести из-за Урала, грозные и радостные, о забастовках, потемкинском восстании, крестьянских волнениях бодрящим эхом отдаются в сердцах омских рабочих. Загнанное в подполье революционное движение г. Омска начинает выступать из «дозволенных» берегов и на всем протяжении лета 1905 года разливается широкой волной маевок, массовок, открытых цеховых собраний и пр. Тщетно пытается полиция вкупе с жандармерией помешать этим собраниям. Все чаще организовываются массовки и собрания. Все пестрее их состав: тут и рабочие, и служащие, и студенты, и гимназисты. Лишь изредка удается полиции и жандармерии накрыть ту или иную массовку. Одна из маевок этого года, устроенная в лесу около монастыря, подверглась нападению полиции, при чем некоторые из участников были избиты нагайками, а другие были арестованы и затем отправлены в ссылку. Этот эпизод не помешал через пару дней организовать в другом месте более многолюдную маевку, которая, однако, прошла благополучно.

События в стране развивались с неимоверной быстротой. На очередь дня стал вопрос о генеральной забастовке, или вернее, о репетиции к генеральной забастовке.

14-го августа за городом на поляне собрались представители кружков железнодорожных мастерских вместе с представителями городской организации для обсуждения письма ЦК, призывавшего к забастовке. Из обмена мнениями выяснилось приподнятое настроение рабочих, их готовность примкнуть к движению, и тут же постановлено было об'явить забастовку с 17-го августа, выдвинув краеугольным требованием 8-ми часовой рабочий день. К концу собрания, когда участники его начали уже расходиться, нагрянула полиция, а за ней и казаки. После тщательного обыска всех железнодорожников отпустили, обязав их никуда не выезжать, а товарищей из городской организации арестовали и отправили в тюрьму.

В ночь на 16-е августа по городу и по цехам железнодорожных мастерских были разбросаны прокламации с призывом к политической забастовке под лозунгом «да здравствует Учредительное Собрание» и с требованием 8-ми часового рабочего дня. Утром 16-го дружно, с большим революционным под'ёмом началась забастовка почти одновременно во всех цехах. Во дворе мастерских был устроен митинг, столь внушительный, что жандармы и полиция не отважились помешать ему, оставаясь немыми свидетелями развернувшейся рабочей стихии. Зато ночью жандармы пошли вылавливать всех участ-

ников собрания 14 августа, при чем за небольшим исключением почти все были арестованы и отправлены в тюрьму. Кроме того, был арестован по подозрению ряд рабочих и несколько человек из железнодорожной администрации. Несмотря на репрессии, забастовка проходила весьма организованно и дружно, и администрация вынуждена была, учтя настроение рабочих, пойти на уступки и удовлетворить почти все экономические требования, за исключением требования 8-ми часового рабочего дня. 19-го августа забастовка кончилась и рабочие приступили к работе. Эта забастовка была лишь репетицией к предстоящим в ближайшее время боям, репетицией, доказавшей выдержку, сознательность и товарищескую спайку омского железнодорожного пролетариата.

Манифест 17-го октября и столичные события, сопровождавшие его, докатились до Омска на следующий день. Экстренное заседание Омского комитета РСДРП постановило примкнуть к начавшейся всероссийской забастовке, подчеркнув ее политический характер, но в то же время уделив достаточно внимания и чисто экономическим требованиям, касавшимся жилищного вопроса, увеличения заработной платы, 8-ми часового рабочего дня и друг.

19-го октября забастовали рабочие депо, а затем примкнули к забастовке и рабочие мастерских железной дороги. Был создан стачечный комитет для руководства забастовкой и для принятия мер против возможного срыва ее, а также стачечный фонд для оказания денежной помощи уволенным рабочим. Городской пролетариат присоединился к железнодорожникам, распространив забастовочную волну на заводы, мастерские, типографии, банки и правительственные учреждения. Деловая будничная жизнь Омска замерла.

Под руководством комитета партии, 19-го октября в день об'явления забастовки в городе была организована демонстрация под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». В демонстрации, кроме городских рабочих, приняли участие широкие круги городского населения. В то же время и железнодорожники организовали демонстрацию и с пением революционных песен под красными знаменами направились в город. На Любинке, как называлась одна из центральных частей города, обе демонстрации встретились и слились в один мощный людской поток. Тут же на улицах были организованы летучие митинги, на которых выступали социал-демократы, критикуя царский манифест, выясняя лживость его обещаний и призывая рабочих к борьбе за свержение царизма, за Учредительное Собрание, за 8-ми часовой рабочий день. Когда пятитысячная масса направилась по Почтовой улице, дорогу ей преградил вооруженный казачий отряд и без всякого предупреждения набросился с нагайками и шашками на безоружную толпу, беспощадно избивая и засекая всех кто попадался под руку. Обезумевшая толпа кинулась по дворам и боковым улицам и в несколько минут очистила улицу, оставив на мостовой несколько жертв.

Так омские власти истолковали возвещенные царским манифестом свободы. Умиленное манифестом настроение обывателя полсе этого первого урока быстро пошло на убыль. Рабочие же теснее сомкнули ряды и решительнее вступили в борьбу за укрепление и расширение вырванных из царских рук свобод. Исторический момент требовал определенной четкой и ясной тактики в борьбе с самодержавием. Вместо восторженных рукоплесканий так называемым «свободам» понадобилось прямое революционное действие.

И уже на следующий день, 20-го октября, по почину железнодорожных рабочих был организован на Казачьей площади многолюдный митинг. На этом митинге впервые за «дни свобод» ясно вылилось настроение и отношение

различных кругов населения к переживаемому моменту. От имени партии кадет выступал В. И. Пищиков, он прочел вслух царский манифест и в краткой речи выразил свое полное удовлетворение «царской милостью». Вслед за ним выступил рабочий социал-демократ, который в горячей речи с большим под'емом обрушился на либералов, призывая рабочих не верить их сладким речам о свободах. «Рабочему классу,—говорил он,—не по пути с буржуазией, и единственный путь к действительной свободе—это захват власти путем вооруженного восстания широких трудящихся масс». Эта первая чисто большевистская оценка политического момента и открытый призыв к вооруженному восстанию на многолюдном и разношерстном собрании не нашел живого отклика. И либералы, и социал-демократы меньшевики, и эсеры постарались затушевать выступление этого рабочего-революционера, всячески доказывая собранию, что в настоящий момент преждевременно говорить о вооруженной борьбе, что между прогрессивными партиями не должно быть никаких разногласий и что все должны об'единиться на почве единственного требования всеобщего, прямого, равного и тайного голосования в будущее представительное собрание. Эти умеренные речи как нельзя лучше пришлись по вкусу обывательски настроенной в большинстве своем толпе. Лишь небольшая группа рабочих явно выражала свое сочувствие выступавшему рабочему и вскоре вместе с ним оставила собрание.

Начатая 19-го октября забастовка железнодорожных рабочих проходила в условиях далеко не благоприятных. В рабочей среде с самого начала наметились два направления. Одни всемерно поддерживали революционное движение и открыто шли на борьбу за укрепление завоеванных свобод, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Другие явно противодействовали движению. К этим последним принадлежали, главным образом, мастера и более отсталая часть рабочих, а среди кондукторов образовалась даже черносотенная организация, которая начала открыто выступать с кулачными расправами против бастовавших рабочих.

В начале забастовки рабочие послали на имя министра путей сообщения петицию, в которой пред'явили целый ряд экономических требований: 8-ми часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 50 процентов, устройство квартир и проч. В напряженном ожидании министерского ответа проходила забастовка и, наконец, потеряв всякую надежду на получение ответа, рабочие 29-го октября решили вернуться к станкам. Через несколько дней вместо ожидавшегося удовлетворительного ответа главное управление Сибирской железной дороги по телеграфу уведомило рабочих, что, в случае новой забастовки, все рабочие будут немедленно уволены и рассчитаны, а за дни только что закончившейся забастовки они лишены дневной заработной платы. Одновременно с этим на дверях появилось за подписью железнодорожной администрации об'явление, согласно которого рабочие извещались, что всякие собрания и сходки в стенах мастерских строго воспрещаются и что впредь такие собрания будут допускаться только с разрешения полицейских властей.

Вслед за прекращением забастовки в железнодорожных мастерских и депо решили приступить к работе и городские рабочие. Но тут они наткнулись на различные фокусы хозяев и хозяйчиков. Так, на заводе Рандрупа под предлогом якобы предстоявшего ремонта большинство рабочих было уволено и выброшено на улицу без уплаты за забастовочное время. Бедственное положение рабочих день-ото-дня усугублялось. Истощенное забастовочной волной рабочее население г. Омска, в поисках выхода из своего бедствен-

ного положения, естественно, пришло к логическому выводу — к организации своих классовых оборонительных позиций, к созданию профессиональных союзов. И в этой области главными инициаторами были железнодорожные рабочие, первые организовавшие профессиональный союз на платформе широкой беспартийности и нейтральности профдвижения. Вслед за железнодорожниками возникают профсоюзы приказчиков и служащих торгово-промышленных заведений, столяров, типографов, рабочих табачной фабрики, маслоделов, парикмахеров, булочников и проч. Наряду с этим возникает целый ряд производственных артелей: портных, техников и др. Сама жизнь наталкивает рабочую мысль на правильный путь защиты своих интересов и в поисках этих путей и в преодолении стоящих на этих путях препятствий растет и крепнет классовое революционное самосознание рабочего.

Более революционная часть омского пролетариата и в первую голову, конечно, железнодорожники приходят к убеждению, что бороться против насилий и гнета самодержавия можно только с оружием в руках. Мысль о неизбежности вооруженного столкновения трудящихся масс с царизмом, мысль о вооруженном восстании все больше и больше проникает в сознание рабочего. И вскоре среди железнодорожников возникают первые боевые дружины. Впоследствии организуются такие же дружины на заводе Рандрупа и в техническом училище. Город и железнодорожный район были разбиты на участки, были установлены сигналы и пароли на случай тревоги и сбора. Дружины были разбиты на десятки с десятскими во главе, при чем десятский знал адреса квартир всех своих дружинников, чтобы в случае тревоги можно было бы быстро всех собрать. Вооружение, конечно, было самое разнообразное: революьверы разных систем, винтовки, шашки, тесаки, кортики и проч. Дружины выдвинуты были жизнью в целях обороны революционных рабочих и их организаций от все более и более наглевшей черной сотни.

Борьба продолжалась.

В минувшую забастовку рабочие завода Рандрупа добились 10-ти часового рабочего дня с 8-ю часами фактической работы. Но спустя две недели, по мере успокоения рабочих, администрация завода об'явила, что рабочий день удлиняется на два часа, то-есть до 12-ти часов. Часть рабочих подчинились требованиям администрации, другая часть бросала работу в 4 часа вечера, после 10-ти часового рабочего дня. В результате рабочие, не подчинившиеся распоряжению предпринимателя, были рассчитаны и выброшены на улицу. Администрация этого завода вообще отличалась особой неустойчивостью по отношению к рабочим. Администрация преследовала руководителей рабочего движения и рабочих депутатов. В средних числах ноября администрация уволила одного рабочего, выделившегося на заводе, как верного депутата интересам рабочих. Никакой «вины», кроме депутатства, за этим рабочим не было. Возмущенные рабочие потребовали от заводоуправления обратного приема уволенного на работу. Рабочие угрожали забастовкой. На этот раз солидарная настойчивость рабочей массы заставила заводскую администрацию уступить, и уволенный рабочий был принят обратно.

Если в мастерской и на заводе в схватках между рабочими и их эксплоататорами рабочие, благодаря выдержке и спайке, при всех других тяжелых условиях борьбы все-таки добивались кое-каких реальных результатов, то зато служащие и особенно служащие государственных учреждений не могли похвастать ни организованностью выступлений, ни товарищеской солидарностью. 15-го ноября началась всероссийская почтово-телеграфная забастовка. К забастовке примкнуло и омское отделение. На созванном по сему поводу

общем собрании служащих почтовиков и телеграфистов был поставлен на голосование вопрос об отношении к всеобщей забастовке. Большинством 103 голосов против 93 при 60 отсутствовавших решено было забастовать. Эта смелость забитого мелкого чиновника не прошла для него даром. Вскоре, как бы для острастки всем, последовало распоряжение начальника округа об увольнении со службы 15 человек, без выдачи какого-либо жалованья или пособия.

В течение всего ноября волна забастовок на почве борьбы рабочих г. Омска за улучшение своего положения перекатывается из одной мастерской в другую, с завода на фабрику, втягивая в ряды борющихся все новые кадры рабочих и закаляя сознание широких рабочих масс в этой борьбе. И если в начале октябрьских событий многие начинания и выступления революционной части рабочих наталкивались на косность и несознательность целых пластов в рабочей среде, то уже к моменту подготовки декабрьской забастовки мы видим, что былая рознь и взаимное непонимание между различными группами рабочих стушевывается и к движению примыкают многие старшие мастера и даже кондуктора из лагеря черной сотни, опозорившие себя открыто враждебным выступлением 21-го октября против бастовавших рабочих железнодорожных мастерских.

Так сама жизнь за короткий революционный период, изо дня в день нанизывая одно за другим события героической борьбы рабочего класса за углубление и укрепление революции, спаяла омских рабочих в дружную революционную семью, и к развернувшимся декабрьским событиям пролетариат г. Омска и его железнодорожных мастерских, главным образом, представляет собой мощный боевой отряд на всем революционном рабочем фронте страны.

Но свершить что-нибудь значительное в 1905 г. этот отряд был не в состоянии, прежде всего, потому, что он был малочисленным и, хотя находился в непрерывной связи с Красноярском, действовал самостоятельно, был как то оторван от всего движения в общероссийском масштабе. Омские рабочие, как и рабочие многих других не только сибирских, но и российских городов, не были еще подготовлены к революции в полном смысле этого слова. И вполне понятно, если в Омске революционные волны утихомирились, как только самодержавие начало в центре одерживать верх над рабочей революцией. Буйствовавший по Сибири барон Меллер-Закомельский своей карательной рукой заглушил последние революционные вспышки омского пролетариата: насчитывают свыше ста железнодорожников, которых этот каратель отправил в тюрьму и ссылку.

Революционное движение притихло, ушло в подполье готовиться к решительной борьбе и окончательной победе. И в 1917 г. омский пролетариат шел уже нога в ногу с пролетариатом всей России.

К. К-ч.

Омск в эпохе 1905 года.

(Из моих воспоминаний).

Примерно, в ноябре 1905 года Иркутский комитет партии (тогда РСДРП) предложил мне поехать для работы в Омск, где было полное безлюдье. В Иркутске мы, большевистское крыло организации, проводили в это время организацию боевых дружин, об'единив ее под руководством Совета дружин, в который входил и я. Работа развертывалась широко и очень интересовала меня, но я в Иркутске уже достаточно к тому времени намозолил глаза жандармам, всего за семь месяцев перед этим вышел из тюрьмы и, очевидно, работать долго не смог бы.

Учитывая это обстоятельство, я в начале декабря был уже в Омске.

Меня встретили два товарища, которые заявили, что никакой организации сколько-нибудь правильно действующей в городе нет, нет и работников, и работу надо ставить заново.

В самом городе имелся лишь один небольшой завод сел.-хоз. орудий (Рандруп), в котором были связи, в остальном город был типичным обывательским и походил скорее на большую казачью станицу. Ядро организации составляли железнодорожные мастерские, находившиеся в трех верстах от города в Атамановском хуторе (так назывался рабочий поселок при вокзале). С ними связь была прочная, но систематической работы не велось и там из-за того же отсутствия работников.

Решено было, что главное внимание должно быть обращено на создание прочной организации в мастерских. С этою целью я вскоре же перебрался на житье на вокзал под кличкой «Сергеев». На первое время остановился в квартире, где жили братья Вичинские. Кроме них, там жило еще человека три рабочих. Квартира служила явочной и в то же время и организационным центром мастерских. Здесь хранилась литература, устраивались собрания, сюда приходили за всякими справками рабочие из мастерских и т. д.

Трудно допустить, чтобы эта квартира не была известна жандармам— очень уж заметно было оживление вокруг нее,—но никто ее не трогал, как и вообще в это время на вокзале не было никаких арестов, ни обысков. Движение шло в гору, революция развертывалась, «с высоты престола» народу обещались разные блага, и вокзальное начальство (здесь помещалось и жандармское жел.-дор. отделение), очевидно, решило до поры до времени не раздражать массу железнодорожных рабочих.

На вокзале (оговариваюсь, что этим наименованием называли тогда для краткости весь железнодорожный рабочий район) я встретил совсем иные настроения, чем в городе. Здесь царило сильное оживление. Рабочих в мастерских и депо насчитывалось до 2.000 чел. Революционной энергии накопилось

много, она искала себе выхода и не находила, бурлила молодою кровью, заражала всех особенным боевым задором.

У Вичинских на квартире я увидел в комнатке привернутые к столу тисы. Оказалось, что их нарочно поставили здесь и работают на них «типографию» для города.

Кроме мастерских и депо, в поселке находилась еще мельница Ковалева и красочный завод Довборы. С обоими я вскоре установил связь, а на мельнице организовал кружок.

На мельнице сразу выдвинулись два-три энергичных работника и среди них тов. Старков. В 1907 г., когда в Сибири уже во-всю бушевала реакция, он был убит жандармами при обыске в его квартире.

Кроме этих предприятий, связь была установлена с паровозными и кондукторскими бригадами, где также выдвинулось несколько хороших работников, с ремонтом и жел.-дор. техническим училищем. Часть товарищей, ранее уволенных из мастерских, организовала свою артельную мастерскую. В числе их были тов. Максимов, Котельников, Зыков и другие.

С каждым из цехов мастерских, в депо и в упомянутых уже других предприятиях скоро наладилась систематическая постоянная связь, были выделены организаторы, которые собирали (и очень аккуратно) членские взносы, раздавали брошюрочную литературу и получали за нее деньги, проводили все иные сборы, извещали о массовках, о настроении и событиях в своих частях и т. д.

В самих мастерских и депо общие летучие собрания (сразу после окончания работ) устраивались лишь по каким-либо срочным вопросам. Обычно общие собрания устраивались в поселке в железнодорожном клубе. Когда же реакция стала нажимать и жандармы стали разгонять нас из клуба, мы перешли снова на массовки за поселком, в лесу (за жел.-дор. мастерскими, за Порт-Артуром и т. д.).

Разгонять эти массовки посылались казаки. В поселке, на колокольне, жандармы устроили наблюдательный пункт и оттуда выслеживали идущих на массовку рабочих. Впрочем, столкновений с казаками серьезных ни разу не было. Наша разведка работала хорошо и часто вся массовка, человек в 200, распластавшись на земле в густом березняке, наблюдала, как вокруг по лесу рыскают казаки в поисках массовки.

В мастерских боролись две партии: наша и эсеров. Влияние эсеров было, правда, небольшое, но они часто выставляли на собрания хороших опытных ораторов.

Часть массовок поэтому уделялась дискуссиям с эсерами. Помню одну из них в открытом поле сразу же за бойнями, в так называемом поселке Порт-Артура.

Собралось человек 150. Так увлеклись спорами, что с 5-ти часов довели собрание до сумерек, а конца еще не виделось. Охрана донесла, что со стороны Семипалатинского тракта развернутым строем идет полусотня казаков, заглядывая во все перелески.

Когда стало уже совсем темно и почти вплотную подошли казаки, мы тихо разошлись по поселку.

В нашей организации на возале всецело господствовало большевистское направление, в городе, наоборот, весь городской комитет состоял из меньшевиков. Все посылавшиеся оттуда ораторы были меньшевики и мы на массовках вели споры с ними, вызывая со стороны рабочих упрек в интеллигенщине, в грызне и т. д.

Впрочем, из среды самих рабочих скоро выделился ряд товарищей, стойких большевиков, и вокзальная организация жила от города своей жизнью, пропитанная до низов большевизмом.

Работало два кружка которыми руководил первое время я. Скоро оставаться у Вичинских стало нецелесообразно и я подыскал специальную квартиру, которая на все время стала организационным центром. Хозяйкой этой квартиры была Паша Долгушина, впоследствии арестованная на Забайкальской областной конференции.

Развертывавшееся революционное движение скоро поставило перед нами вопрос о нашей вооруженной подготовке к восстанию.

Приступили к организации боевой дружины. Желающих состоять в ней было много, но не было оружия. Наскребли кое-как револьверов на два десятка и организовали их. С ними вели обучение строю.

Одновременно приступили к заготовке ручных гранат (бомб). Отлили их до сотни. Были они двух размеров: побольше—величиной и формой в большой стакан—и поменьше с навинчивавшейся крышкой.

Внутренняя стенка гранаты была нарочно отлита мелкоребристой, чтобы при разрыве граната разлеталась на мелкие осколки.

Взрывчатый состав готовил один товарищ-техник, фамилию которого я теперь, к сожалению, забыл.

Когда мы услышали о движении Меллер-Закомельского, была сделана попытка взорвать его поезд.

Под насыпь около моста через Иртыш, там, где поезд, сойдя с моста, развивает при подходе к станции Омск большую скорость, был заложен фугас. Насыпь здесь очень высока и взрыв пути должен был сбросить весь поезд под откос.

Фугас в виде четвертной бутылки был заполнен сильным взрывчатым веществом. Провода от него провели в овраг со стороны Порт-Артура, невдалеке от одного из крайних домишек.

К сожалению, взрыв не удался,—прозевала наша связь, и поезд проскочил на станцию неожиданно для нас.

Фугас этот остался лежать под насыпью всю зиму 1907 г. и лишь весною железнодорожные рабочие, исправляя путь, наткнулись на него. Он был взорван жандармами на другой стороне Иртыша и, как мне передавали, сила взрыва была такова, что в поселке дребезжали стекла.

Меня в это время в Омске уже не было—я ушел в ссылку.

К деятельности дружины надо отнести и два устроенных в 1906 году «экса». Один, впрочем, нельзя и назвать «эксом»—взяли кладовую участка, припугнув сторожей браунингом. Искали оружия, но такового там не оказалось, за исключением, кажется, двух старых больших Смитов.

Другой «экс» устроили в конторе депо, специально за паспортами. Взяли ящик с документами всех рабочих депо, что-то около 800 штук. Паспортами снабдили все организации Сибири, включая Иркутск.

В отношении к выборам в 1-ю Государственную думу ж.-дор. организация раскололась. В то время, как город всецело стоял за участие в думе и легализацию работы, на вокзале большинство также высказалось за участие в выборах, меньшинство, в том числе и я, бойкотировало выборы. Это не помешало провести в думу социал-демократа.

Когда получены были известия о разгоне думы и события в центре стали расти, приближаясь к восстанию, мы собрали в сборном цехе мастерских общее собрание всех рабочих, и выяснили возможность призыва к вооруженной

борьбе. Собрание единогласно приняло резолюцию быть готовым к восстанию и по первому призыву выступить на поддержку рабочих Петербурга.

Если бы Омская организация руководилась большевиками, нет сомнения, что еще на призыв Совета Рабочих Депутатов к восстанию и начавшееся восстание в Москве в декабре 1905 года, Омские мастерские ответили бы немедленным восстанием. Масса была достаточно подготовлена к нему. Единственная серьезная сила— казачьи сотни, стоявшие в Омске, оказались бы также на стороне восставших. Настроение их было определенно революционное. За два года широко развернувшейся работы и ряда выступлений рабочих масс города у нас с казаками не было ни одного столкновения и, обратно, было два случая отказа их от разгона наших собраний.

Но революционный порыв рабочих был отвергнут организацией и впоследствии разменялся и погас в единичных выступлениях, «эксах», вооруженных сопротивлениях при арестах, где погиб ряд лучших работников.

О Московском восстании, например, мы узнали, когда оно было уже разгромлено и в Сибирь двигалась карательная экспедиция Меллер-Закомельского.

Закомельский в Омске ограничился двумя-тремя арестами, выпорол одного рабочего, разогнал без применения оружия нашу демонстрацию 9-го января и быстро двинулся дальше.

В ноябре я выехал в Иркутск. В конце этого же месяца или в декабре в Омске была арестована конференция Зап.-Сибирской организации партии.

Я вернулся в Омск. Движение быстро шло на убыль. Нам, впрочем, еще удалось провести выборы во вторую думу. Мы разбили город на участки, к каждому участку прикрепили группу товарищей, которая обходила свой участок из двора во двор, ведя агитацию за наш список и предлагая самый список.

Мы снова победили на выборах и во вторую думу снова прошел социал-демократ. Третьей думы Акмолинская область не дождалась. Царь решил, что, очевидно, область еще не усвоила себе начал новой государственности и после опыта с двумя первыми думами лишил область избирательных прав.

А. Ширямов.

Иркутск.

1905 год в Иркутске.

До революции 1905 года.

Иркутск двадцать-тридцать лет тому назад был одним из крупнейших торгово-финансовых центров Сибири. В нем сосредоточивались нити торговой деятельности на дальнем севере, через Забайкалье с Дальним Востоком, с Монголией и через Монголию с Китаем*). Иркутск был в то время самым населенным городом Восточной Сибири и ее административным центром. Но в промышленном отношении самый город не имел никакого значения, так как сколько-нибудь значительных промышленных предприятий в городе того времени совершенно не было. Зато в пределах Иркутской губернии уже существовала добывающая промышленность—добыча каменного угля в Черемховских копях и добыча золота по Витиму. Проведение железной дороги дало сильный толчок этой промышленности: усиленным темпом двинулась разработка Черемховских каменноугольных копей, и началось стягивание золотопромышленности в руках крупного капитала. В то же время были вблизи города воздвигнуты крупные железнодорожные мастерские (на ст. Иннокентьевской), стрóилась Кругобайкальская железная дорога. Таким образом, вокруг города стягивалось значительное количество рабочих, вербуемых не только из прилегающих сельских местностей, но со всех концов Сибири и даже Европейской России.

Жизнь города до революции протекала спокойно и гладко. Населенный крупным купечеством и окружающим его служилым людом, большим количеством торговцев среднего и мелкого калибров, местным мещанством и чиновниками, Иркутск не нуждался в особенно яркой общественной жизни. Но наряду с перечисленными слоями населения существовал менее спокойный, способный к брожению элемент. Иркутск являлся центром средних учебных заведений, к которым тяготела молодежь прилегающих уездов и областей (Якутской и Забайкальской). Город имел также значительное количество представителей интеллигентного труда. Кроме того, Иркутск, являясь центром распределения громадной массы направлявшихся в Якутскую и Забайкальскую область ссыльных, в составе которых было много ссыльных политических, был окружен этим неспокойным элементом, всегда доставлявшим администрации много хлопот и огорчений. «Политическая ссылка» имела значительное влияние не толькона молодежь, но и на крестьянское и рабочие население Иркутской губернии.

*) До проведения Восточно-Сибирской и Амурской железных дорог торговля с Китаем велась караванным путем через пункты Кяхта—Урга—Калган.

Первые пропагандисты.

Пионерами политической пропаганды в Иркутске как раз и являлись политические ссыльные, а также прибывавшие из России на работу по постройке железной дороги рабочие. Под влиянием политических ссыльных начали уже с 1899 года возникать революционные кружки. Что представляли из себя эти кружки—неизвестно, но по заключению прокурора Иркутской судебной палаты, «ближайшее ознакомление с деятельностью кружков приводит к выводу, что их возникновение есть результат усилий политических ссыльных подготовить во что бы то ни стало почву для местной революционной работы».

К началу 900-х годов политическая пропаганда значительно прараспространилась, охватывая, главным образом, иркутскую молодежь, часть городских рабочих и отчасти затрагивая рабочих железной дороги. Возникший в это время Сибирский соц.-демокр. союз не мог не обратить внимания на скапливающееся с проведением железной дороги вокруг Иркутска рабочее население и принимает меры к охвату его революционной пропагандой. Вслед затем возник Иркутский комитет РСДРП (1902 г.), первые прокламации которого появились в Иркутске 16-го марта 1902 г. Прокламации распространялись, главным образом, в городе, редко попадая в рабочие районы, связь с которыми у Иркутской организации была весьма слабая. Однако, стачка железнодорожных рабочих на ст. Иннокентьевская, очевидно, проходит под влиянием Иркутского комитета, прокламации которого были раскиданы на станции за несколько дней до стачки. Стачка была подавлена военной силой*). В этой стачке, как видно из прокламаций Иркутского комитета, рабочие, пред'являя экономические требования, придают им политическую окраску: «Пусть знает начальство и правительство, что на каждый отказ, на каждую несправедливость мы и теперь и впредь будем отвечать дружными криками: «Долой самодержавие, за здравствует политическая свобода, да здравствует республика, да здравствует социализм!».

Если в данном случае и было какое-либо влияние Иркутского комитета, то в громадном большинстве других случаев борьба рабочих протекала без всякого влияния революционных организаций, стихийно, под руководством инициаторов из среды самих рабочих.

Но в самом г. Иркутске Комитет укрепил связь со всеми учебными заведениями, проникнув даже в юнкерское училище. Распропагандированная молодежь не находила практического выхода для своей революционной энергии, варилась в собственном соку. Свою активность учащиеся проявляли только в

*) Стачку в Иннокентьевской царский охранник (см. «Обзор револ. движения в округе Иркутской судебной палаты за 1907 г.») описывает так: «Стачка эта возникла 22-го апреля 1902 г. В этот день около 10 ч. утра в ремонтном депо неожиданно раздался машинный свисток, и вольнонаемные рабочие прекратили работу, заявили требование об установлении 8-ми часового рабочего дня, об увеличении платы, сложении штрафов и т. п. Всех рабочих в депо было: вольнонаемных—450 и служащих по контрактам 150; последние участия в стачке не принимали, из числа же вольнонаемных человек около 200 готовы были в первый же день встать на работу, но удержались под страхом насилий со стороны стачечников. Уже на вечерние работы 22-го апреля явились 30-50 рабочих, но, вследствие угроз по отношению к ним стачечников, были отпущены начальником депо». Рабочие упорно настаивали на своих требованиях, хотя держали себя спокойно. 21-го апреля на станцию «Иннокентьевскую выехал вице-губернатор в сопровождении роты солдат, *командированный, главным образом, для защиты рабочих* (курсив ред.), которые пожелали возобновить работу. 25-го апреля стачка благополучно прекратилась, и на работу стали все рабочие, за исключением 27 чел., которые были рассчитаны».

распространении прокламаций, которые в конце 1904 и в начале 1905 г. Иркутский комитет издавал усиленно, город засыпался дождем прокламаций. Ученические кружки росли, развивались. Некоторые из них занялись изданием своих нелегальных журналов, при чем здесь особенно выделялись учащиеся духовной семинарии.

Опираясь на молодежь и местную интеллигенцию, Иркутский комитет не смог выделить пропагандистов-рабочих для пропаганды и организации рабочих масс в окрестностях Иркутска.

Обыски и аресты.

Уже в 1903-м году революционная деятельность иркутских организаций начинает выливаться в форму открытых выступлений. Первым проявлением этого является демонстрация, организованная 14-го января 1903 года, после лекции лектора Кулябко-Корецкого перед аудиторией в 1000 человек по истории революционного движения на Западе. По прочтении лекции один из присутствовавших на ней ссыльных попытался прочесть лектору адрес, носивший характер политической революции. Всполошившийся полицеймейстер остановил чтение адреса, а в ответ на это со всех сторон посыпались возгласы «долой полицию», «долой самодержавие». Демонстрация была прекращена нарядом полиции.

Эта демонстрация, а затем другие открытые выступления заставили охранку усилить свою бдительность, в результате чего последовал в течение 1903 и 1904 годов ряд арестов подпольных работников. Этот успех охранки иркутский прокурор судебной палаты в своем «Обзоре» описывает в следующих словах: «В 1903-м г. в апреле, июле и ноябре, а затем в феврале и мае 1904 г. были произведены ликвидации наблюдений за членами соц.-демокр. партии, при чем среди арестованных было несколько членов Комитета. Благодаря этому незначительная и ранее деятельность Комитета сократилась еще более и почти всецело сосредоточилась на издании и разброске прокламаций, по содержанию своему не представляющих ничего нового».

Ночью на 15-ое февраля 1904 г. было арестовано 12 человек и отчасти подпольная типография. Захвачено было при этом некоторое количество прокламаций, бланков с паспортами, фотографий и т. д. Затем в ту же ночь произведен ряд обысков. Обыски и аресты (на этот раз только 2-х лиц) повторились 16-го сентября.

Охранка, хорошо осведомленная о характере работы Иркутских организаций в период 1903-1904 г. г., не считала необходимым пустить в ход против них все свои силы, заботясь пока только частично обессилить подпольную работу. Но зато она ревностно оберегала рабочие районы от политической заразы. И даже в тех случаях, когда рабочие выступали только с экономическими требованиями, охранка немедленно принимала свои меры, стараясь выловить всех до одного «зачинщиков». Так, например, поступила охранка после забастовки у одного из подрядчиков на постройке Кругобайкальской дороги, в Б. Хабартуйском туннеле. Несмотря на то, что охранник сам признал требования рабочих законными и даже уговорил подрядчика смягчить его кабальный договор с рабочими, тем не менее он все же счел нужным произвести аресты зачинщиков и возбудил перед начальством ходатайство об отпуске средств на устройство арестного барака на 450 человек, так как в пади Хабартуй не было помещения, куда можно было бы слать забастовщиков.

Рабочие забастовки.

Мы уже отмечали, что революционные организации Иркутска не в состоянии были овладеть рабочим движением, ограничиваясь работой среди интеллигенции и отчасти городских рабочих. Между тем, почва для организации рабочих назревала. Уже с начала 900-х годов в рабочих районах Иркутской губернии началось заметное забастовочное движение.

Положение рабочих, особенно на постройке Кругобайкальской жел. дороги, было очень тяжелое. Рабочие на постройках пути находились в полной бесконтрольной власти подрядчиков, агентов и контрагентов, опутывавших рабочих кабальными договорами и надувавших рабочих при всякой возможности. Выгодное дело постройки привлекало к себе всякого рода жуликов и авантюристов, всех этих Бенди, Карповых и князей Андронниковых, поставивших перед собой одну цель—наживу во что бы то ни стало, не стесняясь никакими средствами. Многие из этого типа «подрядчиков» брались за дело без гроша в кармане и, несмотря на это, при содействии администрации обеспечивались подрядами и задатками и, когда наступало время расчета с рабочими, давали тягу с заработком рабочих в кармане. Жизнь рабочих на постройке дороги в кое-как устроенных бараках отягчалась опасными земельными и взрывочными работами без предохранений, благодаря чему за девять месяцев 1902 года было только зарегистрированных 224 несчастных случая. Если к этому всему прибавить низкую заработную плату, спаиванье водкой и расчеты ордерами в лавку вместо денег,—то ясно предстанет перед нами картина положения рабочих. Не лучше было положение рабочих и на Витимских приисках, где существовали сезонные договоры, урочная система, обсчет и произвол шахтовых смотрителей.

Забастовки рабочих как на приисках, так и на Кругобайкальской жел. дороге, происходили часто, а начиная с 1904 года—целыми сериями одна за другой, но разрозненно, и носили преимущественно оборонительный характер. Они редко кончались удачно для рабочих, благодаря немедленному вмешательству полиции и военной силы, и только на Витимских приисках, где центр сосредоточия военной силы был слишком отдален (город Киренск), это вмешательство не всегда имело место.

Рабочие на постройке пути и на приисках в своей массе не представляли постоянного кадра. Только на Черемховских копях рабочие принимались на постоянную работу и благодаря этому их положение было несколько лучше. Но по мере развития угольных разработок, администрация копей нашла выгодным заменить местный кадр рабочих более дешевой силой, навербованной в наиболее голодающих местностях Сибири и России. Это вызвало обостренные отношения между местными рабочими и рабочими пришельцами и вслед за тем забастовку тех и других. В результате забастовки пришельцы вынуждены были взять на плечи котомки и двинуться на родину, измеряя по шпалам Великий Сибирский путь.

Забастовочное движение было особенно сильно в 1904 году, но и в этот период оно все еще носило стихийный характер. Отсутствие революционых рабочих организаций отразилось на революционном движении в 1905-м году, когда рабочие Иркутского района, не будучи сплоченными, не смогли ярко проявить своей классовой воли.

1905 год.

Близость театра военных действий и непосредственные ощущения результатов войны на хозяйственной жизни были причиной особой восприимчивости иркутского населения к анти-военной пропаганде. Поэтому пораженческое настроение особенно чувствовалось сильно почти во всех слоях населения. Рабочие, служащие и интеллигенция охотно шли на массовки и митинги, а это способствовало вербовке в революционные группы и кружки. Малочисленные группы рабочих и служащих целиком вовлекаются в политическую и общественную жизнь; приступают к организации профессиональных союзов. Учащаются забастовки, часто без выдвижения каких-либо требований, а лишь по солидарности с общим развернувшимся в России стачечным движением. С 28-го февраля по 10-е марта 1905 года бастовали типографии. Вслед за ними об'явили забастовку рабочие винного склада. В феврале же состоялась сходка и митинг приказчиков, закончившийся забастовкой в знак солидарности. 2-го марта бастуют типографии Макушина и Посохина. 9-го августа бастуют железнодорожные рабочие депо, не пред'явив никаких требований. В августе же началось движение среди учителей, которые образовали свой союз и созвали с'езд народных учителей. Различные собрания в научных и культурных организациях превращаются в политические митинги. Инженеры и техники, адвокаты, врачи и учителя, приказчики, служащие и рабочие железной дороги, почтово-телеграфные служащие организуются в союзы. Одна часть перечисленных союзов возникла с половины 1905 года, другая к концу года. Учащаяся молодежь, организовавшись в союз, занялась выпуском прокламаций посредством гектографа*). Эти союзы выработали свои разнообразные политические, не всегда ясные, платформы и в конце-концов сделали попытку об'единиться в Союз Союзов. Вот что пишется по поводу этой организации в не раз уже цитированном нами «Обзоре»: «Почти все союзы и организации гор. Иркутска для об'единения своей деятельности избрали центральный орган—Союз Союзов и более или менее сообразовались с его постановлениями. Совершенно особое положение заняли социал-демократы. Находя направление Союза Союзов буржуазным, они отказались от установления с ними связи и действовали совершенно самостоятельно. На созываемых ими митингах предлагались и утверждались резолюции, вполне откровенно призывающие к вооруженному восстанию. Так, например, были постановлены следующие резолюции: 1) революция еще не кончилась, она не может кончиться ранее, чем будет достигнуто всенародное Учредительное Собрание, пока не будет сломана в конец и сметена с лица земли сила царского правительства. Очаг восстания—безработица в городах и голод в деревне не потухли... 2) задача рабочего класса и всех, кто стремится к истинной народной свободе, должна за-

*) «Из этих документов (гектографированных изданий союза учащихся),—пишет в своем «Обзоре» прокурор судебной палаты,—видно, что целью своей деятельности организация поставила как подготовку деятелей, могущих принять участие в революционной борьбе, так и немедленное присоединение к революционной деятельности, при чем было постановлено отчислять из кассы взаимопомощи 10 проц. в Комитеты революционных партий на вооруженное восстание. По негласным сведениям, совершенное в октябре месяце неудачное нападение на магазин Абачина и Орлова с целью захвата оружия было задумано и приведено в исполнение членами ученической организации, и сведения эти находят подтверждение в том, что после бегства нападавших около названного магазина был обнаружен раненый гимназист Булах. Впоследствии 20 января 1906 года несколько членов названной организации были задержаны в городском театре, где они во время спектакля распространяли упомянутые ранее воззвания».

ключаться в том, чтобы, не давая улечься революционному движению, направить его к окончательному уничтожению царской власти, к достижению полного самодержавия народа. Поэтому всякого, кто теперь при продолжающемся восстании готов сложить оружие и принять участие в подкрашенной манифестом 17-го октября Государственной думе, мы об'являем предателем рабочего класса и изменником делу народной свободы».

Позднее других организовался союз железнодорожных служащих и рабочих. 13-го октября (ст. ст.) в помещении Службы Пути Забайкальской железной дороги состоялось собрание железнодорожных служащих и рабочих, постановившее присоединиться к всеобщей политической забастовке. Забастовка началась на другой же день. Был избран стачечный комитет.

В тот же день началась почтово-телеграфная забастовка. Движение по железной дороге остановилось. Рабочие-железнодорожники 15-го октября двинулись в город. Закрылись магазины, прекращена работа в типографиях. Началась полоса грандиозных митингов и демонстраций*).

Об'единенный стачечный комитет, заседавший почти непрерывно, сделал попытку взять в свои руки регулирование всей хозяйственной жизнью города.

Но далеко не все население города разделяло революционные настроения. Растерявшиеся на первых порах полиция и жандармерия начали организовывать черную сотню. Это побудило революционные группы приступить к организации самообороны. Немедленно же было создано несколько боевых дружин, на первых порах плохо сплоченных и вооруженных. Не дремали и черносотенцы, усиленно готовясь к разгрому. Уже раздавались крики «бей жидов», и вскоре же произошли стачки между дружинниками и погромщиками, в одной из которых были убиты два брата Винеры (студент и гимназист). Черносотенцы готовили расправу с милиционерами на подобие погромов в других городах, но этого сделать им не удалось, благодаря дружной работе боевых дружин. Но власти города, почувствовав поддержку со стороны реакционной части населения, воспользовались моментом для подавления революции. На первых порах была разоружена, при помощи военной силы, часть дружинников самообороны и произведены аресты 59 человек, вскоре же затем освобожденных запоздалым манифестом 17-го октября.

Манифест 17-го октября пришел в Иркутск с запозданием, хотя о существовании его имелись вполне определенные слухи. Существованию манифеста не поверил только генерал-губернатор, издавший даже на этот предмет официальное опровержение.

Полученный манифест обсуждался на многолюдном собрании в Общественном Собрании. Председатель собрания, социал-демократ, Мандельберг высказал свой взгляд на манифест, как на акт, после которого революционная борьба не имеет смысла. Ему возражали другие представители соц.-демократической организации. В результате собравшиеся на митинг приняли резолюцию, выражавшую полное недоверие обещаниям манифеста и требовавшую дальнейшего развития революции.

*) «Вопреки обязательному постановлению генерал-губернатора от 14 октября,— жалуется прокурор судебной палаты,—происходили ежедневно по несколько раз митинги... Митинги были многолюдны, а выступавшие на них ораторы произносили речи революционного содержания. Во время митингов производились сборы в забастовочный фонд, оканчивались же они пением революционных песен».

Брожение в войсках.

В войсках иркутского гарнизона, особенно в запасных частях, на почве требований скорейшего увольнения запасных, увеличивались волнения. Были случаи отказа идти на караульные посты, в конце-концов запасные стали угрожать забастовкой.

В ноябре месяце в Иркутске был организован военно-стачечный комитет, в составе представителей от военных (преимущественно от офицеров), от партийных организаций с.-д. и с.-р. и от стачечного комитета. По словам «Обзора», «ближайшей целью деятельности военно-стачечный комитет намечал захват власти в свои руки, а затем—об'явление Сибири независимой». 28-го ноября собралось в городском театре более тысячи солдат гарнизона. На этом собрании был выработан ряд требований о реорганизации условий военной службы, о созыве Учредительного Собрания, и вообще выражено сочувствие всем общенародным требованиям.

На таком же митинге, состоявшемся на другой день, было решено начать забастовку, арестовать некоторых офицеров и овладеть оружием и боевыми припасами. Затем тут же были произведены выборы командиров.

Но военно-стачечный комитет, не имевший, очевидно, ни определенных целей, ни определенного плана, действовал нерешительно. Несмотря на активную поддержку, которая комитету была оказана со стороны всех частей иркутского гарнизона и рабочих города, начальник бригады, генерал Ласточкин, ловкими приемами ликвидировал стачку. Свою растерянность, политическое легкомыслие и полнейшую неспособность использовать революционные порывы широких масс эсеры попытались в одной прокламации оправдать тем, что комитет не нашел нужным захватить власть только потому, что опасался «неорганизованного, беспринципного солдатского бунта».

Подавление военной стачки было началом конца революционного движения в Иркутске. Начались аресты, сначала единичные, затем массовые. 31-го декабря арестованы 300 человек членов соц.-демократической организации, собравшихся для встречи нового года. Вслед за тем был арестован ряд служащих и рабочих железной дороги. Город об'явлен на военном положении, полиция и охранка усиленно «работали». С востока и запада надвигались два карателя Ренненкампф и Меллер-Закомельский. Революция глубоко ушла в подполье.

Подводя итоги событиям в Иркутске в 1905 году, нельзя не отметить наличие в этом городе крупных, революционно настроенных, но еще несорганизованных рабочих и крестьянских (армия) масс. Эта сила так и осталась неиспользованной. Иркутские революционные организации, сумевшие во всю ширь развернуть октябрьскую революционную волну, не смогли овладеть дальнейшим ходом революции.

Причина этому заключается в том, что в составе самой крупной и влиятельной в 1905 году в Иркутске революционной группе, а именно, в Иркутской организации соц.-демократов отсутствовало здоровое рабочее революционное ядро. В организации преобладало влияние меньшевизма. И только меньшевистским засилием можно об'яснить тот факт, что в Иркутске революционный порыв застыл при первой яркой вспышке.

А. Ч.

Забастовка Иркутского гарнизона*).

В знаменательные дни после 17-го октября 1905 года русский народ пробудил сознательно повергнутую правительством в вековой сон, русскую армию, хотя и слабыми, на первый раз движениями своего одряхлевшего от сна тела, она все-таки обнаружила признаки пробуждения.

Иркутский гарнизон, в составе двух сотен Иркутского казачьего дивизиона, двух батальонов запасных солдат и конвойной местной команды, 24-го ноября 1905 г. пред'явил бывшему тогда начальником гарнизона ген.-майору Ласточкину свои требования, которые, ввиду их неудовлетворения, и вызвали забастовку всего гарнизона.

Утром 21-го ноября ко мне, в казармы Иркутского казачьего дивизиона, пришел мой товарищ Р. и спросил меня, не желают ли казаки вместе с солдатами пред'явить начальнику гарнизона требования о замене гнилой пищи доброкачественной, об увольнении запасных, о выдаче мундирных вещей и т. п. Солдаты решили формулировку этих претензий поручить своим выборным товарищам.

Не зная настроения иркутских казаков, они опасались противодействия с их стороны.

Казаки незадолго до этого пред'явили претензии своему дивизионному командиру о замене гнилого чая и недовольство вахмистром 1-ой сотни, который был до такой степени предан начальству, что шпионил за казаками. Эти требования были удовлетворены командиром дивизиона без доклада о них высшему начальству. Этим и ограничились первоначально волнения среди казаков.

Переговорив с некоторыми, более сознательными товарищами-казаками, мы пришли к заключению, что терять случай для пред'явления общих требований начальнику гарнизона нельзя, так как только коллективным заявлением можно достигнуть желательного для нас результата.

Вечером того же дня я и еще один товарищ присутствовали на собрании выборных от солдат всего гарнизона. Когда мы, приняв предварительно меры предосторожности, т. е. поколесив немного, пришли туда, там было уже несколько десятков солдат, с напряжением слушавших речь «вольного», раз'яснявшего им их теперешнее положение и народное требование Учредительного Собрания, которое они, как взятые из того же народа, должны поддержать,

*) Эта статья вахмистра С. Сизых была первоначально напечатана в журнале «Воля», который в 1907 году издавался в Японии, в г. Нагасаки, группой политических эмигрантов. Мы опубликовываем эту, совершенно неизвестную русскому читателю, статью без всяких сокращений или изменений, ибо она, написанная по свежим впечатлениям, дает нынешнему читателю яркое представление о характере и размере движения, охватившего в 1905 году некоторые военные части Сибири.

так как, именно на службе, собранные вместе и вооруженные, они представляют грозную силу, под натиском которой падут оковы рабства и их, солдат, и всего народа. Солдаты слушали выводы оратора, а некоторые из них, видимо, более сознательные, знакомые уже с освободительным движением, также говорили о значении армии в борьбе народа с правительством. Как только мы показались, все обратились к нам, желая узнать от нас о настроении казаков. Я и товарищ мой заявили, что казаки, хотя и неподготовлены к тому, что происходит в настоящее время в гарнизоне, но если мы об'ясним им значение этого, то они, наверное, поддержат своих более сознательных товарищей. Наши слова очень ободрили и обрадовали солдат, так как многие из них считали казаков реакционным элементом.

По возвращении в дивизион мы с товарищем посвятили в это дело пока лишь нескольких хороших надежных казаков, почти сразу согласившихся содействовать солдатам. Большая же часть казаков ничего не знала.

После первого собрания состоялись второе и третье, все пока тайные, и с каждым разом количество присутствовавших солдат увеличивалось, в то же время росло их желание скорее пред'явить требования. На третье собрание пришли несколько сочувствующих офицеров и привели с собою некоторых еще не определившихся. Выбранный председателем двух последних собраний, я решил, что тянуть дольше нельзя, и предложил открыто устроить митинг своего гарнизона. Бывшие тут офицеры взяли на себя роль посредников между солдатами и ген.-майором Ласточкиным. И вот, 25 ноября в Красных казармах Иркутского батальона собрались почти все солдаты и казаки гарнизона, в числе около 1500 человек.

На последнем тайном собрании было условлено, что из офицеров штабс-капитан Неплюев сообщит казакам о результате переговоров с Ласточкиным. Часов в 6 вечера 25 ноября штабс-капитан Неплюев приехал и сказал нам, что Ласточкин согласился на устройство митинга в казармах и разрешил свободным от занятий солдатам и казакам присутствовать на митинге. Неплюев сообщил командиру дивизиона войсковому старшине Мунгалову о распоряжении Ласточкина. Командир, однако, не захотел отпустить казаков, заявив, что у него желающих идти на какие-то собрания нет, и что казаки всем довольны. Неплюв просил казаков не идти против желания командира и обещал все, что будет говориться на собрании, передать нам. Но мы категорически заявили ему, что пойдем на собрание. По поручению казаков, я пошел к командиру дивизиона и заявил ему, что казаки пойдут на собрание, если даже придется уйти силой. Командир опешил и заговорил дружески, не по-начальнически: «Зачем вам ходить? Мы соберемся в дивизионе, у себя, да поговорим обо всем». Но видя мою непреклонную настойчивость, он сказал: «Что же, ступайте. Но что будете там говорить, расскажите мне». Я долго пробыл у командира, и казаки уже думали, что я арестован, и хотели идти требовать от командира сейчас же освобождения меня.

Взяв только свободных от служебного наряда, я пошел с ними в солдатские казармы.

Солдаты уже собрались в казармах и ждали нас. Пришли все офицеры Иркутского батальона и многие из других частей гарнизона. С офицеров взяли слово, что никто из них не будет преследовать ораторов за сказанное.

Председателем выбрали вольноопределяющегося унтер-офицера. Ораторами выступили нижние чины и офицеры. Первым говорил командир 1-го Ир-

кутского батальона — полковник Блоцкий, убеждавший солдат ничего не делать против присяги, но шиканье и крики не дали ему продолжать. После него солдат 2-го Запасного батальона Ж. в горячей речи описал безвыходное положение раба-солдата, просил товарищей не слушать продажных офицеров и призывал к борьбе за улучшение горькой доли солдата. Речь его вызвала бурные аплодисменты всего собрания. Настроение солдат поднималось, слышались отдельные крики, что пора потребовать пересмотреть все уставы и особенно военно-судебные, что довольно мучить людей и т. п. По знаку председателя, все умолкало. Говорил новый оратор, и чем более он говорил, тем больше его приветствовали. Офицеры-ораторы заявляли, что они понимают тяжелое горе младших товарищей-солдат и что готовы идти с ними на борьбу. Охрана состояла из городской дружины и самообороны, в помощь которым были наряжены вооруженные винтовками солдаты,—с целью предупредить всякую провокаторскую выходку со стороны начальства.

Этим утром в казачий дивизион приезжал начальник местной бригады ген.-майор Ягодкин и опрашивал претензии казаков, а также уговаривал их не ходить на митинг, назначенный в городском театре. На вопрос, пойдут-ли казаки на митинг, ответом было молчание, и перепуганный генерал поспешил убраться из дивизиона. Командир дивизиона и командиры сотен в этот день оставили всех казаков без отпуска, но, несмотря на это, все свободные от службы явились в театр.

Собрание открылось речью председателя П., заявившего от лица всех выборных, что теперь нужно, не теряя времени, приступить к рассмотрению требований, которые и были одобрены всеми собравшимися на митинг. Вместе со специально солдатскими и казачьими требованиями о выдаче, например, недополученных различных видов казенного довольствия, увольнения в запас выслуживших срок и т. п., были выставлены требования об отмене смертной казни, о полной амнистии всем борцам за свободу созыва Учредительного Собрания и передачи всей земли трудящимся на ней.

Был об'явлен бойкот всем офицерам, обращавшимся с подчиненными несправедливо и жестоко, как, например, полковник Высоцкий, подполковник Кашкаров и другие; требовали убрать их. Один из ораторов солдат рассказал, как на заводах, где он работал раньше, рабочие поступают с бойкотируемыми ими инженерами, управляющими и служащими, которых рабочие вывозили за ворота завода на тачках завязанными в мешках. Кто-то заметил, что так же нужно сделать и с бойкотируемыми офицерами.

Порядок был образцовый: ни пьяных, ни нарушителей тишины не было. По предложению ораторов, были почтены вставанием павшие за народную свободу борцы. Митинг своей грандиозностью и сердечным отношением к нему воинских чинов являлся достойным выражением просыпающегося понемногу в солдатах сознания их бесправия и забитости; в своих речах солдаты выливали и гнев на прошлую и надежду на будущую лучшую свою долю.

Когда солдаты шли на митинг, их останавливали какие то люди, убеждавшие их не ходить в театр, говоря, что здание театра оцеплено полицией, а комитет весь арестован, но эта провокаторская выходка подосланных начальством лиц вызвала только гнев солдат.

Кончился митинг далеко за полночь. Выработанные требования были на утро следующего дня представлены начальнику гарнизона, генералу Ласточки-

ну, посланными к нему делегатами из сочувствующих офицеров гарнизона. Следующий митинг был назначен на другой день в помещении Общественного Собрания.

27-го ноября вечером к помещению Общественного Собрания, уступленного старшинами Собрания под военный митинг, повалили солдаты и казаки, стараясь, как можно скорее, узнать, что ответил генерал Ласточкин на требования, надеясь, что он удовлетворил хоть часть их и разрешил ротные, сотенные и батальонные собрания с целью раз'яснения массе солдат и казаков политических событий и октябрьского манифеста, не прочтенного даже начальством в воинских частях.

В ожидании ответа от генерала Ласточкина и для поддержания веры и бодрости в солдатах и казаках, ораторы об'ясняли значение коллективного пред'явления требований, которые, если будет нужно, должны быть поддержаны силой оружия.

Наконец, около 11 часов вечера посланные делегаты возвратились и принесли копию приказа, подписанного Ласточкиным. Этот тупоголовый генерал, ссылаясь на военный устав, отказывался удовлетворить наши требования, предписывая в то же время ротным, батальонным и сотенным командирам вежливо обращаться с солдатами, не драться, а в случае какого-либо проступка поступать согласно закону.

Это значило, что раньше офицеры били солдат, когда хотели, а теперь генерал приказывал за всякий малейший проступок отдавать солдат под суд, заключать в дисциплинарные роты, военные тюрьмы и т. д.

Приказ этот, естественно, вызвал бурю негодования среди солдат и казаков. И в могучем крике — «Забастовка» вылился справедливый их гнев. Терпеливый русский солдат вышел из терпения и об'явил войну своему коварному и подлому начальству, ставленнику самодержавия.

Когда солдаты и казаки немного поуспокоились, решено было выбрать руководителями бастующего гарнизона новых командиров, взамен ставленников правительства. Были выбраны присутствовавшие на митинге поручик О.—начальником гарнизона, прапорщик З.—комендантом города, капитан С.—командиром 1-го батальона, капитан В.—командиром 2-го батальона, вахмистр Сизых—командиром Иркутского казачьего дивизиона.

Решили идти после митинга в казармы за орудием, захватить артиллерийский склад, взять там патроны и все оружие.

Разошлись в 12 часов ночи.

Я поспешил в дивизион и увидел, что там, в канцелярии, сидели все офицеры дивизиона, о чем-то толкуя. Я опасался, что кто-нибудь из них войдет в казармы, куда должны были сейчас придти с митинга казаки, начнут с ними говорить, что произведет замешательство, и забастовка может не состояться. На счастье, никто из офицеров не вышел.

Казаки же понемногу возвращались. Тихо, без шума я отдал им приказание седлать лошадей и вооружаться; в это время кто то взял трубу, и в ясную, морозную, тихую ночь прорезали воздух звуки боевого сигнала: «По тревоге». Тут все засуетилось, и казаки, привыкшие собираться «по тревоге», быстро выезжали и строились на казарменном дворе. В это время из канцелярии еще быстрее, чем казаки, выскочили офицеры и разбежались

по квартирам, только один из них вышел на казарменный двор и грубо спрашивал снующих мимо него с седлами и оружием казаков (по моему приказанию, был отворен цейхгауз с оружием) :«Что за тревога и по чьему приказанию?». Казаки не отвечали ему, и он уже без всякого офицерского гонора стал просить об'яснить ему, в чем дело. Кто то сказал ему, что у нас забастовка и собираемся по приказу нового выбранного командира дивизиона. Он ушел.

Когда все построились, я повел казаков к собранию, где думал, как условились с новым начальником гарнизона поручиком О., мы найдем готовых вооруженных солдат и вместе с ними займем все намеченные места и арестуем нежелательных офицеров.

Когда мы под'ехали к Общественному Собранию, там было уже темно, никого кругом не было видно... Кто то из дружинников самообороны сказал нам, что поручик О. просил передать казакам, чтобы сегодня все отдыхали, а завтра всем собраться днем на митинг. Услышав это «приятное» сообщение, казаки все-таки не упали духом.

Офицеров ночью в дивизионе никого не было, никто не являлся. Эта ночь была очень тревожна. До утра дружинники самообороны приносили известия, что какие то орудия, пушки или пулеметы, перевезены из артиллерийского склада во двор местного юнкерского училища, где собрались черносотенные офицеры, во главе с Ласточкиным. Утром почти не спавшие казаки (новизна впечатлений вызвала живой обмен мыслей, все события горячо обсуждались с точки зрения правоты нашего дела и вероломства начальства) собрались в канцелярию дивизиона в полном боевом вооружении на совет для вырешения: что будем делать? Совещались до двух часов дня. В это время приходил бывший командир дивизиона войсковой старшина Мунгалов, командир 1-й сотни эсаул Черкаш и под'эсаул Могилев.

Нужно было видеть удовольствие казаков, когда прежде чем войти в казармы дивизиона, каждый из офицеров спрашивал разрешения у дневального у ворот, который, как бы видя их в первый раз, хладнокровно говорил: «Не приказано пущать». Только после моего разрешения их впускали. Вошедший в канцелярию дивизиона бывший командир Мунгалов, увидевши в канцелярии, кто на чем: на табуретах, стульях, поленьях, в папахах и с головы до ног вооруженных казаков, сказал: «здравствуйте». Между нами было условлено раньше не отвечать «здравия желаю», и поэтому на разные голоса сказали ему тоже: «здравствуйте». Опешивший от этого, Мунгалов спросил меня: «Что тут такое творится?». На это я ему от имени дивизиона ответил, что казаки забастовали и выбрали меня своим командиром. После этого он ушел домой.

Время тянулось очень томительно, тяжело было так долго ждать распоряжения от нового начальника гарнизона. Были посланы несколько вестовых к Общественному Собранию, но ответа не привезли. Тогда я решил ехать туда со всеми казаками. Построившись, мы готовы были выехать, как вдруг на взмыленном коне прискакал урядник, который буквально упал с лошади перед строем и нервно закричал: «Наших всех арестовали, начальника гарнизона и коменданта и председателя. Солдаты 1-го полка 2-го батальона (это 500 человек) перешли на сторону Ласточкина». Услышав это, все онемели. Не дав им опомниться, я вскричал: «За мной, едем выручать арестованных!»—и казаки выехали со двора. Одного казака я послал в конвойную

комнату для того, чтобы конвоиры сейчас же следовали за нами к Общественному Собранию. Галопом поскакали мы к Собранию, против которого через дорогу было здание канцелярии генерала Ласточкина. Там находились арестованные.

Когда мы под'езжали к Общественному Собранию, огромная толпа народа, стоявшая там, сначала подалась назад, думая, как говорили потом (кто то даже пустил злой слух), что казаки будут разгонять народ, но, не видя между нами офицеров, закричали: «Ура, да здравствует свобода!». Мы же прибавили аллюру лошадей, в'ехали во двор канцелярии Ласточкина и оцепили ее кольцом. Часть казаков спешилась, и я с ними вскочил в помещение и лицом к лицу столкнулся с Ласточкиным, сзади которого выстроилось человек 20 вооруженных солдат и целая свора офицеров. Увидев его, я закричал: «Сейчас же освободить арестованных»... Ласточкин побледнел и растерянно произнес: «Успокойтесь, казачки». В это время раздалась команда одного из офицеров свиты Ласточкина, и солдаты, взяв на руку винтовки и вложив в них по обойме патронов, прицелились в нас в упор, так что штыки винтовок были от нас всего лишь на какую-нибудь сажень. Обернувшись назад, я крикнул казакам зарядить винтовки, и сотня щелкнувших ружейных затворов моментально смирила защитников Ласточкина, тех самых солдат 1-го Сибирского запасного батальона, которые ночью перед этим приветствовали забастовку и сами первые забастовали. За нами, как лавина, ворвались еще казаки и перепуганный Ласточкин, его офицеры и жалкие солдаты забились во внутрь здания, из которого казаки скоро вынесли на руках наших арестованных выборных: начальника гарнизона и коменданта города.

Это происходило у передних дверей здания. В то же время казаки вскочили по черной лестнице вверх, мы там остались, одновременно с двух сторон окружили и Ласточкина, и офицеров, и солдат. Освобожденный поручик О. и прапорщик Золотарев упрашивали нас не арестовывать сейчас Ласточкина, чтобы не срамить седого, старого генерала, и перед всеми казаками заявили, что его арестуют сами офицеры, которые теперь все перешли на нашу сторону. Казаки согласились и этим погубили себя. Опомнившееся офицерство и Ласточкин моментально убежали куда то из здания. Город в лице своих представителей приветствовал нас, прося в случае каких-либо черносотенных выходок защитить граждан, так как полиция с полициймейстером попряталась. Я от имени казаков заявил на митинге, что мы не допустим никаких насилий: и действительно, после этого ни стрельбы по ночам, ни скандалов и драк в городе не было. По просьбе казаков, монопольные лавки были заперты. Когда собрались все—и казаки, и публика в Собрание, туда пришли и солдаты 1-го батальона и конвойная команда.

По случаю победы казаков решено было выпустить всех арестованных. Послали одного офицера с командой казаков и солдат, которыми и были освобождены арестованные при 4-ом батальоне, при чем караул не оказал никакого сопротивления. Затем пошли на гауптвахту и там выпустили около 100 человек, из которых многие сидели там по нескольку месяцев без суда и следствия. Радость всех освобожденных была неописуема. На гауптвахте был склад оружия, винтовок и патронов, и недавние арестованные, взломав его, вооружились и явились на митинг в сопровождении громадной толпы народа. На митинг явился казачий офицер нашего дивизиона, сотник Сутулов, в полной походно-боевой форме и заявил, что он, сочувствуя движению, про-

сит принять его в число наших товарищей, хотя бы простым рядовым. Спрошенный нами, искренно ли он этого желает, не имеет ли тайной цели, он ответил, что совершенно бескорыстно пришел к нам. Я просил казаков принять его офицером и подчиняться ему, как и мне. Казаки и комитет согласились. На собрании предложено было в знак протеста против насилий и подлости правительства по отношению к борющемуся за свободу народу устроить демонстрацию по городу. Все собрание ответило согласием.

И вот от помещения Общественного Собрания в сопровождении громадной толпы народа и дружин самообороны с красными знаменами мы двинулись к главной улице города—Большой. Впереди на конях ехала сотня казаков, за ней шли вооруженные, потом солдаты, конвойная и учебная команда, народ, потом вторая сотня казаков и сзади громадная толпа народа. По тротуарам и по бокам улицы шли дружинники.

По Большой улице прошли до Ивановской, при чем служащие магазинов, рабочие и публика на каждом перекрестке улиц криками «ура» и «да здравствуют казаки» выражали горячее сочувствие своему проснувшемуся и вступившему в борьбу с общим врагом военному брату. От оваций и того трогающего душу всех чувства близости общности стремлений и желаний народа и армии многие солдаты, казаки и граждане плакали слезами искреннего счастья. Невольно думалось: наконец то, несмотря на все хитрости самодержавного правительства, удалось соединиться для совместной борьбы, являющейся залогом грядущей скорой и окончательной победы над тиранами.

По Ивановской улице дошли до здания телеграфа. Почтово-телеграфные труженики еще на митинге, в лице делегата своего, из'явили готовность прекратить бывшую в то время забастовку для потребностей народного правления. В здании телеграфа были саперы, работавшие по приказанию правительства. Их сняли с работ, и телеграф очутился в руках народа. Заняв телеграф, процессия в том же порядке двинулась к зданию городской думы, где было произнесено много речей ораторами из народа, выражавшими готовность прийти на помощь войскам в деле управления городом.

Народу все прибывало и далее двигаться приходилось очень медленно, казаки и солдаты прямо утопали в гуще народа. От думы повернули обратно по другим улицам к гауптвахте, где вновь заняли караул солдаты 1-го Сибирского запасного батальона и опять уже содержались какие то арестованные. Процессия остановилась у гауптвахты и освободила их. Караул был отправлен в батальон. Было уже поздно, стемнело, когда войска и народ разошлись по домам.

Но солдаты, повидимому, добившись забастовкой своей главной цели—увольнения в запас, находились уже под влиянием сладких речей наобещавшего им все начальства. Сами солдаты приходили и говорили: «Генерал Ласточкин поит нас вином и со слезами упрашивает не ходить на митинг, где крамольный народ и соединившиеся с ним казаки и солдаты идут против царя; а казаки, говорил он, забастовали для того, чтобы начать грабеж и убийства». Солдаты, удовлетворенные чаркой вина и поверившие хитрой старой лисице Ласточкину, прекратили забастовку.

Утомленные этим днем, конные казаки (демонстрация, начавшаяся с 2 час. дня, окончилась около 6 или 7 часов вечера) отправились в дивизион отдыхать.

На следующий день утром я ездил к местному купцу Кузнецу, который пожертвовал для казаков несколько десятков пар валенок и рукавиц. Наступали сильные морозы, а теплой одежды некоторые казаки не имели. Город уже собрал для бастующих казаков и солдат значительную сумму денег и обещал, в случае надобности, помочь всем необходимым. 28-го ноября часов около 11 дня собрался митинг; было решено узнать, почему не идут на митинг солдаты 2 Сибирского батальона, стоявшего в Лисихе за городом. По моему предложению, меня с казаками послали туда. Целая сотня лучших казаков рысью поскакала к солдатским казармам. Когда под'езжали к казармам батальона, солдаты, увидев нас, быстро разбежались куда то, так что в бараке 1-й роты мы никого не нашли; во 2-м бараке тоже никого не было. Дальше попался один, который сказал, что солдаты получают увольнение и расчет в бараке 6-й роты. Мы поскакали туда и, действительно, увидали на дворе много солдат; между ними были офицеры. Солдаты сдали уже винтовки и были обезоруженные. Увидев нас, они приветствовали нас, говоря, что теперь они увольняются и едут домой, а потому прекратили забастовку. Слова упреков посыпались на них от казаков, убеждавших их поддержать остающихся и нас, не ездить, пока начальство не удовлетворит все требования, забрать оружие и итти на митинг. Солдаты в свою очередь нас упрашивали дать им возможность уехать. Вообще задобренные, согласившиеся получить подачку из рук готового теперь на все начальства, они погубили все дело забастовки, так как часть их них готова была даже защищать начальство. Вмешались офицеры. Ко мне подошел какой-то прапорщик в дежурной форме и сказал: «Уведите своих казаков, а то по вас откроем огонь». И действительно, полроты солдат выстроились перед нами с винтовками. Сзади стояли офицеры. Солдаты, подталкиваемые офицерами, робко упрашивали нас уехать; я сказал офицеру, что мы приехали с мирными намерениями, но если кто-нибудь из солдат сделать попытку поднять оружие на нас, то мы за себя не ручаемся, и сотня готовых на все казаков постоит за себя. Солдаты со слезами просили не винить их, так как они хотя и сочувствуют, но хотят ехать домой. Видя, что удовлетворенные начальством солдаты сделались прежними царскими холопами, мы поехали обратно в город. По приезде туда получили известие, что в город вошли возвратившиеся с театра военных действий 5-й Иркутский и 6-ой Енисейский пехотные полки. Ходившие к ним делегаты от гарнизона не были допущены офицерами. Ласточкин опять перебрался в свою канцелярию и уже имел охрану из двух рот солдат 1-го Сибирского запасного батальона. К нам на митинг пришел следовавший через Иркутск из Манчжурии какой то железнодорожный батальон, который хотя и выражал нам свое сочувствие, но остаться в городе не мог. Солдаты же 1-го Сибирского запасного батальона окончательно перешли на сторону Ласточкина. Ночь на 29-ое ноября была очень тревожной. С митинга мы пошли в дивизион, где собравшийся комитет окончательно потерял голову. Надежда была только на нас, казаков, да на конвойную команду. Для усиления наших сил решено было командировать меня делегатом в третью сотню нашего дивизиона, стоявшую на ст. Иннокентьевской в 7 верстах от города Иркутска. Этой же ночью я выехал туда с несколькими казаками по железной дороге. Но из всей сотни мы застали там только 35 человек (остальных уволили в запас). Они хотели сначала присоединиться к нам, но, на утро подосланным командиром этой сотни есаулом Пышковым, шпионом, были уговорены не присоединяться. Им было предложено раз'езжаться кому угодно по домам. В наше отсутствие в Иркутске сотник Сутулов, командовавший казаками вместо

меня, снесся с Ласточкиным и сообщил казакам, что мы, т. е. делегаты, арестованы на Иннокентьевской. Ошеломленные провокаторами казаки и обманом приведенные к Ласточкину, который обещал никого не наказывать за забастовку, принесли повинную. Когда мы приехали в Иркутск в дивизион, казаков не было, Ласточкин держал их при себе. Оставшись ожидать казаков в казармах, я на утро был арестован и уведен на гарнизонную гауптвахту. Город тогда же об'явили на военном положении, и вступившие войска усиленно патрулировали. Кроме меня и еще урядника Б., никто из казаков не был арестован. Через несколько дней я бежал с гауптвахты.

С. Сизых.

Новониколаевск.

1905 год в Новониколаевске.

Революционная волна, прокатившаяся в 1905 году по Сибири, задела Новониколаевск только слегка, как-то мимоходом. На революционные события 1905 года Новониколаевск реагировал до того бледно и слабо, что об этом не осталось следа в литературе*). Причины нам станут понятными, если вспомним, что представлял собой Новониколаевск в 1905 году.

Теперь Новониколаевск—живой бойкий город, численность населения которого перевалила за сто тысяч. В силу разных обстоятельств, он занимает теперь положение центра всего Сибирского края. Здесь находятся краевые организации и учреждения. Отсюда исходит руководство всей хозяйственной и общественно-политической жизнью нашего края.

В 1905 году никакой мало-мальски заметной роли Новониколаевск не играл. Да и город он был только по названию, которое получил лишь 28 декабря 1903 года (10 января 1904 г.).

Имея, как город, от роду всего полтора-два года, Новониколаевск в 1905 году насчитывал только 26.028 жителей и представлял собой не что иное, как разбросанный поселок. Там, где теперь нынешняя центральная часть города с ее Красным проспектом, в 1905 году была пустошь, на которой местами только начали возводиться кое-какие постройки.

Однако, благодаря железной дороге, проведенной в 1896 г. и оттеснившей Томск на задний план, в Новониколаевске уже в 1905 году начали замечаться первые признаки городской деловой жизни. Эту деловитость проявляло не коренное население, продолжавшее, по традиции, коснеть в укладах своей крестьянско-мещанской жизни. Эта деловитость, как вспоминает один старожил, вызывалась в 1905 г. сворой «торгашей, дельцов, темных личностей и разных пройдох, сбежавшихся со всех концов России в надежде на легкую наживу и скорое обогащение». Они почувствовали, что с проведением железной дороги мирный поселок превратится в большой город, что рост его будет скор и что, благодаря своему положению в торговом отношении, он скоро начнет доминировать над всеми городами Западной Сибири. Торгаши заблаговременно примчались сюда, еще до 1905 г., и обосновались в наспех сколоченных деревянных хибарках и лавках (каменных домов тогда было еще мало, их можно было по пальцам перечесть), нарушая своей торгашеской деловитостью мирную жизнь поселка на Оби.

---

*) Материалом для настоящей статьи послужили переданные в Сибистпарт воспоминания Г. В. Соколова, Е. Я. Самойлович и Е. Н. Скрипникова. Все эти воспоминания слишком сжаты и схематичны и страдают большой непоследовательностью в изложении хода событий. Помимо того, авторы воспоминаний нередко противоречат друг другу. И, тем не менее, эти воспоминания дают возможность восстановить в общих чертах то немногое, что происходило в Новониколаевске в 1905 году.

Зная, что представлял собой в 1905 г. Новониколаевск, зная размеры и характер этого города, а равно численность и состав его населения, нам становится понятным, почему нынешняя сибстолица не вписала в историю первой русской революции ни одной яркой страницы.

И первая русская революция совершенно прошла бы мимо Новониколаевска, если бы только на станции Обь, как назывался район, примыкающий к вокзалу, не было железнодорожного депо. Железнодорожники стали первыми пионерами революционного движения в Новониколаевске.

Как ни малочисленен был кадр железнодорожных рабочих, работавших тогда в Новониколаевском депо, но на этот кадр не могли не обратить своего внимания тогдашние социал-демократы и особенно Сибирский соц.-дем. союз. Первая революционная группа возникла на станции Обь уже в конце 1902 г. В состав этой группы первоначально входило 15 человек, исключительно рабочих депо—«вполне надежные товарищи»,—отмечает в своих воспоминаниях Соколов,—которые исправно уплачивали ежемесячный членский взнос, в размере 50 коп.

В 1903 году деятельность этой группы немного расширилась. В ее состав вошли, между прочим, энергичные и предприимчивые—Иван и Василий Шамшины—отец и сын, растрелянные в 1918 году колчаковцами. В 1903 г. група разбилась на три пропагандистских кружка и начала даже изредка устраивать «массовки». В том же году была проведена первая в Новониколаевске «маевка». На этой «маевке», по словам Соколова, присутствовало 35 человек, большинство рабочих. «Женщин не было, им не доверялись»,—замечает Соколов.

Массовый характер приняла деятельность этой группы лишь в 1904 г., когда она завязала сношения с революционными организациями других сибирских городов и установила прочную связь с Сибирским союзом, который стал присылать в Новониколаевск агитаторов и доставлять Обской группе литературу. Впрочем, вскоре группа начала изредка самостоятельно выпускать листовки—гектографированные и даже типографские. Эти последние печатались в типографии Литвинова без ведома владельца типографии. В это время Обская группа вела уже агитацию не только среди железнодорожников, но также среди рабочих, занятых на постройках домов и работавших на мельницах, при чем заметим, что стоявшая на берегу Оби паровая мельница Луканина составляла в ту пору единственное в Новониколаевске «крупное» промышленное предприятие.

Вскоре после Обской группы, но независимо от нее, образовалась в Новониколаевске и городская группа социал-демократов*). Организаторами и руководителями этой группы были Н. И. Самойлович, литейщик М. И. Полунин и И. С. Галунов. И эта группа старалась вести работу среди железнодорожников, но в действительности ее влияние простиралось только на почтово-телеграфных служащих и приказчиков. Эта группа вербовала сторонников и среди учителей.

Необходимо заметить, что строгого подразделения на большевиков и меньшевиков в то время в Новониколаевске, как и в других сибирских городах не было (в Сибири большевики и меньшевики окончательно размежева-

---

*) Заметим, кстати, что по единодушному утверждению всех, с которыми нам пришлось разговаривать, что, впрочем, очевидно и из лежащего передо мной «воспоминаний», эсеры начали появляться в Новониколаевске лишь в конце 1905 г., при чем агитация эсеров находила сторонников только среди интеллигенции (учителей, телеграфистов и т. п.), но отнюдь не пользовалась успехом среди рабочих.

лись лишь в 1917 г.). В каждой группе работали и большевики и меньшевики. Но характерно то обстоятельство, что чисто пролетарская Обская группа полностью проводила большевистскую линию, тогда как про городскую группу, которой руководили, главным образом, интеллигенты, этого сказать не можем.

Помимо этих двух групп имелась и так называемая «группа активистов». Об этой группе в Новониколаевске тогда очень много говорили, ибо своей деятельностью активисты неоднократно давали о себе знать.

В группу «активистов» выродились, если можно так выразиться, те «дружинники», которых выделила из своего состава Обская группа. Назначение дружинников заключалось в том, чтобы охранять «массовки» и, в случае необходимости, давать отпор полицейским и шпикам. Но в действительности дружинники придали своей деятельности чисто-анархическое направление и занялись даже экспроприациями.

Некоторые экспроприации имели, конечно, оправдание. Дружинникам, например, надо было вооружиться. Где же достать оружие? Дружинники проломали в ночное время стену склада полицейского управления (Барнаульская ул., № 40) и забрали 10 берданок, 7 трехлинейных винтовок, несколько тесаков и 15 револьверов системы «Смит-Виссон». Это оружие было передано на хранение члену «дружины» Шамшину, который, когда требовалось, вооружал дружинников.

Обская группа решила организовать типографию. Дружинники пришли на помощь. Они похитили из товарного двора железнодорожной станции большое количество типографского шрифта и других типографских принадлежностей.

Дружинники организовали также «паспортный стол», похитив из полицейского управления большое количество паспортных бланок. Как сообщает Соколов, за паспорт, «освобождавший от военной службы», проезжавшие мимо Новониколаевска солдаты передавали активистам оружие и патроны.

Организация нуждалась в деньгах для покупки литературы. И тут пришли на помощь активисты. Они экспроприировали в одной «монопольке» 300 рублей.

Аппетит, говорят, приходит во время еды. Вступив в полосу «эксов», активисты решили экспроприировать денежную почту с подвод, на которых она перевозилась с почтового отделения на станцию Обь. Нападение на подводы действительно было совершено, но на этот раз активистов постигла неудача: почтовики оказали сопротивление, завязалась перестрелка, поднялась суматоха, раздались тревожные свистки сбегавшихся на выстрелы полицейских, и активисты, заметая следы, еле убрались по-добру, по-здорову, оставив на месте нападения одного раненого почтовика.

Отметить должны, что многие члены Омской и городской группы относились отрицательно к экспроприаторской деятельности активистов и всячески ее осуждали. Особенно ратовал за ликвидацию группы активистов видный партийный работник Петухов (расстрелян белыми в 1918 г., когда чехо-словаки захватили Новониколаевск), но большинство организации было на стороне активистов. Группа активистов самоликвидировалась и расползлась значительно позднее, в те именно дни, когда каратель Меллер-Закомельский начал совершать свое «усмирение» на железнодорожной магистрали.

В то время, когда активисты занимались только «эксами», остальные две группы направляли свою деятельность исключительно в сторону революционной пропаганды и организации рабочих. Уже в 1904 году была в Новони-

колаевске проведена первая забастовка печатников, строительных и мельничных рабочих. Забастовка проходила под лозунгом повышения заработной платы и укорочения рабочего дня. Забастовка продолжалась 10 дней. И хотя забастовка закончилась только частичной победой (удовлетворено было лишь требование о повышении заработной платы), но значение ее было велико: она подняла в глазах масс авторитет подпольной революционной организации, а в рядах членов организации вызвала прилив революционной энергии.

События, которые с 9-го января 1905 г. прокатились революционной волной по всей России, особенно благоприятствовали обеим группам развить свою пропаганду и придать ей массовый характер. С весны 1905 года пришел в революционное брожение весь новониколаевский пролетариат, который увлек за собой почти всех приказчиков многочисленных мелких лавок, а также почтово-телеграфных служащих. Революционный под'ем был настолько велик, что Обская группа решила в день 1-го мая устроить первомайскую демонстрацию.

На 1-е мая Обская группа созвала в железнодорожном клубе первое в Новониколаевске открытое общее собрание рабочих. Ораторы, выступавшие на собрании, раз'ясняли рабочим значение первомайского праздника и призывали к свержению самодержавия .

Как раз в это время мимо клуба проходила учебная рота солдат, возвращавшаяся с учения в казармы. Появление солдат было ложно понято рабочими. Поднялась суматоха. Рабочие оставили помещение и вышли на Михайловскую улицу. Солдаты, между тем, спокойно прошли. Когда все успокоилось, члены организации выкинули два ярко-красных флага—один с надписью «Долой самодержавие», а другой с первомайскими лозунгами—и понесли их по направлению к Кузнецкой улице, увлекая за собой всю массу-рабочих, которые во время шествия распевали революционные песни.

Демонстрация для того времени получилась грандиозная.

Но военно-полицейская администрация города не дремала. На углу Кузнецкой и нынешней Советской улиц демонстранты наткнулись на усиленный наряд казаков, которые нагайками начали разгонять демонстрантов. Сопротивление казакам не было оказано, так как даже дружинникам комитет запретил взять с собой оружие. Во время демонстрации несколько человек было арестовано, но к вечеру все освобождены.

Обстоятельства, между тем, настоятельно диктовали обеим группам необходимость полного слияния для образования единого центра. Для этой цели в июле 1905 года обе группы—Обской руководил Иван Теодорович, а во главе городской стояли тогда Петухов и Кирилл Шипулин (убит на фронте во время империалистической войны)—созвали собрание в лесу за 2-й Ельцовкой. Был установлен пароль и расставлены пикеты. Сходились на собрание десятью дорогами. Участвовало на этом собрании около 60 товарищей. Собравшиеся договорились. Произошло полное слияние обеих групп. Образовался единый Комитет.

С этим собранием связан инцидент, о котором не мешает упомянуть. Дело в том, что на собрание хотел было проникнуть один охранник по фамилии Лежнин. Его уличили. По постановлению Комитета, дружинники отвели Лежнина в глубь леса и там расстреляли. Труп Лежнина был на следующий же день найден, но ни полиция, ни жандармерия не решились предать этот факт огласке. Жандармерия, правда, вскоре кое-кого из «подозрительных» арестовала, но через некоторое время была принуждена всех арестованных освободить из тюрьмы.

Образовавшийся единый Комитет и руководил забастовочным движением в октябрьские дни 1905 года.

Как только началась всеобщая забастовка, дня за два до опубликования царского манифеста от 17 октября, в токарном цехе был созван митинг, на котором с речами выступили рабочие. Вскоре дали тревожный гудок, и работа во всем депо сразу остановилась. Дружной массой вышли деповские на улицу—снимать с работы других рабочих. Приостановили сперва все движение на станции, а затем, двигаясь вдоль полотна железной дороги, сняли с работ мельничных рабочих и вместе с ними направились в центр города, к почте, в которой работа еще продолжалась, хотя значительная часть почтово-телеграфных служащих уже примкнула к забастовке.

Недалеко от почты солдаты цепью загородили дорогу, держа ружья наперевес.

«В это время,—так рассказывает Е. Самойлович,—толпа демонстрантов увеличилась значительно, так как многие присоединялись дорогой. Но как только увидели солдат, все посторонние отпрянули, и осталось только основное ядро, что шло сначала. Демонстранты с пением «Дружно, товарищи, в ногу» двинулись прямо на солдат. Солдаты повернулись и выстроились вдоль дороги. Демонстранты свободно прошли к почте, сняли всех с работы и оставили своих дежурных. Телеграфисты присоединились к демонстрации. Лавочники спешно закрывали свои лавки. Носились слухи о готовящемся погроме. Наши дружинники были наготове, чтобы на корню пресечь всякое погромное выступление. Но прошло все благополучно».

Покончив с почтой, демонстранты взяли направление в сторону вокзала. На всем пути демонстрантов лавки спешно закрывались, а приказчики вливались в толпу демонстрантов.

Временами демонстранты останавливались, чтобы «помитинговать».

Один такой митинг окружили казаки.

«Казачий офицер,—рассказывает Самойлович,—хотел было разогнать толпу, но начальник полиции Шестаков не допустил, сказав, что берет всю ответственность на себя. Казаки раз'ехались. Демонстранты же пошли дальше».

В этой демонстрации, как уверяют очевидцы, участвовало до 800 человек. Если вспомним характер и размеры, а равно численность и состав населения тогдашнего Новониколаевска, то должны будем признать, что это была демонстрация внушительная.

В железнодорожном собрании, куда пришли демонстранты, устроили митинг, на котором выбрали забастовочный Комитет. В состав Комитета вошли: приезжий агитатор Гр. Минский и деповские рабочие—Бутуев, М. Евграфов, Авчуков, М. Пыжов и М. Полунин.

После получения манифеста была устроена еще одна демонстрация.

Этими двумя демонстрациями, забастовочным движением рабочих и митингами, организованными в октябрьские дни, собственно говоря, и ознаменовалась в Новониколаевске вся революция 1905 года.

Как только забастовка по железнодорожной линии прекратилась, жизнь в Новониколаевске вошла в обычную колею.

Правда, предполагалась еще забастовка в декабре, но она не состоялась: к Новониколаевску приближалась карательная экспедиция Меллер-Закомельского.

В Новониколаевске этот каратель не зверствовал, но знать о себе он дал тем, что арестовал и отправил в Томскую тюрьму несколько рабочих.

Не успел Меллер-Закомельский проехать, как уцелевшие в Новониколаевске социал-демократы сделали попытку возродить организацию, что и удалось. Было выделено техническое бюро, которое занялось сбором денег, печатанием прокламаций и даже подготовкой демонстрации в день 9-го января 1906 года, в годовщину царской расправы с питерскими рабочими.

«На подготовку к «празднованию» 9-го января,—читаем мы в хранящейся в Сибистпарте «корреспонденции из Оби»,—было употреблено 8 дней. За это время были выпущены три прокламации и отпечатаны пригласительные карточки на митинг 9-го января. В это же время на общих собраниях подготовлялись ораторы из рабочих, которые должны были выступать на митинге 9-го января. Одновременно с подготовкой к митингу спешно сорганизовалась и милиция (дружинники) для охраны его. «Празднование» 9-го января состоялось, несмотря на меры, принятые полицией. В этот день магазины, лавки, почта и учебные заведения были закрыты. Среди рабочих был сильный под'ем духа. Но вскоре начались аресты. Было арестовано свыше 25 человек».

С разгромом революции наступила реакция, которая дала себя сильно почувствовать и в Новониколаевске. Кто из членов Комитета был арестован и получил ссылку, а кто заблаговременно скрылся из Новониколаевска.

Подпольная работа замерла, но не надолго. Уже в 1906 году подпольная организация опять возродилась. И с каждым годом все более ширился круг рабочих, захваченных революционной пропагандой.

Плоды этой революционной пропаганды не замедлили сказаться. И если бледно откликнулся новониколаевский пролетариат на революцию 1905 г., так зато Октябрьская революция застала его на посту.

В. Вегман.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОМСК.

ИРКУТСК.

НОВОНИКОЛАЕВСК.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

Сибирские Огни

Художественно-литературный и научно-публицистический журнал.

Выходит один раз в два месяца.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Ансон А., Ауэрбах Н., проф. Бакай Н., Басов М., Берников В. Беседин К., Вегман В., Вейсберг, Виленский (Сибиряков), Вяткин Г., Гиндин М., Гольдберг Ис., Громов В., Данилевский Н., Диман Я., Дович В., проф. Драверт П., Дубняк Н., Ерошин И., Зазубрин В., Заводчиков В., Иванов Б., Изонги Н., Итин В., Каменев Т., Камский, Караваева А., Киржниц А., Комаров П., Кравков М., проф. Улябко А., Лесная Лидия. Майский И., Мартынов Леонид., Минин Е., Молчанов И., Монастырский Б., Немчинов В., Несмелов А., Оленич-Гнененко А., Павлов Г., Павлуновский И., проф Петри Б., Правдухин В., Премиров М., Пушкарев Г., проф. Пономарев, Поволоцкий А., проф. Рузский М., Сейфуллина Л., Семенов Б., Сорокин А., Смирнов И., Скуратов Мих., Сосновский Г. П., Тумаркин Д., Тихменов Ф., проф. Топорков, Урманов К., Уткин И., Федотов Н., Черемных Г., Чудинов Д., Ширямов А., Шиша А., Шумяцкий Б., Шумяцкий Я., Ямин В., Ярославский Ем. и друг.

В 1922-24 г. г. в журнале были напечатаны лучшие произведения **Л. Сейфуллиной**, повести и рассказы **Всев. Иванова, В. Зазубрина, В. Итина, К. Урманова, Г. Пушкарева, И. Гольдберга** и др.; лучшие произведения сибирских поэтов, ряд статей о былом Сибири, статьи о современной литературе, подробная библиография.

Комплект журнала за 1922 год—5 р., с пересылкой—**5 р. 50 к.**
Комплект журнала без № 3 и 4—**1** руб. Комплект журнала
за 1923 г.—**3** р., с пересылкой—**3** р. **50** к.
за 1924 г.—5 рублей с пересылкой.

Заказы направлять: Новониколаевсн, Сибкрайиздат, Крпсный пр., № 21, и в отделения Сибкрайиздата.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИИКА НА 1926 ГОД.

Подписная плата на весь год—6 рублей с пересылкой, на полгода—3 р. 25 коп.

ПРИЕМ ОБ'ЯВЛЕНИЙ: страница—**60** руб., 1/2 страницы—**40** рублей., 1/4 страницы—**25** рублей.

Для годовых и полугодовых особая скидка по соглашению.

Цена 1 рубль

